Годъ 9-й. Кн. XXXV

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 4.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

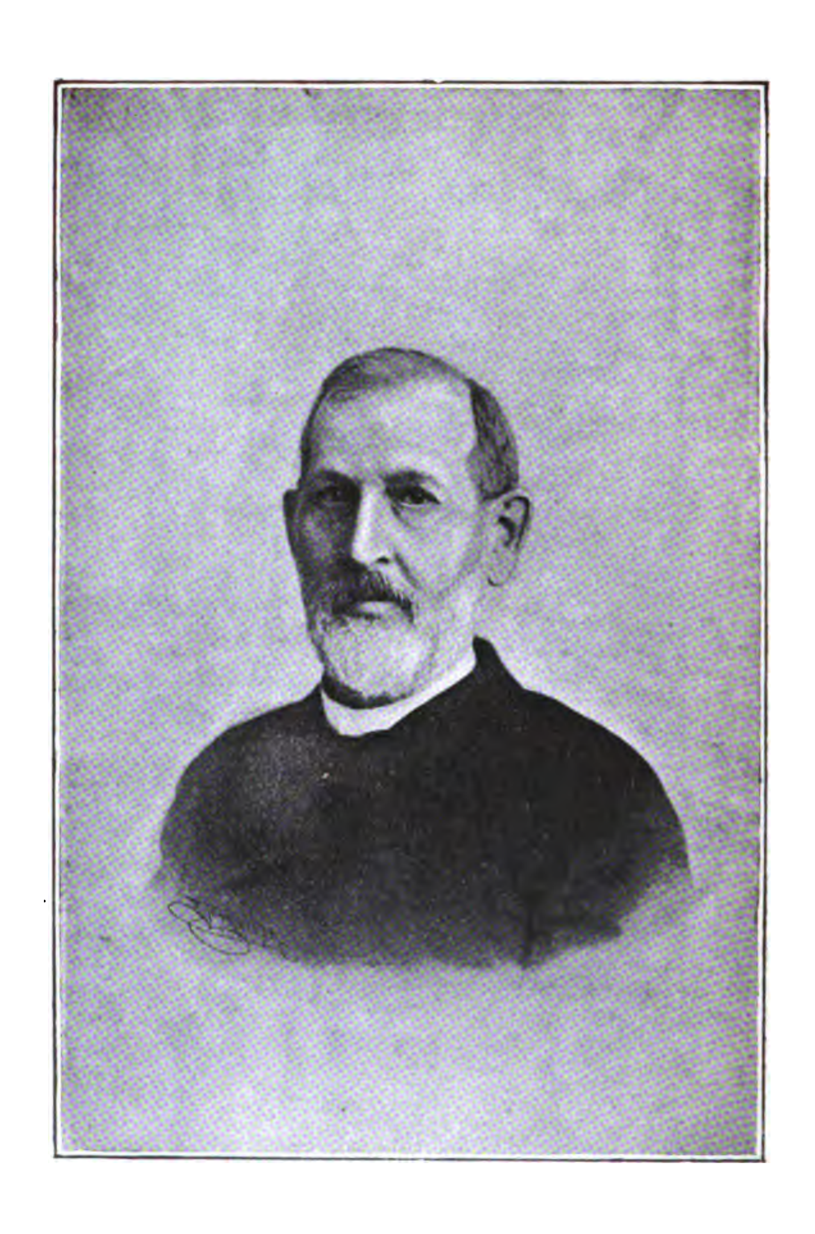

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Ѳ. И. БУСЛАЕВЪ.

(1818 — 1897).

ОБЫЧНОЕ ПРАВО („АДАТЪ") КИРГИЗОВЪ СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.[1)]

II. Союзъ родителей и дѣтей.

I. Права и обязанности личныя. Власть родителей.

Власть родителей неограничена и простирается даже на жизнь дѣтей. Конечно, въ здравомъ умѣ никто не рѣшится убить свое дитя, развѣ только нечаянно, но, какъ бы то ни было, дѣтоубійца не преслѣдуется ни въ какомъ случаѣ и даетъ отвѣтъ одному Богу.

Родители считаются естественными защитниками своихъ дѣтей. Отецъ ищетъ за обиду малолѣтнихъ и за убійство дѣтей. Замужнихъ дочерей защищаетъ мужъ, а отъ мужа отецъ.

Сообразно такой власти и заботамъ, дѣти должны безусловно подчиняться родителямъ, почитать и уважать ихъ. Непокорнаго сына родители наказываютъ сами, а не въ силахъ будутъ справиться—сзываютъ родственниковъ, и всѣ сообща расправятся, выдерутъ и нагайками. Затѣмъ родственники стараются примирить сына съ отцомъ, заставляя перваго просить прощенія. Жалобы дѣтей на родителей по обычаю не должны приниматься, кромѣ жалобы о томъ, что отецъ не женитъ и не отдѣляетъ, ибо родители вольны во всѣхъ своихъ поступкахъ. Неисправимаго сына отецъ прогоняетъ, собравъ родственниковъ и объяснивъ имъ причины, предоставляя ему жить, гдѣ и какъ угодно. Выдѣлъ прогнаннаго зависитъ вполнѣ отъ воли отца; впрочемъ, это одинаково и по отношенію всѣхъ дѣтей за исключеніемъ только женитьбы, то есть прогнаннаго сына можетъ и не женить. Отецъ дастъ ему, сколько вздумается, а и не дастъ, то претендовать никто не смѣетъ. При неповиновеніи дочери одна только мать и другія родственницы наказываютъ. Отецъ рѣдко вмѣшивается въ женское дѣло. Непокорная дочь, однако, не выгоняется,—не выгодно; ее стараются поскорѣе сбыть съ рукъ, выдавъ замужъ.

---

1) См. Этногр. Обозр., XXXIV.

Власть родителей простирается и на выборъ мужа для дочери и жены для сына. Согласія дѣтей родители могутъ и не спрашивать; все это предоставлено обычаемъ ихъ личному усмотрѣнію, чѣмъ они и пользуются, сговаривая дѣтей еще въ колыбели. Сынъ, если не былъ сговоренъ въ малолѣтствѣ, всегда женится съ согласія отца. Да это и понятно, такъ какъ, не дай отецъ скота, сыну не чѣмъ заплатить и калымъ. Даже и отдѣленные сыновья при вторичной женитьбѣ спрашиваютъ отца, хотя вполнѣ могли-бы обойтись безъ его позволенія и согласія. По отношенію замужества дочери власть отца еще болѣе неограничена. Взрослый сынъ могъ бы и не жениться на выбранной отцомъ дѣвушкѣ, но взрослая дочь должна непремѣнно выйти за того, кому отдалъ ее отецъ. Теперь администрація, смягчая нѣсколько обычаи и дозволяя дѣвушкѣ выходить и за невыбраннаго отцомъ, заставляетъ—конечно въ огромномъ меньшинствѣ случаевъ—родителей принимать симпатіи дочери къ свѣдѣнію.

Съ женитьбой и выдѣломъ сыновей и выходомъ дочерей замужъ власть родителей значительно ограничивается. Напримѣръ, наказаніе отдѣленнаго сына и замужней дочери не всегда уже возможны; отобраніе скота у отдѣленнаго сына вовсе невозможно, и при непочтительности его отцу остается отказаться отъ негоднаго и не помогать ему въ нуждѣ. Но случаи неуваженія, непочтительности рѣдки; вообще говоря, у киргизъ почетъ, оказываемый дѣтьми, очень великъ; отецъ и мать принимаются, какъ дорогіе почетные гости. Зато и отецъ при нуждѣ не жалѣетъ средствъ для дѣтей. Богачи платятъ за нихъ огромный калымъ и даютъ такое же приданое. Поминки по умершимъ устраиваются возможно пышно, и призы на байгѣ поглощаютъ иногда много скота и денегъ. Я, напримѣръ, знаю о призахъ въ 2—3 тысячи, и это еще не изъ большихъ, бывали въ 6—7 тысячъ рублей.

2. Права и обязанности по имуществу.

а) Выдѣлъ дѣтей.

Сыновей выдѣляютъ только послѣ женитьбы, при чемъ бѣдные киргизы никогда не выдѣляютъ какъ по неимѣнію средствъ дать новую юрту, такъ и потому, что раздѣливъ скотъ, ни отецъ, ни сынъ не могли бы существовать. Но кромѣ бѣдныхъ и богатые, случается, не выдѣляютъ дѣтей. Богачъ иногда завѣщаетъ сыновьямъ не раздѣляться, и они свято исполняютъ волю отца. Живутъ хотя и совершенно отдѣльно другъ отъ друга, а имуществомъ пользуются сообща, при чемъ старшій изъ нихъ распоряжается на правахъ главы. Дѣтей своихъ выдѣлять можно по общему согласію.

Примѣръ этому виденъ на Атханѣ (бывшій младшій помощникъ Копальскаго уѣзднаго начальника) и Даркембаѣ. Они владѣли имуществомъ сообща; Атханъ, какъ старшій, распоряжался самостоятельно. Изъ этого имущества, по согласію Атхана и Даркембая, выдѣлена часть сыновьямъ перваго: Балкану и Иркембаю при ихъ женитьбѣ. Затѣмъ у Атхана еще пять сыновей, дочь и двѣ жены. Юрты женъ отдѣльныя, но скота нѣтъ ни у одной. У Даркембая тоже есть дѣти. Послѣ смерти Атхана весь скотъ перешелъ въ распоряженіе Даркембая; ни Сеильханъ, 20-лѣтній сынъ Атхана, ни прочіе его братья, кажется, не будутъ раздѣляться; Сеильханъ же и Даркембай не раздѣлятся ни въ какомъ случаѣ.

Помимо этихъ исключеній, богатые и средняго состоянія киргизы всегда выдѣляютъ женящихся сыновей. Размѣръ выдѣла обыкновенно зависитъ отъ воли отца, и если отдѣленный недоволенъ, то говоритъ родственникамъ, эти отцу, и если послѣдній прибавитъ—ладно, не прибавитъ—тоже ладно; участіе родственниковъ кончается, да и отдѣленный не можетъ требовать отъ отца ничего больше.

Чтобы вполнѣ правильно и ясно понимать выдѣлъ, необходимо помнить обычай, приведенный въ имущественныхъ правахъ супруговъ, то есть отецъ выдѣляетъ сына лишь изъ имущества, даннаго во владѣніе матери отдѣляемаго. Количество скота, даваемаго выдѣляемому, хотя и зависитъ отъ воли отца, но обыкновенно оно приблизительно равно всему количеству скота, даннаго матери выдѣляемаго, раздѣленному на число сыновей отъ той же матери. Напримѣръ, если въ пользованіе женѣ дано 200 головъ и у ней 4 сына, то при одновременномъ выдѣлѣ каждый изъ троихъ первыхъ получилъ бы по 40 головъ, а остальные 80 головъ остаются въ пользованіе меньшаго сына и юрты. Младшій сынъ не выдѣляется никогда, ему достается все оставшееся отъ выдѣла братьевъ, и онъ живетъ постоянно съ матерью. Поэтому на долю младшаго приходится всегда болѣе скота, да еще юрта, домашнее имущество и зимовка.

Доли выдѣляемыхъ, конечно, не равны, ибо въ промежуткѣ между выдѣломъ количество скота можетъ уменьшиться или увеличиться, и доля послѣотдѣляемаго можетъ быть болѣе или менѣе доли старшаго брата. Впрочемъ, если выдѣленный обѣднѣлъ или если послѣ его выдѣла богатство отца значительно увеличилось, то и ему отецъ дастъ еще скота.

Отдѣленный сынъ можетъ жить и кочевать вмѣстѣ съ отцомъ; а если жены ихъ не ладятъ, то сынъ кочуетъ въ другомъ мѣстѣ.

Дочерей не выдѣляютъ никогда, вся забота о нихъ: выдать замужъ, приготовить приданое, а затѣмъ, когда у ней родится ребенокъ, отецъ даритъ ей скотъ.

Калымъ за сыновей платится изъ имущества, даннаго ихъ матери; калымъ за дочерей поступаетъ тоже въ имущество матери.

По смерти отца и при опекѣ матери выдѣлъ производится по ея усмотрѣнію, такъ же какъ и при жизни отца. Если же опекуномъ будетъ родственникъ отца, то имущество дѣлится на части строго равныя въ моментъ выдѣла. Впрочемъ, иногда младшему все-же достается немного болѣе скота, да юрта съ имуществомъ.

б) Опека.

Опекуномъ долженъ быть непремѣнно ближайшій по старшинству родственникъ. Само собою разумѣется, что безтолковымъ, глупымъ опека не поручается. Даже воля умирающаго не можетъ измѣнить порядка опеки; кому бы онъ ни поручилъ опеку, все равно его не слушаютъ, и опека переходитъ къ ближайшему родственнику. Отказъ отъ опеки дозволенъ, и тогда опекуномъ становится слѣдующій родственникъ.

Опекунъ беретъ къ себѣ дѣтей умершаго, скотъ, имущество. На его обязанности лежитъ: одѣвать, кормить и заботиться о сиротахъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, что обыкновенно и исполняется, такъ какъ опекунъ не отдѣляетъ сиротъ отъ своихъ дѣтей. Какъ только сироты подрастутъ и женятся, ихъ выдѣляютъ. Выдѣлъ лежитъ на обязанности и совѣсти опекуна; никто въ это не вмѣшивается, если только опекаемые въ ладахъ съ опекуномъ. Если же сироты не вѣрятъ опекуну и ссорятся съ нимъ, то раздѣлъ производится при помощи родственниковъ сиротъ.

Отчета по опекѣ никому не дается; если бы случился обманъ, и сироты узнаютъ, то ищутъ съ опекуна черезъ біевъ.

Скотъ, въ моментъ выдѣла женившагося сироты, дѣлится на равныя части по числу сиротъ; младшему иногда все-же оставляютъ немного болѣе прочихъ, да отцовскую юрту съ имуществомъ. Дочери не имѣютъ права на имущество отца, и если бы случилось, послѣ раздѣла имущества, остаться дѣвушкамъ-сироткамъ, то онѣ переходятъ къ младшему или другимъ отдѣленнымъ братьямъ; могутъ остаться и у опекуна, хотя это бываетъ крайне рѣдко. Въ послѣднемъ случаѣ опекунъ все-же не оставляетъ у себя скота для пропитанія сиротокъ; онъ оставляетъ лишь женское платье, которое и идетъ послѣ съ ними въ приданое. Калымъ въ этомъ случаѣ идетъ опекуну. Точно также поступаетъ и братъ, взявшій сестеръ отъ опекуна. Однимъ словомъ, калымъ идетъ тому, кто воспиталъ и выдалъ дѣвушку. Однако, надо здѣсь сказать, богатые и даже небогатые честные киргизы калымъ за сиротку обращаютъ ей въ приданое. Если сироты дѣвушки будутъ выданы замужъ ранѣе выдѣла опекуномъ ихъ братьевъ, то калымъ поступаетъ въ общую массу наслѣдства. Опекунъ за свою заботу о сиротахъ не пользуется никакимъ вознагражде-

ніемъ. Права его къ опекаемымъ—права отца; онъ защищаетъ ихъ, женитъ. Если умретъ мать, то объ опекѣ нѣтъ и рѣчи, дѣти продолжаютъ жить у отца, подъ его надзоромъ. Если умретъ мужъ, а вдова, имѣя сыновей, выйдетъ за ближайшаго родственника, то съ ней переходитъ весь скотъ и дѣти, а новый ея мужъ становится опекуномъ съ правами, указанными выше. Это при малолѣтнихъ все дѣтяхъ. Если же у вдовы есть взрослый женатый сынъ, то иногда скотъ отца и имущество остается въ распоряженіи взрослаго, который и становится опекуномъ; у него же остаются и всѣ его братья. Мать же съ дочерьми переходитъ къ новому мужу безъ всего. Впрочемъ, если дѣти очень малы, то всѣ они—значитъ и сыновья—идутъ съ матерью. Возможно, что съ матерью не идутъ даже дочери: это если онѣ не хотятъ жить у отчима, и тогда мать идетъ къ новому мужу одна.

У киргизовъ бываютъ и такіе случаи: вдова, выйдя вторично замужъ, все-же живетъ съ дѣтьми отъ перваго брака и управляетъ наслѣдствомъ, новый же ея мужъ живетъ у себя, навѣщая ее по временамъ. Если по смерти мужа вдова не выйдетъ замужъ (возможно только тогда, когда есть сыновья), то вступаетъ въ права умершаго и распоряжается всѣмъ: раститъ дѣтей, заботится о нихъ и скотѣ, женитъ сыновей, выдаетъ дочерей и вообще распоряжается такъ неограниченно, какъ распоряжался бы и ея мужъ, будь онъ живъ.

Понятно, каждая изъ отдѣленныхъ женъ опекаетъ только своихъ дѣтей и распоряжается только даннымъ ей скотомъ.

Имуществомъ сумасшедшаго, до совершеннолѣтія сыновей, управляетъ жена, а если жены нѣтъ—ближайшій родственникъ.

Въ случаѣ расточительности мужа жена можетъ обратиться къ родственникамъ его, которые и принимаютъ мѣры. Мѣры эти сначала состоятъ въ увѣщаніи, наказаніи нагайками, а не поможетъ—въ отобраніи имущества, которое передается въ распоряженіе женѣ или одному изъ взрослыхъ сыновей. Если бы мужъ и не согласился на такое ограниченіе его правъ, то на это не обращаютъ вниманія, и всякій считаетъ обязанностью удержать его порывы, считая его больнымъ. Конечно, если мужъ исправится, то опять становится неограниченнымъ главой юрты.

в) Наслѣдство.

Имущество умершаго киргиза есть собственность его сыновей, внуковъ, а нѣтъ ихъ—его братьевъ и такъ далѣе. Умирающій, при всемъ желаніи, не можетъ нарушить этотъ обычай, то есть онъ не можетъ лишить наслѣдниковъ наслѣдства, и если даже и завѣщаетъ свое имущество кому-либо, то завѣщаніе не исполняется, а все поступаетъ въ собственность прямыхъ наслѣдниковъ.

На наслѣдство имѣютъ право одни мужчины; поэтому послѣ отца наслѣдуютъ сыновья, жены же и дочери никогда. Отдѣленные при жизни отца сыновья не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство, если только есть другіе не отдѣленные. Если же послѣднихъ нѣтъ (это возможно только въ случаѣ смерти меньшаго), то все имущество умершаго переходитъ къ отдѣленнымъ сыновьямъ и дѣлится между ними поровну. Вдовъ же, если онѣ не выходятъ замужъ, и сестеръ они берутъ къ себѣ, кормятъ и одѣваютъ ихъ, а послѣднихъ и замужъ выдаютъ. Если у умершаго было нѣсколько отдѣленныхъ женъ, то сыновья наслѣдуютъ только имущество своихъ матерей.

Младшій сынъ не выдѣляется никогда и живетъ съ матерью; поэтому по смерти отца онъ и получаетъ все оставшееся отъ выдѣла своихъ братьевъ. Если у одной изъ отдѣленныхъ женъ умершаго сыновей нѣтъ, то имущество и скотъ переходитъ къ дѣтямъ прочихъ женъ, имѣющихъ сыновей, и дѣлится между ними поровну.

Сыновья умершаго киргиза вступаютъ вполнѣ въ права отца, и если бы, напримѣръ, ихъ дядя умеръ бездѣтнымъ, то они наслѣдуютъ имущество на тѣхъ же правахъ, какъ бы наслѣдовалъ и ихъ отецъ. Если бы у умершаго бездѣтнаго дяди былъ еще братъ, то имущество дѣлится между этимъ братомъ и племянниками, при чемъ послѣдніе получаютъ долю нѣсколько меньшую противъ доли перваго. На вдову умершаго дяди—тетку племянники имѣютъ, однако, менѣе правъ, чѣмъ имѣлъ бы ихъ отецъ, будь онъ живъ. Именно, тетка помимо племянниковъ переходитъ къ слѣдующему ихъ дядѣ, и только если всѣ братья умершаго откажутся или число вдовъ болѣе числа братьевъ, то иногда и племянники берутъ ихъ. Однако, при жизни своего отца тетку берутъ рѣдко—стыдятся.

Имущество киргиза, пропавшаго безъ вѣсти, дѣлится между наслѣдниками точно такъ же, какъ бы по смерти его. Однако, если пропавшій вернется, то получаетъ все обратно, но безъ женъ, если онѣ вышли замужъ.

Имущество сумасшедшаго наслѣдуется сыновьями, которые и должны заботиться о больномъ отцѣ. За неимѣніемъ сыновей вдова и имущество сумасшедшаго переходятъ къ ближайшимъ родственникамъ.

Однимъ словомъ, наслѣдство дѣлится между не отдѣленными сыновьями, нѣтъ ихъ—между отдѣленными; если сыновей и ихъ потомства нѣтъ, имущество переходитъ къ братьямъ и ихъ потомству и такъ далѣе (дядямъ и ихъ потомству, дѣдамъ)—все къ мужчинамъ. Женщины не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство.

III. Союзъ родственниковъ.

1. *Права и обязанности.*

а) Личныя.

Всѣ члены союза равноправны и вполнѣ самостоятельны, не завися одинъ отъ другого. Отношенія ихъ между собой совершенно свободны, какъ равнаго къ равному. Главенства нѣтъ. Мнѣніе старѣйшаго родственника не обязательно, равно какъ и подчиненія ему не существуетъ.

Правда, хорошій добрый старецъ пользуется общимъ уваженіемъ, но не властью. Уважаютъ въ немъ старость, но эта же старость причиной тому, что мнѣнія его по дѣлу почти что не спрашиваютъ, считая непримѣнимымъ нынѣ.

Кромѣ старцевъ уважаютъ и другихъ, даже подчиняются нѣкоторымъ, но это не значитъ, что они имѣютъ на уваженіе и почетъ какое-либо право по происхожденію; въ нихъ уважаютъ личность или положеніе. Тѣ киргизы, коихъ администрація зоветъ почетными, уважаются и своими; совѣты ихъ, мнѣнія исполняются часто въ точности, но, присмотрѣвшись къ такимъ личностямъ ближе, видимъ большей частью, что уваженіе и подчиненіе оказывается собственно не имъ, а ихъ положенію, богатству и т. п. Такія личности большей частью міроѣды, кулаки; имъ подчиняются, ихъ слушаютъ, терпятъ, кланяются изъ разсчета, а не за добро, никогда ими не оказываемое.

Вмѣшательства родственниковъ въ частныя дѣла другъ друга нѣтъ и не допускается, развѣ только этого вмѣшательства будетъ просить одинъ изъ нихъ. Собранія родственниковъ случаются: при раздѣлѣ пахотныхъ земель, при примиреніи ссорящихся родственниковъ, при наказаніи и примиреніи непокорнаго сына съ отцомъ, при дѣлежѣ наслѣдства, при распредѣленіи наряда на отбываніе какой-либо повинности, при рожденіяхъ, свадьбахъ, похоронахъ, байгахъ и тому подобное. Общихъ совѣтовъ передъ тѣмъ или другимъ дѣломъ не бываетъ, развѣ только дѣло касается всѣхъ родственниковъ, напримѣръ при искахъ куна; одинъ спрашиваетъ совѣта другого, болѣе опытнаго, но не по обязанности, а потому—умъ хорошо, а два лучше. Родственникъ, пріѣхавшій въ юрту другого, имѣетъ право на угощеніе и пріютъ. Впрочемъ, киргизы вообще гостепріимны. Гость даръ Бога и его слѣдуетъ накормить, не жалѣя средствъ. У нихъ принято считать, что все, дѣлаемое для гостя, дѣлается для Бога. Гостепріимствомъ пользуются такъ широко, что не обходится иногда и безъ комичныхъ сценъ: гости объѣдаютъ хозяевъ на чрезвычайныхъ съѣздахъ; отказать грѣшно, ну хозяева и бѣгаютъ подальше отъ грѣха и гостей. Обидѣть родственника, украсть у него лошадь

не считается особенно тяжкимъ грѣхомъ и наказуется одинаково съ обидой и воровствомъ у посторонняго.

Единственныя неоспоримыя права родственниковъ—право на вдовъ, имущество, на помощь при поминкахъ, при платежѣ куна-по опекѣ и тому подобное. Бездѣтная, не имѣющая сыновей, вдова—собственность родственниковъ умершаго мужа. По обычаю, она обязана быть женой старшаго брата и вообще ближайшаго по старшинству родственника умершаго. Исключеніе бываетъ для вдовъ старухъ, которымъ предоставляется свобода жизни безъ новаго замужества. Въ пожизненное пользованіе наслѣдники оставляютъ немного скота, юрту и необходимое имущество. Иногда въ пользованіе такихъ старухъ оставляютъ все, чѣмъ владѣлъ ея мужъ. (Напримѣръ, послѣ смерти киргиза Бексеита, три его брата не взяли ничего изъ его имущества, а оставили все въ пользованіе вдовы Наутекъ и двухъ ея дочерей). Если имѣющій права на вдову молодъ, то она при желаніи ждетъ его совершеннолѣтія, а не желаетъ ждать—выходитъ за слѣдующаго. Не захочетъ старшій братъ взять вдову, беретъ слѣдующій, соблюдая очередь по старшинству лѣтъ. Само собой разумѣется, что по общему согласію братьевъ они могутъ и не придерживаться старшинства лѣтъ и отдать вдову тому, кто болѣе въ ней нуждается или къ кому она сама болѣе благоволитъ.

При нѣсколькихъ вдовахъ каждый беретъ по одной; одинъ не можетъ взять всѣхъ безъ согласія прочихъ братьевъ. Если число вдовъ болѣе числа братьевъ, то берутъ племянники и слѣдующіе родственники. То же случается, если братья умершаго откажутся отъ вдовы. Бываетъ, что братья и сами съ общаго согласія отдаютъ вдову за того или другого изъ ея племянниковъ (по мужу,конечно).

Примѣры: 1) Киргизы Алмень, Кулманъ и Кулдулды Кошетеровы родные братья. Младшій Кулдулды умеръ, оставивъ трехъ вдовъ, двѣ юрты, 100 лошадей, 6 верблюдовъ, 300 барановъ и 5 коровъ. Алмень взялъ вдову съ юртой и половину скота; Кулманъ взялъ другую вдову съ юртой и остальную половину скота; третью же вдову взялъ сынъ Алменя—Війбитъ и съ нею получилъ лошадь, верблюда,постели, одежду ея и сѣдло, данныя ей въ приданое.—2) Киргизы Конурбургской волости Кулуке, Беккулы и Кангучукъ родные братья. Младшій Кангучукъ умеръ, оставивъ сына и вдову. Послѣдняя съ согласія Кулуке и Беккулы вышла за сына Кулуке—Игилика, конечно безо всего.

Старшій изъ братьевъ беретъ и старшую вдову, болѣе же молодыя выходятъ за слѣдующихъ. Причемъ старухи, остающіяся свободными, въ счетъ не идутъ.

Конечно, симпатіи къ той или другой вдовѣ нарушаютъ порядокъ старѣйшинства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вдова, не смотря ни на что, не пожелаетъ выйти за имѣющаго на нее право, а поже-

лаетъ за другого, хотя бы и отдаленнаго родственника, то ее уже не неволятъ; но если обойденный не доволенъ такой свадьбой, то ищетъ со счастливца убытки, калымъ.

Напримѣръ, киргизы Конурбургской волости Чаунъ и Алпыспай ближайшіе родственники киргиза Машай. Послѣдній умеръ, оставивъ бездѣтную вдову Тумпай. Она не шла ни за Чауня, ни за Алпыспая, а пожелала выйти за Чуюнчалы дальняго родственника Машай. Тогда Чаунъ предъявилъ къ Чуюнчалы искъ, и біи присудили ему 12 лошадей. Между тѣмъ Тумпай раздумала и вышла за Алпыспая. Чаунъ ничего не имѣлъ противъ этого брака потому и не искалъ. Въ данномъ случаѣ съ Чуюнчалы было присуждено 12 лошадей, но присуждаютъ и менѣе, напримѣръ девятку отъ лошади и даже лошадь и халатъ, смотря по близости родства.

Если же вдова выйдетъ за посторонняго, то присуждаютъ полный калымъ, который и дѣлится поровну между наслѣдниками; приданаго они, конечно, не даютъ.

Съ бездѣтной вдовой, переходящей къ ближайщему родственнику, идетъ юрта съ имуществомъ кромѣ товаровъ и денегъ. Юрта эта не входитъ въ общую массу наслѣдства. Впрочемъ если наслѣдники ссорятся, то раздѣлятъ и юрту. Скотъ же и прочее дѣлится поровну между всѣми братьями, а если скота нѣтъ, то взявшій вдову и юрту долженъ дать своимъ братьямъ подарки: кому лошадь, верблюда, халатъ и тому подобное.

Обрядность заключенія брачнаго союза съ вдовой отлична отъ обрядности женитьбы на дѣвушкѣ, по этому считаю не лишнимъ ея описаніе. А такъ какъ смертью киргиза начинаются собранія родственниковъ, которыми производится выдача замужъ вдовъ, а подчасъ и дѣлежъ наслѣдства, то и описаніе я начну со смерти и похоронъ.

Киргизъ умеръ. Тотчасъ-же даютъ знать всѣмъ родственникамъ. Собираются сыновья умершаго, братья и другіе родственники и посторонніе съ женами. Пріѣзжаетъ и позванный мула. Начинается обмываніе, производимое 3-мя, 5-ю или даже 9-ю непремѣнно посторонними киргизами. Затѣмъ трупъ завертываютъ въ бѣлую матерію, кладутъ въ юртѣ на устланную травой землю. и опускаютъ занавѣсъ. Мулла начинаетъ читать молитвы съ начала обмыванія и читаетъ вплоть до похоронъ. Плакать по умершему вмѣняется въ обязанность всѣмъ родственникамъ—мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Киргизы хоронятъ покойника въ день смерти, но если онъ умеръ ночью или во вторникъ, то похороны отлагаются до слѣдующаго дня (нѣкоторые не хоронятъ еще въ пятницу и субботу) и въ этомъ случаѣ собравшіеся не разъѣзжаются, а тутъ и ночуютъ. Ихъ угощаютъ наслѣдники изъ скота умершаго. По повѣрью киргизъ, угощеніе собравшихся на счетъ умершаго пріятно послѣднему. При выносѣ тѣла изъ юрты,

вокругъ головы покойника обносятъ чашку съ пшеницей, рисомъ или просомъ, которое потомъ высыпаютъ въ казанъ и его ѣдятъ только наслѣдники. Тѣло несутъ на носилкахъ; въ могилѣ открываютъ покойному лицо и, положивъ предъ глазами бумагу съ написанной молитвой, засыпаютъ. Затѣмъ, прочитавъ молитву, всѣ возвращаются. Мулла читаетъ молитвы въ теченіе семи—иногда болѣе—дней; его кормятъ ближайшіе родственники, всѣ же остальные разъѣзжаются. Муллѣ за чтеніе молитвъ до похоронъ платятъ различно; богатые даютъ лошадь покойника съ сѣдломъ и прочимъ приборомъ, бѣдные что придется. Въ седьмой день сзываютъ родственниковъ на счетъ покойника. Размѣръ угощенія различенъ и заключается обыкновенно въ предѣлахъ отъ 10 кобылъ до барана. Въ этотъ день отдаютъ обмывавшимъ трупъ полную одежду покойника, напримѣръ шубу, чекмень, халатъ, три рубашки, поясъ, сапоги и шапку. Богатые даютъ больше, даже втрое всего этого. Женщину обмываютъ, конечно, женщины же, и имъ платятъ тоже одеждой умершей; шубу, два халата, двѣ рубашки, поясъ, бельдемчи. Расчитываютъ и муллу за чтеніе; ему даютъ изъ имущества умершаго девятку отъ верблюда и менѣе, напримѣръ одного барана или капъ проса. Въ сороковой и сотый дни опять поминки: снова сзываютъ родственниковъ умершаго и угощаютъ; рѣжутъ много скота: 20 кобылъ, 50 барановъ и т. п., бѣдные по возможности. Обыкновенно въ 40-й и 100-й день и вообще не позже года бываетъ иногда байга, призы на которую берутся частью изъ имущества умершаго, частью же даютъ родственники умершаго (по лошади и болѣе). Цѣль этихъ подарковъ дать возможность получше помянуть покойника. И каждый родственникъ, въ свою очередь, при нуждѣ получаетъ такую же помощь, которая отъ нѣкоторыхъ даже обязательна, напримѣръ отъ тѣхъ, за кого заплаченъ кунъ. Призы на байгахъ иногда очень велики и превышаютъ даже наличныя средства, такъ что ихъ выплачиваютъ иногда постепенно. (Байга на поминкахъ по умершемъ сынѣ бія Испера).

Черезъ годъ наслѣдники послѣдній разъ собираютъ родственниковъ, обязанность которыхъ выдача вдовъ и дѣлежъ наслѣдства, если наслѣдники ссорятся. Собравшись, родственники помѣщаются въ юртѣ. Киргизъ, желающій взять вдову, рѣжетъ собственнаго барана, угощаетъ и говоритъ собравшимся: „я хочу взять за себя бабу“. Общество посылаетъ спросить согласія вдовы, ожидающей рѣшенія своей судьбы въ другой юртѣ, и при согласіи мулла тотчасъ же и обвѣнчаетъ. При отрицательномъ отвѣтѣ вдова приглашается къ собравшимся, ее уговариваютъ и въ концѣ концовъ уломаютъ.

Покончивъ съ вдовой, родственики приступаютъ къ раздѣлу имущества между наслѣдниками. Конечно, если послѣдніе взаимно согласятся, то участіе родственниковъ не допускается, но такъ

какъ всякому охота получить побольше, то полюбовный дѣлежъ не всегда бываетъ. При неудовольствіи на раздѣлъ родственниковъ наслѣдники могутъ обратиться къ бію.

Если послѣ умершаго остались сыновья, то и они собираютъ родственниковъ и послѣ угощенія говорятъ имъ: „если мать не захочетъ выходить замужъ, то мы будемъ кормить и заботиться о ней, а захочетъ—ея воля". Ее тутъ-же спрашиваютъ и поступаютъ сообразно ея желанія, неволить же въ этомъ случаѣ нельзя. Какъ вдова переходитъ къ брату умершаго мужа, точно такъ же и дѣвушка невѣста переходитъ къ брату умершаго жениха. Заплаченный калымъ и задатокъ держитъ ее на привязи. Даже, если у жениха нѣтъ братьевъ, то и тогда она не получаетъ свободы, а переходитъ къ дядѣ или двоюродному брату умершаго. Въ этомъ случаѣ отецъ умершаго жениха получаетъ заплаченный калымъ съ того, кому достанется дѣвушка.

О правахъ родственниковъ по опекѣ, наказанію непокорнаго сына, изверга мужа и прочее сказано ранѣе.

б) Имущественныя права родственниковъ.

Выше уже говорено, что женщинамъ отказано въ правѣ имѣть собственность. Это право принадлежитъ исключительно мужчинамъ. Поэтому и здѣсь я буду говорить только о правахъ мужчинъ. Собственно слѣдовало бы начать съ наслѣдства, но о немъ все сказано выше. Какъ дѣлятъ наслѣдство братья умершаго, такъ дѣлятъ и прочіе родственники, когда оно имъ достается. Общій порядокъ наслѣдства: 1) сыновья, внуки, правнуки и такъ далѣе; 2) братья, племянники и ихъ потомство; 3) дяди и ихъ потомство, и такъ далѣе. Вторая категорія наслѣдуетъ, когда нѣтъ никого изъ первой, третья — когда нѣтъ никого изъ первой и второй. Въ каждой степени наслѣдство дѣлится между всѣми поровну. Хотя дѣлежъ наслѣдства поровну, несомѣнно, обычный и общій, но встрѣчаются киргизы, убѣжденные въ справедливости иного порядка раздѣла наслѣдства, завѣщаннаго будто бы дѣдами и отцами. Они убѣждены, что старшій наслѣдникъ можетъ взять, сколько заблагоразсудится. Къ сожалѣнію, мнѣ удалось узнать всего одинъ примѣръ такого дѣлежа.

Киргизы Аидбозумовской волости Алдіаръ, Бексеитъ, Токсеитъ и Далба —родные братья. Бексеитъ умеръ еще во время владычества китайцевъ, оставивъ жену—Наутекъ—и двухъ дочерей. Наутекъ стара, братья не взяли ее и въ пожизненное ея пользованіе оставили все, чѣмъ владѣлъ Бекеитъ. Потомъ умеръ Далба, оставивъ жену (бездѣтную), 10 коровъ, лошадь и юрту съ имуществомъ. Алдіаръ, какъ старшій, взялъ вдову съ съ юртой, лошадь и 6 коровъ; Токсеитъ удовольствовался 4 коровами. Въ настоящее время живъ лишь Токсеитъ, ему 61 годъ. На мой вопросъ

—за что его такъ обидѣли при дѣлежѣ? онъ отвѣтилъ: „Я не обиженъ. Мы съ братомъ разъѣхались сами. Старики говорили намъ, что старшій братъ беретъ что и сколько захочетъ, остальное идетъ младшему. Послѣ смерти Наутекъ и я возьму много, а сыновьямъ Алдіара дамъ немного".

Перехожу теперь къ вопросу о платѣ за кровь—„кунъ".

Убійство въ настоящее время влечетъ за собой только имущественные разсчеты. (Прежде возможно было требованіе крови, но объ этомъ ниже). Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто денежныхъ расчетовъ дѣло кончается выдачей дѣвушекъ, но вѣдь онѣ идутъ вмѣсто скота и, стало быть, на это надо смотрѣть какъ на имущественную сдѣлку. Затѣмъ, въ виду принадлежности дѣтей отцу, жены—мужу и такъ далѣе, искъ куна, по обычаю, зависитъ отъ усмотрѣнія самаго ближайшаго родственника или естественнаго защитника убитаго, помимо котораго, конечно, при жизни его, никто не можетъ жаловаться на убійство. Напримѣръ: если отецъ не желаетъ искать кунъ за сына, то и никто другой не долженъ искать. Послѣ смерти отца дѣло измѣняется и сыновья убитаго или братья могутъ начать искъ. Откажутся и они искать, опять слѣдующіе родственники могутъ вмѣшаться въ дѣло только по смерти брата и такъ далѣе. (Примѣръ: дѣло Бургутеня.)

Какъ ни ясно и опредѣленно такое постановленіе обычая, тѣмъ не менѣе не надо забывать, что убійство касается всѣхъ родственниковъ вообще, и часто настоянія послѣднихъ и помимо брата или другого ближайшаго родственника заставляютъ предъявить искъ. Здѣсь все дѣло заключается въ силѣ, которою пользуется въ волости ближайшій родственникъ убитаго: вліятеленъ онъ—и всѣ молчать, нѣтъ—и всѣ соединенными силами заставляютъ его искать, а то обойдутся и безъ его согласія. Для ясности приведу одинъ изъ примѣровъ, которыми киргизы разъясняли мнѣ обычаи по иску куна. Ближайшіе родственники убитаго два брата. Старшій не желаетъ искать кунъ, младшій желаетъ. Если старшій пользуется вліяніемъ въ волости, то народъ на его сторонѣ, и другой братъ, оставленный всѣми, поневолѣ подчиняется и молчитъ. Наоборотъ, если младшій вліятельнѣе перваго и народъ приметъ его сторону, то искъ состоится непремѣнно, хотя бы и безъ участія старшаго.

Въ настоящее время обыкновенный размѣръ куна:

Въ Вѣрненскомъ уѣздѣ.

за мужчину —200 лошадей, 100 барановъ. лошадь по выбору истца (чаган'атъ) и верблюдъ;

за женщину—половина куна за мужчину.

Въ Копальскомъ уѣздѣ

за мужчину—200 лошадей;.

за женщину—100, иногда 50 лошадей

Тоже и у Атбановъ бывшаго Южнаго участка.

Однако, кунъ въ этихъ размѣрахъ присуждается не часто; при рѣшеніи принимается во вниманіе множество условій, существенно вліяющихъ на присужденное количество скота. Главной причиной этому являются обстоятельства совершенія убійства, то есть большая или меньшая виновность убійцы. Напримѣръ: если киргизъ убитъ въ дракѣ, имъ же начатой и вызванной, убитъ воръ во время грабежа, убійца родственникъ убитому и тому подобное, то полный кунъ никогда не присуждается. Привести всѣ причины, вліяющія на уменьшеніе размѣровъ куна, конечно, нельзя; эти причины отчасти будутъ видны изъ приводимыхъ ниже примѣровъ, здѣсь же я скажу лишь, что даже количество времени между убійствомъ и искомъ вліяетъ на размѣръ куна; напримѣръ, если въ этотъ промежутокъ времени отецъ, сынъ, братъ убитаго почему либо не искали, то послѣ ихъ смерти слѣдующему ближайшему родственнику не присуждаютъ полнаго куна.

Кунъ увеличивается: 1) убытками—розыскъ виновныхъ, поминки, байга и тому подобное; 2) оскорбленіемъ трупа—собаки, волки, птицы объѣдятъ, а это указываетъ, что виновные недостаточно позаботились о трупѣ (кунъ за Чишканбая), и 3) баралта.

Убійство доказывается, кромѣ сознанія конечно, показаніями свидѣтелей, а если ихъ нѣтъ, истецъ выбираетъ изъ общества отвѣтчика (изъ цѣлой волости) четырехъ человѣкъ на присягу. При кунѣ за женщину на присягу выбираютъ только друхъ человѣкъ.

Когда станетъ очевиднымъ, что присяга будетъ принята и, стало быть, отвѣтчикъ оправданъ, то истецъ часто вступаетъ въ добровольную сдѣлку съ отвѣтчикомъ при посредствѣ присяжныхъ. Начинаются общія совѣщанія (понятно, въ случаѣ не вымышленнаго иска), и обыкновенно истецъ отказывается отъ иска, мирясь съ отвѣтчикомъ и получивъ съ него, по рѣшенію присяжныхъ, 4 верблюдовъ и 4 лошадей, болѣе или того менѣе. Послѣ такой сдѣлки дѣло считается оконченнымъ, и присягу уже не принимаютъ. Если станетъ очевиднымъ, что присягу не примутъ, то стороны всетаки очень часто вступаютъ въ соглашеніе; имъ помогаютъ всѣ участвующіе въ дѣлѣ, особенно присяжные, которые главнымъ образомъ и являются вершителями судьбы, и истцу по мировой сдѣлкѣ даютъ 100 или болѣе или менѣе лошадей. Дѣло опять таки считается конченнымъ безъ привода выбранныхъ къ присягѣ вѣрнѣе сказать, недопустивъ выбранныхъ до отказа отъ присяги.

Мировыя сдѣлки, конечно, бываютъ и при всякомъ положеніи дѣла, но въ только что приведенныхъ случаяхъ онѣ имѣютъ особый смыслъ и значеніе: онѣ какъ бы избавляютъ отъ присяги, а стало быть и отъ возможности согрѣшить, которой хорошіе киргизы вообще избѣгаютъ. Кунъ платитъ убійца и самая близкая родня его. Добровольная помощь со стороны остальныхъ

родственниковъ бываетъ всегда, хотя бы убійца былъ очень богатъ. А если бы у убійцы и родни не было средствъ, то платятъ всѣ родственники—близкіе больше, дальніе меньше—по раскладкѣ бородатыхъ и почетныхъ киргизъ. Если убійство случилось при дракѣ, въ которой принимала участіе вся волость, или въ дракѣ, возникшей за нарушеніе правъ рода, волости, то кунъ платится всей волостью по раскладкѣ, производимой стариками и лучшими людьми при участіи народа. Зачинщики драки, однако, платятъ немного болѣе другихъ.

Кунъ платится всей волостью и въ томъ случаѣ, если убійца неизвѣстенъ и достовѣрно лишь, что убійство совершено членомъ этой волости. Кунъ выплачивается не однимъ только скотомъ и деньгами, а и всѣмъ, чѣмъ придется: не хватитъ у убійцы средствъ, у него или его сына, брата берутъ за недоплаченное дѣвушку, которая и дѣлается женой наслѣдника убитаго. Взамѣнъ полнаго куна присуждаютъ 2—4 дѣвушки съ подаркомъ „куіитъ", и разсчетъ по куну тѣмъ и кончается.

Просватанныхъ дѣвушекъ, понятно, не присуждаютъ и не даютъ.

Большихъ подробностей привести здѣсь нельзя, такъ какъ невозможно предвидѣть всѣ комбинаціи уплаты, и достаточно сказать, что въ уплату принимается рѣшительно все. [1]) Въ прежнее время платили и джетым'ами.

По полученіи куна начинаются новые разсчеты и раздѣлъ полученнаго между родственниками.

Получившій кунъ не можетъ воспользоваться имъ одинъ. Онъ долженъ дать часть волости, то есть своимъ сородичамъ. При полученіи полнаго куна роду отдается почти половина, которая и дѣлится по 2—3 головы на каждыя 50 юртъ. Въ свою очередь здѣсь идетъ новый раздѣлъ и обыкновенно получаютъ бородачи и почетные. Изъ остальной половины дается часть ближайшимъ родственникамъ. Поскольку дать—зависитъ отъ усмотрѣнія получившаго кунъ, но не дать нельзя, и не получившіе жалуются лучшимъ старымъ людямъ, а эти заставляютъ дать по 1—2 лошади и болѣе до девятки отъ верблюда, смотря по близости родства. Остающаяся затѣмъ часть дѣлится между сыновьями убитаго, а если ихъ нѣтъ—между братьями. Но не надо забывать, что расходы на поминкахъ похоронахъ и т. п. значительны, и потому наслѣдникамъ достается не много.

Если мужъ убьетъ жену, то кунъ ищетъ и получаетъ отецъ послѣдней; дѣти убитой ничего не получаютъ. Если же жену убьетъ не мужъ, а кто либо другой (родственникъ мужа или посторонній—все равно), то кунъ дѣлится поровну между отцомъ и мужемъ убитой (дѣло Тастана Алматинской волости отцу за кость).

---

[1]) Я былъ очевидцемъ уплаты четверти куна ситцемъ, матой, сукномъ.

За просватанную дѣвушку кунъ получаетъ отецъ, а жениху предоставляется на выборъ--или взять сестру убитой, или получить обратно калымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійство ничѣмъ не наказывается. Это если отецъ убьетъ сына или сынъ отца. Въ послѣднемъ случаѣ сына однако бьютъ, считая дуракомъ. При убійствѣ брата братомъ: при жизни отца кунъ отнюдь не платится; если отца нѣтъ, то до суда все же не доходитъ, и убійца платитъ немного дѣтяммъ убитаго или другимъ роднымъ, если дѣтей у убитаго нѣтъ. Главное же наказаніе въ этихъ случаяхъ—обязательная и крупная помощь при поминкахъ.

Кромѣ убійства кунъ ищется и за увѣчье: выбитый глазъ, сломанную руку, ногу, раны. Высшій размѣръ куна:

За глазъ - 100 лошадей.
За руку—25 или три девятки (одна отъ верблюда и двѣ отъ лошади).
За ногу—50 лошадей.
За каждый палецъ— по девяткѣ отъ верблюда.
За легкую рану на головѣ—лошадь и халатъ, тоже и вообще за побои.
За всѣ подобные поврежденія у женщины присуждается половинный размѣръ куна.

Въ случаяхъ увѣчья, какъ и при убійствѣ, размѣръ присуждаемаго различенъ, и причины уменьшенія тѣ же: виновность изувѣченнаго, неумышленное увѣчье и т. п.

Лищеніе глаза считается самымъ тяжкимъ увѣчьемъ; лишеннаго обоихъ глазъ считаютъ мертвымъ и присуждаютъ полный кунъ.

Все выше сказанное о размѣрѣ куна и прочее относится до настоящаго времени, въ прежнее же время какъ размѣръ куна былъ иной, такъ и полученіе куна сопровождалось обрядностями, а такъ какъ это еще не вывелось, и нынѣ, хотя изрѣдка, все же доводится наблюдать, то я считаю не лишнимъ привести здѣсь все, что удалось узнать.

Полный составъ куна за мужчину въ прежнее время:

6 „джаксы“=125 лошадей;
100 „колбы“ то есть лошадей съ волосами;
100 „джунды“ барановъ—съ шерстью;
1 „чиитимес'ат“— бѣгунецъ по выбору истца;
8 лошадей по выбору истца (канд'атъ);
1 „кара—клем“—коверъ;
1 „кара нар“—верблюдъ;
1 „кара—тон“—шуба;
1 „кара—кунг“—невольница или вмѣсто нея 25 байталъ;
Девятка отъ лошади (выкупъ за юрты);
5 красныхъ халатовъ, носимыхъ въ теченіе года дѣвушками—дочерьми убитаго, а если ихъ нѣтъ—дочерьми родныхъ;
5 черныхъ халатовъ, носимыхъ женами или замужними родственницами убитаго;

Девятка отъ лошади и одна лошадь } взамѣнъ заплаченныхъ муллѣ за чтеніе молитвъ;
До девятки отъ лошади за копаніе могилы.
Сверхъ всего этого закалывалось 9 кобылъ на угощеніе истцовъ.
Уплачивалось: 4 верблюда и 4 лошади—бійлыкъ для восьмерыхъ судей;
2 лошади — двумъ киргизамъ: сдающему и принимающему скотъ въ уплату куна;
1 быкъ; у него отсѣкался хвостъ въ знакъ окончанія ссоры.

Многое изъ этого состава куна платится и нынѣ, какъ увидимъ въ приводимыхъ ниже примѣрахъ. Но кромѣ этого въ прежнее время присуждали еще на обмываніе крови. Каждое убійство, если тотчасъ же не принесена повинная, вело за собой, да и теперь бываетъ довольно часто, баранту. Эта баранта имѣла особую цѣль; выражаемую уже самымъ названіемъ „канжуаръ" (мыть кровь) и „канджугды" (обмытая кровь), то есть родственники убитаго барантовали съ цѣлію обмыть кровь убитаго. Сколько бы ни отбарантовали скота: десятки или сотни головъ, но при разборѣ дѣла объ убійствѣ и при опредѣленіи размѣра куна о барантѣ въ прежнее время не велось преній, и дѣло о ней предавалось „салавату". Все отбарантованное не возвращалось обратно. Въ случаяхъ, когда баранты не было, біи опредѣляли и на „канджуаръ" нѣсколько головъ скота. Нормы на это однако не было. Въ число скота, присуждаемаго на обмываніе крови, входила и плата за „казанчайлы" и „джаргы".

„Казанчайлы"—обмываніе котла. Обмываніе умершаго должно быть произведено чистой водой, а такъ какъ чистой посуды, въ которой бы можно согрѣть воду, нѣтъ, то обыкновенный казанъ выжигаютъ, чистятъ и моютъ, а затѣмъ уже грѣютъ въ немъ воду для обмыванія трупа. Конечно, если бы человѣка не убили, то не понадобилось бы и мыть казанъ, а убили—плати и за это. „Джаргы": принявъ отбарантованный скотъ домой, родственники убитаго рѣжутъ кобылу, коня или корову (изъ барантованныхъ), варятъ и ѣдятъ. Иногда приглашаютъ на это угощеніе и другихъ родныхъ, не ѣздившихъ на баранту. Понятно отсюда, что при отсутствіи баранты родственники лишились бы скота для „джаргы", ну имъ и присуждаютъ. (По иску куна съ Тыкебая въ 1880 году въ канджуаръ было присуждено 15 лошадей).

Теперь опишу порядокъ и обрядность, которыхъ придерживались, при полученіи куна.

Тотчасъ послѣ убійства и принятія мѣръ къ сохраненію трупа виновный сообщаетъ родственникамъ убитаго о случившемся. По пріѣздѣ выдаетъ имъ тѣло, „кара нар" (верблюда, на которомъ повезутъ трупъ), „нараклем" для покрытія убитаго, „каратон" и прочіе халаты. Спустя нѣкоторое время, посылается къ роднѣ убитаго подарокъ—девятка отъ верблюда (эта девятка на-

зывается „тарту"—повинная) съ просьбой пріѣхать для разсчетовъ и полученія куна.

Въ назначенный день пріѣзжаютъ родственники убитаго; для нихъ все уже готово: юрты, угощеніе. Подъѣзжая къ выставленнымъ юртамъ, они бросаются съ крикомъ „баврымъ" и ударяютъ по юртамъ саблями и другимъ оружіемъ. Убійца и его родня просятъ не ломать юртъ и платятъ девятку отъ лошади.

Начинается разборъ дѣла, опредѣляется размѣръ и составъ куна. Постороннему человѣку, слушающему рѣшеніе, даютъ лошадь („джер-тыншаръ"). Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе, а послѣ него разсчетъ. Джигитамъ, сдающему и принимающему скотъ, даютъ по лошади. По окончаніи разсчетовъ, изъ табуна убійцы приводится быкъ, и хорошій почетный киргизъ отсѣкаетъ у него половину хвоста въ знакъ окончанія разсчетовъ и ссоры. Быкъ послѣ операціи конечно убѣгаетъ, за нимъ гонятся, и кто первый захватитъ, тому онъ достается.

И въ настоящее еще время, особенно въ болѣе отдаленныхъ отъ администраціи волостяхъ, доводится наблюдать этотъ порядокъ полученія куна, но уже не часто. Нынѣ большей частію кунъ выплачивается деньгами, а хотя и скотомъ, то безъ особыхъ обрядностей. Право, жаль старины; она имѣла конечно смыслъ и ея обряды не замѣнить деньгами. Обряды эти имѣли цѣлью и сближеніе, послѣ нихъ враждѣ уже не было мѣста. Это пожалуй важнѣе всего, такъ какъ убійство могло (да и теперь еще бываетъ не рѣдко) вести за собой сильную баранту, при которой страсти такъ разгораются, что примиреніе, примиреніе полное особенно желательно. Но всегда ли примиреніе достигается деньгами? Я думаю—нѣтъ. Самолюбіе родовичей убитаго удовлетворялось вѣдь не только уплатой, но и почетомъ, съ которымъ принимали ихъ виновные. Послѣдніе просили даже прощенія. И это имѣетъ большое значеніе въ глазахъ кочевника.

Прежде даже отличалось убійство случайное, не намѣренное отъ убійства обдуманнаго, вызваннаго местью. За первое кунъ, за послѣднее же могли требовать крови. По разсказамъ стариковъ, когда виновный въ обдуманномъ убійствѣ присылалъ подарки (девятка отъ невольницы или болѣе), то родня иногда, не смотря на упрашиванія, отказывалась отъ подарковъ куна и требовала крови. Исполненіе этого требованія заключалось въ слѣдующемъ; въ извѣстный день родня убитаго въ произвольномъ числѣ членовъ дѣлала нападеніе на убійцу. Послѣднему разрѣшалось взять изъ своего рода лучшаго бѣгунца и спасаться бѣгствомъ. Погоня продолжалась только одинъ день, и если убійцѣ удавалось ускользнуть, то на завтра все кончается, онъ ничѣмъ уже не обязанъ, вина считается искупленной; въ противномъ случаѣ—при поимкѣ виновнаго—его убивали и тѣмъ кончали всѣ расчеты.

Лучшимъ разъясненіемъ вопроса о кунѣ служатъ примѣры рѣшеній, къ изложенію которыхъ я перехожу.

1) Въ Борохудзирской волости, Копальскаго уѣзда, среди рода Конурбургъ, живутъ 35 юртъ рода Айтъ. Изъ нихъ 30 юртъ отдѣленія Багай и 5 юртъ отдѣленія Сады. Всѣ эти 35 юртъ простые киргизы. Старшія же лица, самые вліятельные и почетные киргизы этихъ двухъ отдѣленій въ Айтбозумовской волости Южнаго участка Кульджинскаго раіона. Лица эти: бій Илигедай отдѣленія Сады и старшина Байбота-отдѣленія Багай.

Весною 1880 года старшаго изъ Сады, кочующихъ въ Борохудзирской волости, киргиза Чишканбая убили киргизы Борохудзирской же волости отдѣленія Багай—Адбанбай съ товарищами. Желая скрыть преступленіе, убійцы зарыли трупъ въ землю, но въ торопяхъ зарыли-то не глубоко, и чрезъ нѣкоторое время до него добрались собаки и порядкомъ попортили трупъ. Собаки указали дорогу и людямъ. Тѣло нашли; скоро открыли и виновныхъ, которые сознались и, пославъ въ Южный участокъ сообщить о случившемся Илигедаю и Байботѣ, просили ихъ, какъ старшихъ своихъ родовичей, пріѣхать для улаженія дѣла и полученія куна. Илигедай съ своимъ братомъ Джетенемъ, Байбота, управитель Айтбозумовской волости Адильбекъ (рода Айтъ) съ 54 киргизами (отдѣленій Сады, Багай, Кыстыкъ, Альджанъ) отправились въ Борохудзирскую волость къ Багаямъ. Для пріѣзжихъ заранѣе было выставлено 10 юртъ, и едва они подъѣхали какъ Багаи дали прибывшимъ Сады лошадь и халатъ, прося не разбивать юртъ. Въ этотъ же день виновные дали на угощеніе прибывшихъ 5 фунтовъ чая и 5 барановъ. Для опредѣленія размѣра куна созвали хорошихъ киргизъ изъ всѣхъ отдѣленій Борохудзирской волости, которые и присудили заплатить: въ кунъ 2050 рублей и 9 лошадей, за невыдачу трупа и небрежное зарытіе, благодаря чему собаки осквернили тѣло, 9 верблюдовъ и 9 лошадей. Кромѣ того присудили, чтобы Багаи дали: а) по лошади четыремъ джигитамъ, пріѣхавшимъ съ Илигедаемъ, б) семи киргизамъ, обмывавшимъ трупъ, по лошади, в) за копаніе могилы 2 лошади и г) за чтеніе молитвъ 2 лошади.

Кунъ раздѣлили такъ:

Сыновья убитаго Чишканбая получили 800 рублей, 9 верблюдовъ и 18 лошадей. Почетныя лица рода Конурбургъ, Борохудзирской волости, получили 100 рублей. Четыре юрты отдѣленія Сады Борохудзирской волости получили 150 рублей. Отдѣленіе Багай Айтбозумовской волости получило 100 рублей. Между пріѣхавшими съ Илигедаемъ раздѣлили 900 рублей.

2) Въ началѣ 1879 года киргизъ Вѣрненскаго уѣзда Чунжинской волости—Чингыспай Байгозинъ съ тремя товарищами поѣхалъ въ Борохудзирскую волость Копальскаго уѣзда. О цѣли поѣздки говорятъ разно: Борохудзирцы говорятъ что Чингыспай пріѣхалъ воровать скотъ, Чунжинцы—поѣхалъ на розыскъ украденныхъ верблюдовъ.

Призналъ-ли Чингыспай своего верблюда у киргиза Борохудзирской

волости Уркумбая, брата управителя Борохудзирской волости Алимжана, или хотѣлъ его украсть—неизвѣстно, но достовѣрно, что у него завязалась драка съ Уркумбаемъ и во время драки Чингыспай, по словамъ Чунжинцевъ, былъ сильно раненъ ударомъ палки, по словамъ же Борохудзирцевъ—умеръ отъ паденія съ лошади на ледъ.

Отъ чего бы ни умеръ Чингыспай, но его товарищей схватили и связали; трупъ же помѣстили на дерево, закрыли кошмами и приставили караулъ, чтобы никто не повредилъ его. Въ это самое время отецъ Уркумбая и Алимжана, Капсалямъ, гостилъ у киргиза Чунжинской волости Тугульбая. Боясь, чтобы Чунжинцы не задержали Капсаляма, Алимжанъ послалъ своего джигита сказать отцу, что его требуетъ уѣздный начальникъ. По возращеніи Капсаляма, Алимжанъ послалъ къ управителю Чунжинской волости Джаманке извѣстіе о случившемся, отославъ ему же и трехъ товарищей умершаго. Прибыли родственники Чингыспая, получили трупъ и, положивъ его на верблюда и закрывши ковромъ, уѣхали, отказавшись взять „кара-тонъ",говоря: „не знаемъ, что еще скажетъ общество". (Верблюдъ и коверъ—кара наръ и караклемъ—были даны Уркумбаемъ). Братья похоронили трупъ, справили поминки съ байгой, стоившей, говорятъ, 2000 рублей на одни только призы, да 30 кобылъ на угощеніе.

Чтобы объяснить дальнѣйшія событія, необходимо предположить (впрочемъ, Чунжинцы увѣряютъ, что это было именно такъ), что Борохудзирцы,—согласившіеся сначала платить кунъ и пославшіе съ этой цѣлью подарки: ямбу и 500 рублей для того, чтобы остановить баранту, имѣвшую цѣлью обмыть кровь убитаго,— раздумали платить кунъ, увѣряя, что Чингыспай умеръ, упавъ съ лошади во время драки, возникшей съ нимъ, какъ съ воромъ. Чунжинцы усилили баранту, Борохудзирцы, конечно, не отставали, и взаимная баранта длилась въ теченіе полутора года. Надо, однако, думать, что Борохудзирцы потерпѣли уже въ началѣ большіе убытки, потому что прибѣгли къ помощи Борохудзирскаго воинскаго начальника, давшаго имъ казаковъ Семирѣченскаго войска, и просили Чунжинцевъ прикончить баранту, обязуясь уплатить кунъ. Но ничего не помогало, а на просьбу былъ полученъ гордый отвѣтъ: „Кунъ намъ не слѣдуетъ, вы вѣдь сами говорили, что Чингыспай убитъ на воровствѣ".

Баранта продолжалась, несмотря на вмѣшательство администраціи. Наконецъ, понукаемыя администраціей, стороны рѣшили разсчитаться на чрезвычайномъ съѣздѣ въ выселкѣ Попутномъ (20 августа 1880 года). Переговоры сначала вели біи, открылъ ихъ Утебай (бій Чунжинской волости), требуя въ кунъ 20000 рублей. Борохудзирцы отказались, говоря: „не слыхали о такомъ кунѣ". Утебай сказалъ „Мало? прибавляемъ еще одну ямбу". Капсалямъ спросилъ: „какъ быть съ двумя стами головъ лошадей, у него украденныхъ?" и получивъ отвѣтъ: „въ Канджауръ ихъ", сказалъ: „не дамъ, такъ какъ хотя это и нашъ обычай, но ни разу не слыхалъ повторенія его при русскихъ". Вообще переговоры велись вяло; всякій чувствовалъ, что не біямъ окончить это дѣло. Біи са-

ми сознавали свое безсиліе; вѣдь въ этомъ дѣлѣ затронуты были интересы до 1000 семей, и біи, не имѣя особаго вліянія, не могли взять на себя и права постановить какое-либо общее рѣшеніе, могущее удовлетворить всѣхъ. Ну по неволѣ и разошлись.

Но дѣло все же надо было окончить, ибо имѣлось серьезное настояніе власти. Тогда Джаманке и Алимжанъ, посовѣтовавшись, пригласили самыхъ вліятельныхъ киргизъ обѣихъ сторонъ и, обсудивъ дѣло сообща, постановили: „Киргизы обѣихъ волостей клятвенно покажутъ, кто сколько угналъ скота. Если добыча Чунжинцевъ превыситъ добычу Бороходзирцевъ на 400 и болѣе головъ скота, то кунъ не взыскивается и дѣла предаются саловату. Если жъ разница менѣе 400, то доплатятъ до 400.

Ну какъ бы посмѣли біи постановить такое рѣшеніе? да если бы и постановили, то можно ли было ручаться, что обѣ волости выполнятъ ихъ рѣшеніе? А между тѣмъ это постановленіе именно такого свойства, что необходимо безусловное подчиненіе ему, иначе пострадаютъ интересы многихъ.

3) Торгоуты, китайскіе подданные, угнали у нашихъ киргизъ до 500 головъ лошадей. Это было въ 1880 году.

Воспользоваться добычей имъ, однако, не пришлось, ибо киргизы догнали воровъ и возвратили всѣхъ лошадей кромѣ 15, съ которыми торгоуты успѣли скрыться.

Въ отместку и киргизы угнали, спустя нѣкоторое время, у торгоутовъ до 600 лошадей. Но и они не воспользовались добычей. Дѣло было такъ: когда киргизы сочли себя безопасными отъ преслѣдованія, то остановились отдохнуть; лошадей своихъ распустили и занялись приготовленіемъ пищи. Въ это время на нихъ налетѣли торгоуты, и киргизы, растерявшись отъ неожиданности, успѣли захватить только часть лошадей — головъ 100 — и убѣжать. Во время суматохи всякій хваталъ какую попало лошадь, лишь-бы поскорѣе скрыться. Одному киргизу Сегизсаровской волости — Труспеку не посчастливилось однако. Онъ схватилъ было кобылу, но ее отнялъ его товарищъ той-же волости Байсеитъ Кауменевъ, говоря: „это моя, она жирна, и я по пріѣздѣ домой рѣшилъ ее заколоть“. Труспекъ схватилъ другого коня, но и этого отнялъ Байсеитъ. Между тѣмъ торгоуты были уже тутъ, и киргизы съ частью добычи скрылись. На мѣстѣ отдыха остался только несчастный Труспекъ. Онъ побѣжалъ было пѣшкомъ въ горы, но пуля остановила его; онъ упалъ. Чрезъ нѣсколько мгновеній Труспекъ поднялся и побѣжалъ было опять, но вторая пуля убила его наповалъ. Все это видѣли товарищи несчастнаго. Торгоуты, захвативъ оставленныхъ лошадей, скрылись. Они взяли, вѣроятно, и трупъ убитаго, потому что киргизы, вернувшись, не нашли его. По пріѣздѣ домой никто изъ киргизъ, бывшихъ на барантѣ, не зашелъ въ юрту убитаго Труспека и не сказалъ, что сталось съ нимъ. Однако, истина сдѣлалась скоро извѣстной, и родственникъ убитаго—Биндо-Адбановъ предъявилъ къ Байсеиту искъ—„кунъ“. Стороны выбрали судьями: Ваибо—біи Ходжаке, почетнаго киргиза Касабулата и киргиза Татымбека, а

Байсеитъ—біевъ Джансеита, Дадая и управителя Конурбургской волости Кеспера. Изъ всѣхъ шести судей только Касабулатъ и Джансеитъ Сегизсаровской волости, всѣ остальные Конурбургской и Айтбозумовской волостей.

Допросивъ истца и отвѣтчика (хотя послѣдній и не сознался въ отнятіи лошадей у Труспека, но не только судьи, а и всѣ киргизы знали, какъ было дѣло), судьи удалили ихъ и начали совѣщаніе. Мнѣнія раздѣлились: Ходжаке настаивалъ на присужденіи половины куна, другіе—трехъ девятокъ аипа, говоря: „Байсеитъ виновенъ не въ убійствѣ, а лишь въ томъ, что 1) не помогъ товарищу въ бѣдѣ, 2) не привезъ домой трупа и 3) не явился къ семьѣ убитаго и не разсказалъ дѣла". И наконецъ третьи доказывали, „что если убійства не было, то о кунѣ и аипѣ не можетъ быть и рѣчи; слѣдуетъ же взыскать лишь все то, что Байсеитъ привелъ съ бараньы (5 лошадей), ибо онъ все-же виновенъ въ неоказаніи помощи и въ оставленіи трупа".

Долго судьи спорили, но тѣмъ не менѣе не пришли ни къ какому соглашенію и рѣшили поручить Касабулату и Джансеиту окончить это дѣло, такъ какъ оно затрогиваетъ интересы только ихъ рода. Всю ночь эти двое совѣщались и наконецъ постановили: „взыскать съ Байсеита одну девятку отъ верблюда, 5 лошадей и ружье за то, что онъ не употребилъ всѣхъ средствъ выручить трупъ и привезти его домой". Такое легкое наказаніе было назначено лишь во вниманіе родства виновнаго съ убитымъ. Къ постановленію этому всѣ прочіе судьи приложили печати. Стороны остались вполнѣ довольны приговоромъ.

4) Осенью 1876 года киргизъ Тойжанъ Сегизсаровской волости пріѣхалъ къ управителю Конурбургской волости Кесперу, какъ должностному лицу, кочевавшему поблизости, и объяснилъ, что его сына Измаила убилъ киргизъ Сегизсаровской волости Бургутень. Кесперъ поѣхалъ. Въ юртѣ Бургутеня онъ засталъ много народу и тутъ же лежалъ убитый Измаилъ. На вопросъ Кеспера: „правда ли, что Измаила убилъ Бургутень?" всѣ отвѣтили: „правда" и разсказали: „Бургутень, придя въ юрту, засталъ Измаила съ своей женой и, подозрѣвая связь, убилъ его". Бургутеня связали и передали аульному его старшинѣ Аймамбету. Послали и за управителемъ Сегизсаровской волости.

Послѣ Измаила остались жена и маленькія дѣти. Искъ куна могъ предъявить лишь отецъ убитаго, но онъ отказался искать, говоря: „Бургутеня мы всѣ считаемъ не въ полномъ умѣ, дурачкомъ, поэтому и дѣло я предоставляю Богу". Жена Бургутеня воспользовалась этимъ и заявила русской власти, что она боится жить съ сумасшедшимъ, который можетъ и ее убить, и просила развода. Ей разрѣшили, но чтобы родъ не потерялъ женщину, то біи Сегизсаровъ постановили: „въ теченіе 3 мѣсяцевъ она должна выйти за кого-либо изъ Сегизсаровъ". Она выбрала Бекуша Бектурова—дальняго родственника Бургутеня и Измаила—и вышла за него. Калыма Бекушъ не заплатилъ Бургутеню, потому что здѣсь вмѣшалась русская власть, нарушившая своимъ приказаніемъ обычай.

Прошло 5 лѣтъ. Тойжанъ умеръ. Родные убитаго пожелали искать

кунъ, и братъ убитаго Джанузакъ явился истцомъ. Стороны выбрали біевъ, которые, принимая во вниманіе родство сторонъ, опредѣлили взыскать съ него: 100 лошадей (25 пятилѣтнихъ, 25 четырехлѣтнихъ, 25 трехлѣтнихъ и 25 двухлѣтнихъ). Війлыкъ 100 рублей. Съ своей стороны, и отецъ Вургутеня—Берду—искалъ съ Букуша калымъ за невѣсту. Ему біи опредѣлили получить съ Букуша 30 лошадей (8 пятилѣтнихъ, 7 четырехлѣтнихъ, 7 трехлѣтнихъ и 8 двухлѣтнихъ). Уплата куна за Измаила: Берду заплатилъ 51 лошадь; его племянники Кашке, Алыбай Тугины и Бабалы Вайгызовъ дали по 7 лошадей; двоюродный племянникъ Бектай далъ 4 лошадей; остальные родственники дали 24 лошади.

5) Для устройства въ 1880 году летучаго сообщенія Кульджи съ Музартомъ, между прочимъ, и Конурбургская волость должна была выставить 2 джигитовъ, каждый о дву-конь. Джигиты обязаны были имѣть только по одной собственной лошади, а запасныхъ давало общество.

Предъ отправленіемъ джигита, когда понадобилась запасная лошадь, старшина Тыкебай позвалъ къ себѣ киргиза Койбаса и, отобравъ у него лошадь, отдалъ джигиту, тотчасъ же уѣхавшему. Койбасъ остался недоволенъ такимъ дѣйствіемъ старшины и выбѣжалъ изъ юрты, говоря: „догоню джигита и отберу лошадь, ибо очередь не моя". За нимъ вышелъ изъ юрты братъ Тыкебая—Алдыбай съ цѣлью удержать Койбаса. Сидѣвшіе въ юртѣ Тыкебая пять человѣкъ киргизъ не обратили вниманія на такое обыкновенное дѣло и продолжали разговоръ. Вскорѣ послышался крикъ, и сидѣвшіе въ юртѣ, выскочивъ, увидѣли Койбаса лежащимъ безъ памяти у ногъ Алдыбая. Бережно перенесли Койбаса въ юрту Тыкебая и тотчасъ же послали извѣстіе роднѣ умирающаго. Пріѣхалъ братъ его Тойгельтыръ, началъ было спрашивать Койбаса, что съ нимъ, но отвѣта не получилъ, ибо послѣдній не приходилъ въ себя.

Распорядились отправить Койбаса домой, гдѣ онъ и умеръ на другой день. При обмываніи тѣла замѣтили большіе синяки вокругъ шеи и на обѣихъ сторонахъ верхней части живота, изъ рта трупа текла матерія, голова не держалась. На основаніи этихъ данныхъ заключили „Алдыбай душилъ Койбаса, топталъ ногами и свернулъ голову".

Прежде чѣмъ предать тѣло землѣ, управитель Конурбургской волости послалъ старшину Токторбая спросить Тыкебая, сознается-ли онъ, что его братъ задушилъ Койбаса? Хотя Тыкебай и ни слова не сказалъ о виновности Алдыбая, все-же далъ для передачи роднѣ умершаго: каранаръ, караклемъ и каратонъ. По полученіи вещей Койбаса похоронили и тутъ же наняли дѣлать памятникъ, средства на который попросили у Тыкебая (онъ далъ 100 рублей и на прокормъ рабочихъ 18 барановъ и капъ проса).

Переговоровъ о размѣрѣ куна еще не вели, ожидая бія Испера, старшаго въ родѣ Майли (Тыкебай и Койбасъ—оба Майли). Пріѣхалъ Исперъ, собралось до 200 человѣкъ родовичей. Стороны выбрали судей, которые, по допросѣ свидѣтелей, признали убійство доказаннымъ и опредѣлили, чтобы Алдыбай уплатилъ:

а) 200 байталъ или 2000 рублей,
б) 2 джаксы,
в) 15 лошадей въ Конжуаръ,
г) на поминки лошадь, корову и 8 барановъ,
} или за все это 360 рублей.
д) вмѣсто каракунгъ 156 рублей,
е) муллѣ за чтеніе молитвъ 4 лошади,
ж) двумъ джигитамъ 2 лошади,
з) лошадь и верблюда, которыхъ Тыкебай лично должень подарить сыну Койбаса по пріѣздѣ въ юрту послѣдняго.

Уплата этого куна: два двоюродныхъ племянника дали 275 рублей; шесть троюродныхъ племянниковъ дали 248 рублей; 511 рублей заплатили киргизы отдѣленія Джаксылыкъ (Тыкебай этого отдѣленія; Джаксылыкъ—сынъ Майли); остальное заплатили почти поровну Тыкебай, Алдыбай и Алишъ Тартановы—родные братья.

6) Киргизъ Кигизбай Тойчубековъ принесъ свое сѣдло для починки къ мастеру киргизу Умбетаю Ибееву. Послѣдній тотчасъ-же взялся за дѣло и просилъ Кигизбая помочь ему, именно просилъ держать сѣдло. При работѣ Умбетай нечаянно ударилъ Кигизбая по пальцу и отрубилъ часть перваго сустава съ ногтемъ и кожу съ мясомъ вдоль всего пальца. Хотя сѣдло Умбетай и починилъ, не взявъ платы за работу, но Кигизбай заявилъ біямъ искъ, и они постановили, чтобы Умбетай уплатилъ Кигизбаю 1 рубль 50 копѣекъ.

7) Киргизъ Сегизсаровской волости Турапъ вырвалъ клокъ волосъ изъ бороды киргиза Конурбургской волости Кургаспая. Свидѣтелей не было, почему біи опредѣлили: дать присягу одному изъ общества Турапа (по выбору истца.) Не примется присяга—Турапъ заплатитъ Кургаспаю 5 р.

8) Киргиза Конурбургской волости Тонды, ѣхавшаго въ гости, поймали каракиргизы Иссыкъ—Кульскаго уѣзда. Отнявъ лошадь, воры бросили связаннаго Тонды въ степи. Дѣло было зимой, и Тонды отморозилъ 4 пальца на лѣвой рукѣ. По разборѣ дѣла обычный судъ присудилъ въ пользу Тонды 20 лошадей.

9) Киргизъ Конурбургской волости Муздубай въ дракѣ съ киргизами лишился глаза. Ему присудили только 50 лошадей, потому что „самъ былъ виноватъ, вмѣшавшись въ драку".

10) Осенью 1876 года на урочищѣ Тогуръ-тагау, около юрты киргиза Конурбургской волости Чокомана стояла юрта калмыка рода Дурбунъ-сумунъ Чериня. Послѣдній пасъ коровъ и каждый вечеръ пригонялъ ихъ къ юртѣ. Одна изъ коровъ, пріученная кормиться въ юртѣ, однажды вечеромъ, когда большихъ никого не было, зашла въ юрту Чокомана и опрокинула казанъ съ пищей на маленькаго сына Чокомана. Ребенокъ страшно обварился и умеръ. Народный судъ (4 бія и 4 заяги) постановили: дать присягу 4 калмыкамъ по выбору Чокомана и если присягу не примутъ, то Черинь уплатитъ Чокоману 50 лошадей. Мотивы рѣшенія: „За убійство слѣдовало присудить полный кунъ, но Черинь не самъ убилъ и виновенъ лишь въ небрежности, потому слѣдовало бы присудить половину куна (100 головъ), но мы присуждаемъ 50, оставляя остальныя 50 головъ на отвѣтственности Чокомана, такъ какъ и онъ виновенъ, допу-

ская корову кормиться въ юртѣ". Зянги Калмыковъ не соглашались вначалѣ съ такимъ взглядомъ, говоря, что если Черинь виновенъ въ небрежности, то о кунѣ не должно быть и рѣчи и слѣдуетъ присудить „аипъ" (въ 1—2 лошади), но послѣ согласились со взглядомъ киргизскихъ біевъ.

До принятія присяги, когда сдѣлалось извѣстнымъ,что трое примутъ присягу, а относительно четвертаго было еще неизвѣстно—Чекомаяъ и Черинь примирились на двухъ лошадяхъ.

11) Въ 1876 году на Сарканскомъ чрезвычайномъ съѣздѣ киргизъ Сергіопольскаго уѣзда Узенбай искалъ кунъ за мужчину и женщину съ киргиза Копальскаго уѣзда Бекчоина. Свидѣтелей не было, и біи предложили истцу выбрать на присягу 6 человѣкъ (4 за мужчину и 2 за женщину). Пятеро присяжныхъ присягу приняли, а шестой не принялъ. Поэтому и на основаніи опредѣленія куна за мужчину 2000 рублей и за женщину 500 рублей, біи и опредѣлили взыскать съ Бекчоина Чингожина въ пользу Узенбая 416 рублей, то есть часть, приходящуюся на непринявшаго присягу.

12) Киргизъ Копальскаго уѣзда Вопау искалъ кунъ съ киргиза Сексембая за убитаго имъ киргиза Бекчоина Ибраимова. Убійство было доказано 4 свидѣтелями, и біи постановили: Сексембай уплатитъ 200 лошадей.

Но Сексембай на Сарканскомъ чрезвычайномъ съѣздѣ искалъ съ киргиза Балхашъ—Лепсинской волости Ваубека Мураина кунъ, утверждая, что киргиза Бекчоина Ибраимова убилъ не онъ, Сексембай, а Ваубекъ, и просилъ взыскать кунъ и убытки. Сексембай представилъ суду 4 свидѣтелей, и біи опредѣлили взыскать съ Ваубека 100 лошадей и 3258 барановъ, если слова свидѣтелей будутъ подтверждены присягой людей по выбору отвѣтчика. Присяга была принята и Сексембай получилъ все присужденное.

Кромѣ куна родственники несутъ имущественную отвѣтственность и по разсчетамъ за воровство одного изъ своихъ. Однако, обязательность платить за вора родственника является только въ случаѣ несостоятельности виновнаго. Само собою разумѣется, что сначала платитъ родня, потомъ и прочіе. Другихъ случаевъ имущественной отвѣтственности нѣтъ, и за исключеніемъ разсчетовъ по куну и воровству родственники не обязаны платить за грѣхи одного изъ своихъ.

в) Пріемыши.

Киргизы отдаютъ своихъ дѣтей только въ знакъ особой дружбы, уваженія къ близкому и большей частью бездѣтному родственнику. Воспитаніе и прочія заботы всецѣло лежатъ на обязанности воспитателя; родители не вмѣшиваются, такъ какъ вмѣшательство можетъ быть сочтено за недовѣріе. Калымъ за воспитанницу получаетъ пріемный ея отецъ, родителямъ же дѣвушки передается только часть подарковъ, подносимыхъ женихомъ, а именно „илюу" и часть (до половины) „сют'акы". Если роди-

телей нѣтъ въ живыхъ, то все остается у воспитателя. Равнымъ образомъ сютʼакы не передается родителямъ, если воспитатель далъ имъ подарки при полученіи дѣвушки.

Права пріемыша въ новой семьѣ—права сына. А такъ какъ пріемышей почти исключительно отдаютъ лишь бездѣтнымъ родственникамъ, то они и наслѣдуютъ все имущество воспитателя. Если же сынъ отданъ былъ не бездѣтному родственнику, то права его на имущество воспитателя значительно ограничены. Въ этомъ случаѣ по смерти воспитателя возможны слѣдующія два положенія: а) женатъ пріемышъ, отдѣленъ онъ при жизни пріемнаго отца, и тогда наслѣдство получаютъ лишь родныя дѣти, и б) если воспитатель умеръ, не успѣвъ женить и выдѣлить пріемыша, то эту обязанность выполняютъ родныя дѣти умершаго. Они платятъ за названнаго брата калымъ, женятъ и даютъ ему немного скота, не болѣе четвертой части изъ доли меньшого сына умершаго. По смерти единственнаго названнаго брата (бездѣтнаго) все достается пріемышу. Если же братьевъ нѣсколько, то пріемышъ ничего не получаетъ. Вдовы названныхъ братьевъ достаются пріемышу только тогда, когда число ихъ болѣе числа братьевъ.

Почти такія же права имѣетъ пріемышъ и на имущество своего родного отца; онъ наслѣдуетъ все, если не осталось другихъ его братьевъ и ихъ дѣтей. Въ противномъ же случаѣ ему даютъ не болѣе четвертой части изъ доли его меньшого неотдѣленнаго брата. По смерти единственнаго родного брата, не оставившаго мужского потомства, все получаетъ пріемышъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ему ничего не достается. На вдовъ родныхъ братьевъ онъ имѣетъ права, какъ самый послѣдній изъ братьевъ. Сыновья пріемыша, понятно, сохраняютъ всѣ права отца.

Теперь посмотримъ, какія права имѣютъ на пріемыша воспитатель, отецъ и ихъ потомство. Для яснаго пониманія необходимо помнить, что пріемышу все дано воспитателемъ; поэтому по смерти его все идетъ къ воспитателю и его роднымъ дѣтямъ. Порядокъ раздѣла одинаковъ съ раздѣлами между родными братьями. Семья родного отца получаетъ наслѣдство только въ случаѣ, если послѣ воспитателя не осталось потомства. Кунъ за бездѣтнаго пріемыша получаетъ воспитатель, давая отцу не болѣе $^1/_3$.

Если киргизъ возьметъ на воспитаніе внука (сына дочери—джіень), то не даетъ ему выдѣла, и внукъ, женившись на средства дѣда, уходитъ къ своему отцу, отъ котораго и получаетъ юрту и выдѣлъ. На наслѣдство дѣда внукъ уже не имѣетъ никакихъ особыхъ въ качествѣ пріемыша правъ.

IV. Союзъ родовой.

Родъ въ былое время былъ политической единицей, значеніе которой опредѣлялось численностью членовъ.. Постоянныя усобицы между родами вели къ притѣсненію слабыхъ. Отсюда понятно, что тяготѣніе членовъ другъ къ другу, сплоченность рода вызывается необходимостью защиты своихъ правъ отъ притязаній сосѣдей. Съ нашей властью эта защита оказалась ненужной, и родъ распался. Я говорю о распаденіи общихъ родовъ (Найманы, Джалаиры, Дулаты, Албаны), союзъ же членовъ мелкихъ родовыхъ группъ, понятно, остался какъ въ силу общности интересовъ, такъ отчасти и въ силу родства. Наши волости, за небольшими исключеніями, не болѣе какъ родовыя отдѣленія, и это обстоятельство вполнѣ разъясняетъ многія явленія, необъяснимыя при незнаніи его. Напримѣръ, какъ объяснить почему не привился судъ одного бія, аульнаго бія отвѣтчика? А объясненіе просто, никто не можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Аульный бій отвѣтчика уже въ силу только родовой солидарности, не говоря о другихъ причинахъ, не можетъ вообще отнестись справедливо къ интересамъ истца, члена другой волости, иной родовой группы. Почему нарушеніе правъ члена одной волости (увозъ у него дочери и т. п.) киргизомъ иной волости ведетъ къ общей барантѣ между волостями? Почему волость, спокойная сегодня, завтра, вслѣдствіе иногда одной личной ссоры двухъ—трехъ киргизъ разныхъ подотдѣленій, раздѣляется на партіи по подотдѣленіямъ? Это объясняется все той же родовой связью: свой своему поневолѣ братъ, какъ же не защитить и не вступиться? вѣдь и самому иной разъ понадобится защита. Впрочемъ, родовую солидарность между членами даже общихъ родовъ (Дулаты, Джалаиры) можно еще наблюдать и нынѣ. Напримѣръ, на чрезвычайныхъ съѣздахъ между разными уѣздами—значитъ между разными родами—киргизы каждаго уѣзда предварительно обсуждаютъ мѣры, дабы противникъ не одолѣлъ.

Выше я сказалъ, что волость—родовое отдѣленіе. Въ свою очередь отдѣленіе дѣлится на меньшія родовыя группы, и каждая изъ нихъ все равно умѣетъ крѣпко стоять за свои права и дорожить ими. При выборахъ, напримѣръ, доводится наблюдать такой фактъ: волостной управитель хорошъ, его слѣдовало бы оставить въ должности; но если въ волости есть значительная численностью родовая группа, обиженная прошлыми выборами, то какъ бы ни хорошъ былъ управитель, а выберутъ новаго изъ рода, обойденнаго на прежнихъ выборахъ, съ цѣлью удовлетворить родовое самолюбіе членовъ его. Неудовлетвореніе же самолюбія или игнорированіе, при перевѣсѣ численности противниковъ, всегда ве-

детъ къ разстройству волости. Начинаются ссоры, кляузы, выдумываются разныя небылицы и все съ одной цѣлью отмстить за униженіе своего рода. Хотя родъ (отдѣленіе, родовая группа—все равно, далѣе я буду употреблять одно слово—родъ) и не можетъ заставить каждаго изъ своихъ членовъ сдѣлать это или то или обязать присоединиться къ общему рѣшенію, но членъ въ силу необходимости долженъ стоять за своихъ, иначе потеряетъ симпатіи и они такъ или иначе отомстятъ ему. Въ ежедневной же, будничной, такъ сказать, жизни всякій членъ занятъ собственнымъ дѣломъ и ничѣмъ не обязанъ по отношенію къ другимъ. Права членовъ родового союза на имущественную помощь при уплатѣ куна и обратно— права рода на часть куна, полученнаго членомъ, приведены выше.

Наслѣдство послѣ члена, не оставившаго наслѣдниковъ родственниковъ, достается роду. Но ему трудно получить это наслѣдство, если умершій жилъ въ другой волости. Мнѣ удалось узнать лишь одинъ подходящій примѣръ, да и то не подробно (рѣдкость такихъ случаевъ понятна, у киргизъ родство большое). Въ Нижне-Аксуйской волости въ 1868 году умеръ киргизъ рода Каптагай отдѣленія Чаппа, оставивъ бездѣтную вдову и скотъ. Наслѣдниковъ не было, и представитель рода Каптагай, Арасанскій волостной управитель Толкунъ, предъявилъ права на вдову и скотъ для раздѣла между членами „Чаппа“ (это отдѣленіе въ Арасанской волости). Говорятъ, біи и киргизы сильно спорили и ссорились, и Чаппа выиграли дѣло только благодаря особому вліянію, коимъ пользуются многіе Каптагаевцы. Вдову отдѣленіе выдало за киргиза Саурука, а скотъ раздѣлили между старшими членами отдѣленія.

На барантѣ, байгѣ и т.п. родовичи сзываются на помощь особымъ крикомъ—ураномъ. Уранъ рода—имя его общаго родственника: Албанъ и т. п. Уранъ волости—имя наиболѣе почтеннаго предка, напримѣръ въ Айтбозумовской волости уранъ—Раимбекъ, въ Конурбургской—Утей и т. п. При дракѣ между членами волости уранъ—родовое имя дерущихся. Впрочемъ, часто бываетъ, что отдѣленіе беретъ ураномъ не имя своего родоначальника, а имя какого-либо батыря или уважаемаго предка. Нпр. у киргизъ рода Айтъ уранъ Калыбекъ, у рода Бозумъ уранъ Алмерекъ и т. п. Иногда и стыдъ мѣшаетъ взять имя родоначальника ураномъ. Напр. въ родовомъ отдѣленіи Кыстыкъ это имя никогда не служило ураномъ. Уранъ были: Ескине, Танатъ и другіе, а теперь Малай. Это обстоятельство въ связи съ легендой о происхожденіи Кыстыковъ. Легенда такова: у одного киргиза рода Айтъ постоянно останавливались на ночлегъ проѣзжіе сарты и татары. Одинъ изъ нихъ сошелся съ дочерью хозяина, которая и родила мальчика, названнаго Кыстыкъ. Чтобы скрыть вину дочери отъ отца, ребенокъ былъ брошенъ въ степи. Кто-то нашелъ его

и воспиталъ. Отъ этого ребенка и явились Кыстыки. Справедлива легенда или нѣтъ—все равно, но Кыстыки вѣрятъ ей и сердятся, когда смѣются надъ ихъ происхожденіемъ. Стыдясь происхожденія, они и не употребляютъ имя Кыстыкъ ураномъ.

При смѣшанныхъ бракахъ, барантахъ крпчатъ имя или уранъ предводителя. Напримѣръ, при барантахъ и дракахъ подъ предводительствомъ Тевека уранъ всегда Аблай (это уранъ Тезека.)

Опредѣленіе правъ на зимовки и лѣтовки.

Право пастьбы скота на извѣстномъ пространствѣ опредѣляется принадлежностью къ родовой группѣ, которою это пространство издавна занято. Пользованіе лѣтними пастбищами свободно для всѣхъ (общія „джяйляу", т. е. пастбища Джалаировъ, Албановъ по рѣкѣ Текесу, Дулатовъ въ городахъ Альтау). Зимнія пастбища раздѣлены по волостямъ и только въ случаѣ ссоры по ауламъ. Зимнія пастбища принадлежатъ лицу и переходятъ по наслѣдству, какъ и прочее имущество киргиза: зимовка отца достается младшему сыну. Право на пахотную землю пріобрѣтается трудомъ, приложеннымъ для орошенія, разсчистки и тому подобное; почему участкомъ пашни пользуются на правахъ собственности, и не пашущіе могутъ отдавать свои участки въ аренду за вознагражденіе. Даже члены другихъ волостей не могутъ быть лишены права на участкокъ, если только ими былъ приложенъ трудъ на проведеніе арыка.

Въ проведеніи арыковъ (оросительныхъ канавъ) могутъ участвовать даже отдѣльные члены чужихъ родовъ, если попросятъ; но за позволеніе они должны, предъ работой, заколоть большого жирнаго барана и угостить. Угощеніе это, называемое „Канъ-куи", впослѣдствіи служитъ доказательствомъ правъ на земли по этому арыку. Арыки вообще проводятся мелкими родовыми группами, но тамъ, гдѣ нужно болѣе рукъ и средствъ, проводитъ цѣлая волость, даже нѣсколько волостей (арыки изъ рѣки Біона проведены Арасанскою и Біенъ-Куяндинскою волостями). Ежегодныя починки арыковъ требуютъ немало труда, почему пропускъ воды по арыку, какъ окончаніе труда, празднуется. Празднество состоитъ въ угощеніи, которое устраивается родовыми группами по очереди. Право собственности пріобрѣтается еще засадкой участка деревьями и постройкой жилыхъ или хозяйственныхъ зданій.

Охранительные обычаи.

О наказаніяхъ за нарушеніе личныхъ правъ говорено выше; здѣсь же остается лишь сказать, что народный обычай знаетъ нынѣ одинъ видъ наказаній имущественный въ видѣ штрафа (аипъ). За обиду словомъ обыкновенный аипъ—лошадь и халатъ. За оби-

ду дѣйствіемъ размѣры приведены ранѣе. Нарушеніе имущественныхъ правъ наказывается тоже аипомъ. Размѣры различны, прежде обыкновенный аипъ за кражу скотины—три, а теперь девять головъ. Впрочемъ, вмѣшательство администраціи въ недавнее еще время до того сбило кочевниковъ съ толку, что нынѣ общаго аипа почти нѣтъ (въ Вѣрненскомъ уѣздѣ за кражу одной скотины присуждается восемь). Возстановленіе въ правахъ достигается судебнымъ приговоромъ, а иногда въ случаяхъ несомнѣнныхъ возвращеніе захваченной зимовки, увезенной жены—распоряженіемъ власти. Наказанія понятно налагаются только біями.

Обрядность суда біевъ. Доказательства.

По обычаю, разбирать дѣло можетъ всякій, къ кому бы стороны ни обратились. Въ прежнее время обращались къ тѣмъ, кому вѣрили, что возможно было только въ случаѣ принадлежности сторонъ къ одной родовой группѣ. Этотъ выслушивалъ, спрашивалъ свидѣтелей, старался примирить стороны. Недостигалось примиренія, назначалъ очистительную присягу или приговаривалъ къ уплатѣ, если свидѣтельскія показанія были надежны и достаточны. До нашего завладѣнія степью процедура рѣшеній была такова: рѣшавшій дѣло давалъ прутъ и разрубалъ его по окончанія суда; это означало конецъ дѣла. При неудовольствіи на судъ одного шли къ другому. Съ теченіемъ времени способности, привычка къ дѣламъ или вліятельность нѣкоторыхъ личностей повели къ тому, что родичи за разборомъ дѣла обращались только къ нимъ, и такимъ образомъ кругъ біевъ ограничился немногими. Крупныя дѣла обсуждались во время народныхъ собраній (байга, поминки) вліятельными сородичами. Само собой разумѣется, обсужденіе было общее родичами обѣихъ сторонъ.

Такія рѣшенія, не опираясь ни на какую власть, не могли, конечно, имѣть ни обязательности. Они или исполнялись безъ понужденій, изъ боязни лишиться симпатій и поддержки своихъ, или же вовсе не исполнялись, и тогда истцу оставался один исходъ —насиліе Первый судъ имѣлъ характеръ суда третейскаго, основаннаго на довѣріи къ выборному, стоявшему въ одинаковомъ (родовомъ) отношеніи къ обоимъ тяжущимся. Основаніе второй формы суда—равноправность. Эту послѣднюю форму нельзя не назвать обычной, ибо въ прежнее время только она одна прекращала распрю между родовыми группами. Ей поневолѣ приходилось подчиняться, иначе свои же могли отступиться, а это грозило разореніемъ. И въ настоящее время на практикѣ встрѣчаются только эти формы суда: для сторонъ одной родовой группы свой бій, для всѣхъ прочихъ случаевъ—свободный выборъ поровну съ обѣихъ сторонъ. Правда, бываютъ разбирательства дѣлъ всѣми біями волости (по спорамъ о землѣ и т. п.), но такіе слу-

чаи не часты. Мѣсто засѣданія бія—его юрта и всякое другое мѣстопребываніе бія. Судъ—гласный; присутствуютъ всѣ желающіе. Истецъ является съ отвѣтчикомъ, или послѣдняго зоветъ самъ бій. Бій вызываетъ и свидѣтелей, хотя вообще они прiѣзжаютъ съ своей стороной.

Собрались. Бій выслушиваетъ истца, отвѣтчика, свидѣтелей; старается примирить тяжущихся. При неудачѣ постановляетъ рѣшеніе, а если дѣло сложное—откладываетъ приговоръ на нѣкоторое время для собранія справокъ. Или бій предлагаетъ истцу выбрать кого-либо для принятія за отвѣтчика очистительной присяги. Приговоръ записывается въ книгу и выдается копія.

Такой же порядокъ соблюдается въ обычномъ видѣ. Въ немъ біи, по выслушаніи сторонъ и свидѣтелей, удаляютъ ихъ, чтобы не было помѣхи совѣщанію. Если понадобится предложить новые вопросы, стороны вновь требуются, а послѣ опять удаляются. Хотя вмѣшательство во время совѣщанія біевъ и не допускается, но вѣдь нѣтъ запрещенія, которое бы не нарушилось. Такъ и это. Тяжущіеся сидятъ недалеко и при невыгодномъ оборотѣ преній вмѣшиваются въ нихъ. Выборъ лица для дачи очистительной присяги ограниченъ нѣкоторыми условіями; точно такъ же не всякій можетъ быть и свидѣтелемъ. А такъ какъ знаніе этихъ условій необходимо, то я и разберу случаи, могущіе встрѣтиться на практикѣ.

Если на вопросъ біевъ отвѣтчикъ признается въ своей виновности, то остается только установить размѣръ вознагражденія. Такимъ образомъ „тарту"—повинная—служитъ однимъ изъ желаемыхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ. Но сознаніе бываетъ не часто, въ большинствѣ случаевъ его нѣтъ, да нѣтъ и свидѣтелей; въ такихъ случаяхъ, а ихъ огромное большинство, дѣло кончается очистительной присягой. Біи, установивъ размѣръ вознагражденія, предлагаютъ истцу выбрать на присягу кого либо изъ общества отвѣтчика. Назначаютъ и аулъ или родовое отдѣленіе, изъ котораго слѣдуетъ сдѣлать выборъ. Въ мелкихъ искахъ непремѣнно назначается аулъ отвѣтчика. При искахъ куна очистительная присяга дается 4-мя киргизами по выбору изъ всей волости,—это за убійство мужчины; за женщину присяга дается 2 киргизами; при искахъ „джесира" выбираются на присягу тоже 2 человѣка. При крупныхъ искахъ число присяжныхъ соразмѣряется съ суммой иска: за 1000 рублей должны принять двое, за 2000 четверо изъ цѣлой волости. При кунѣ за глазъ 2 человѣка, за 2 глаза—4 человѣка.

Истецъ можетъ протестовать противъ назначенія выбора изъ указаннаго біями аула только въ случаѣ, если онъ, истецъ, съ этимъ ауломъ въ „спорѣ" („спаръ", какъ говорятъ киргизы). Точно такъ же и отвѣтчикъ можетъ протестовать, если на присягу выбранъ человѣкъ, находящійся съ нимъ, отвѣтчикомъ, въ

спорѣ. Что такое „споръ", трудно объяснить примѣромъ, насколько-же можно обобщить разъясненіе киргизали этого слова—это есть ссора, дошедшая до тѣхъ предѣловъ, когда человѣкъ не разбираетъ средствъ, чтобы насолить врагу. Такая сильная ссора извѣстна въ аулѣ, волости всѣмъ и каждому, извѣстна она и біямъ.

Поэтому при несправедливомъ заявленіи тяжущихся о спорѣ съ присяжнымъ біи предлагаютъ выбрать на присягу другого: еслижъ знаютъ, что заявленіе ложно, то не обращаютъ на него и вниманія. Когда біи не вполнѣ убѣждены въ справедливости или несправедливости заявленія о спорѣ, то сейчасъ же должны удостовѣриться чрезъ почетныхъ людей и при справедливости должны назначить другой аулъ для выбора на присягу или предложить истцу на присягу другого, но не отца, сына и не братьевъ киргиза, находящагося съ отвѣтчикомъ въ спорѣ. Въ послѣднее, впрочемъ, время практика разрѣшаетъ тяжущимся отводъ присяжныхъ и въ случаѣ недоказанности „спара"; но отвести можно не болѣе одного человѣка изъ аула, а изъ цѣлой волости только двухъ.

Не позволяется выбирать на присягу своего очень хорошаго накомаго (тамыръ, худа) и близкихъ родныхъ, родственниковъ (случай возможный лишь, если тяжущіеся одного родоваго отдѣленія): отца, сыновей, братьевъ, племянниковъ, бажа ,буле, джіень. [1]) Если отвѣтчикъ заявитъ о подкупѣ присяжнаго истцемъ, то біи прежде дознаютъ фактъ подкупа и при доказанности подкупа отмѣняютъ выборъ, предлагая истцу избирать на присягу другого. Другихъ причинъ для отвода присяжныхъ нѣтъ. Если избранный на присягу находится далеко отъ мѣста суда, то біи назначаютъ время и мѣсто присяги: обыкновенно въ юртѣ, то есть въ присутствіи одного изъ біевъ, волостного управителя и другихъ почетныхъ киргизовъ. Сообщать постановленіе суда выбранному на присягу—дѣло отвѣтчика; его же забота и доставить присяжнаго къ назначенному сроку. Ко времени принятія присяги стороны должны сами явиться, не явятся—не ждутъ. Непріѣздъ присяжнаго къ сроку считается за отказъ отъ присяги и съ отвѣтчика взыскивается все присужденное. Впрочемъ, если бы присяжный и присутствовалъ на судѣ, все таки присягу назначаютъ чрезъ день, два и болѣе. Это дѣлается съ двоякой цѣлью: дать возможность присяжному примирить стороны или при неуспѣхѣ собрать справки, безъ которыхъ нелогично принять или отказаться отъ присяги. Администрація, незнакомая съ этимъ фактомъ, требуетъ

[1]) Киргизы, женившіеся на двухъ дѣвушкахъ—сестрахъ, считаются нѣкоторымъ образомъ родственниками, и родство это называется „бажа". Дѣти этихъ двухъ паръ состоятъ между собой въ родствѣ „буле" Дѣти (буле) къ дѣду (отцу матерей) —„джіень;" дѣдъ къ нимъ—„нагаши". Отцы супруговъ между собой- „худа".

немедленнаго привода къ присягѣ, чѣмъ, конечно, подрываетъ значеніе присяги, все же непустой и для кочевника.

Формулъ присяги нѣтъ. Біи спрашиваютъ присяжнаго: принимаешь ли присягу? получивъ отвѣтъ, дѣлаютъ „бату" и заносятъ отвѣтъ въ книгу. При отказѣ отъ присяги истцу выдается копія. Въ случаяхъ, когда присяга отбирается не во время суда, отбирающій сообщаетъ суду о результатѣ, и судъ дѣлаетъ отмѣтку въ книгѣ. Киргизы избѣгаютъ принятія присяги: нехорошо, стыдно, говорятъ они; поэтому-то присяжные употребляютъ всѣ усилія къ примиренію сторонъ, въ случаяхъ справедливаго иска торгуются за отвѣтчика, и на чемъ поладятъ съ истцомъ, то отвѣтчикъ и обязанъ платить, хотя бы его согласія и не спросили. По окончаніи переговоровъ съ истцомъ, рѣшеніе присяжныхъ записывается въ книгу, и къ нему біи только прикладываютъ свои печати. Дѣло считается конченнымъ безъ привода уже къ присягѣ. Иногда въ книгу записывается просто мировая,—а то запишутъ, что и присяга принята, хотя бы на самомъ дѣлѣ этого и не было, а разсчетъ ужъ дѣлается по рѣшенію присяжныхъ. На эти случаи не мѣшало бы обратить вниманіе; они вполнѣ въ обычаѣ и ничего незаконнаго, безнравственнаго въ нихъ нѣтъ, а между тѣмъ администрація иногда признаетъ такія сдѣлки преступными. Если впослѣдствіи одна изъ сторонъ узнаетъ, что присяжный былъ подкупленъ другой стороной и докажетъ это суду біевъ, то виновную въ подкупѣ сторону біи приговариваютъ къ уплатѣ всего присужденнаго первымъ рѣшеніемъ съ убытками,—это если присяжныхъ подкупилъ отвѣтчикъ; если же подкупилъ истецъ—обязываютъ его возвратить все полученное съ убытками. Подкупленный присяжный приговаривается къ уплатѣ аипа, смотря по размѣру дѣла, отъ 5—4 девятокъ до лошади и халата. Аипъ получаетъ тотъ, чьи права были нарушены подкупленнымъ. Но не одинъ аипъ служитъ наказаніемъ подкупленнаго, несравненно болѣе тяжелое наказаніе заключается въ ограниченіи нѣкоторыхъ правъ: его не принимаютъ свидѣтелемъ ни въ какихъ дѣлахъ, не допускаютъ и до присяги; однимъ словомъ, ему болѣе не вѣрятъ. Если очистительная присяга за отвѣтчика принята, а послѣ его виновность обнаружится, то истецъ вновь ищетъ. Принявшій присягу требуетъ тоже аипъ, и ему обыкновенно присуждаютъ лошадь и халатъ. Если дѣло окончилось непринятіемъ очистительной присяги и отвѣтчикъ поплатился, впослѣдствіи же найдется настоящій виновный, то заплатившій по первому рѣшенію ищетъ съ него, и ему присуждаютъ все заплаченное съ убытками.

Иногда, крайне рѣдко, истецъ предлагаетъ самому отвѣтчику принять присягу въ доказательство своей правоты, и наоборотъ, отвѣтчикъ предлагаетъ истцу доказать искъ принятіемъ присяги. Въ обоихъ случаяхъ дѣло кончается этими присягами.

Въ прежнее время—у Албановъ и въ настоящее время я былъ очевидцемъ такихъ присягъ—были разныя формы присяги. Напримѣръ, требовалось обойти три раза вокругъ могилы уважаемаго человѣка, поцѣловать саблю, ножъ, дуло ружья и тогда уже сказать, принимаетъ ли присягу. Но въ какой бы формѣ ни отбиралась присяга, единственное и необходимое условіе—принять ее въ присутствіи хорошаго человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія, котораго для этой-то цѣли и назначаютъ біи, если присяга принимается не при нихъ. Назначеніе формы присяги зависитъ отъ лица, выбирающаго присяжнаго. Эта форма сообщается біямъ.

Вотъ какъ проста и немногословна обычная присяга киргизъ; для нихъ она, конечно, имѣетъ значеніе, хотя бы традиціонное. Кажется, логично было бы придерживаться этихъ формъ и теперь, но къ сожалѣнію на практикѣ не всегда это соблюдается. Часто отъ киргиза требуютъ присяги на коранѣ. Не мнѣ, конечно, разъяснять вредъ привитія корана, но думаю, что лучше бы не примѣнять его. Я не вдаюсь еще въ разборъ другой стороны присяги по корану, то есть не вдаюсь въ разборъ того, сильнѣе ли она дѣйствуетъ на кочевника и вызываетъ ли она болѣе правдивое показаніе. Лично самъ я имѣю данныя сомнѣваться въ этомъ (киргизъ не понимаетъ даже ни одного слова изъ печатной присяги) и считаю общую форму присяги болѣе доступной пониманію и болѣе святой для кочевника. Да, думаю, и всякій знающій киргизъ согласится, что для массы коранъ ровно ничего не значитъ.

Свидѣтели; отводъ ихъ. Доказчики.

Свидѣтелемъ можетъ быть всякій, кромѣ сумасшедшихъ, малолѣтнихъ и женщинъ. Дѣти до 15 лѣтъ не допускаются въ качествѣ свидѣтелей, не допускаются и на присягу. Затѣмъ, кромѣ неимѣющихъ права быть свидѣтелемъ, нѣкоторые киргизы теряютъ это право: уличенные въ принятіи присяги за вознагражденіе. Киргизъ, находящійся въ „спарѣ“ съ тѣмъ, противъ кого направлено его свидѣтельство, не допускается свидѣтелемъ. Равнымъ образомъ не принимаются во вниманіе показанія его отца, сыновей, братьевъ. Если другихъ свидѣтелей и нѣтъ, то дѣло рѣшается такъ, какъ бы свидѣтелей и вовсе не было. Справедливость заявленія о „спарѣ“ съ свидѣтелемъ провѣряется такъ же, какъ сказано въ отдѣлѣ о присягѣ. Затѣмъ остальныхъ киргизъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) такихъ, показанія которыхъ непремѣнно должны быть подтверждаемы присягой, и 2) такихъ, показанія которыхъ достаточны для постановленія приговора.

Къ первой категоріи относятся: а) родственники, худа, буле, бажа, джіенъ, нагаши, той стороны, которая выставляетъ ихъ. Справеливость показанія ихъ непремѣнно должна быть под-

тверждена присягой, даваемой одному изъ ихъ общества по выбору стороны, противъ которой свидѣтель выставленъ. Впрочемъ, здѣсь встрѣчаются и исключенія: если такой свидѣтель извѣстенъ всѣмъ за правдиваго, честнаго, то противная сторона сама даже не требуетъ присяги; и б) порочные, вообще ненадежные люди, а также и всѣ прочіе киргизы, нравственныя качества которыхъ не пріобрѣли извѣстности. Ко второй категоріи относятся почетные, уважаемые люди, киргизы, извѣстные своей честностью, правдивостью. Впрочемъ, надо здѣсь сказать, что въ Вѣрненскомъ уѣздѣ съ 1879, а въ Копальскомъ, кажется, съ 1880 года сдѣлано общее постановленіе подтверждать присягой показанія всякихъ свидѣтелей, такъ что раздѣленіе свидѣтелей на категоріи теперь уже не имѣетъ, пожалуй, значенія. Присяга за свидѣтеля удостовѣряетъ лишь то, правду ли онъ говорилъ суду. Поэтому если присягу примутъ—присуждаютъ истцу, не примутъ—отказываютъ въ искѣ. Показаніе подкупленнаго свидѣтеля не принимается во вниманіе, и дѣло рѣшается, какъ бы свидѣтеля и не было.

Скажу теперь нѣсколько словъ о доказчикѣ и его роли. Доказчикомъ называютъ того, кто 1) за вознагражденіе, или и безъ него, берется разыскать вора и вообще виновнаго въ данномъ дѣлѣ, и 2) зная виновнаго, требуетъ отъ потерпѣвшаго вознагражденія, опредѣляя его, торгуясь въ цѣнѣ, и обязуется открыть имя виновнаго. При этомъ вообще бываетъ всегда такъ, что если доказчикъ одного родового отдѣленія съ тѣмъ, кого хочетъ выдать, то ставитъ потерпѣвшему непремѣннымъ условіемъ держать въ секретѣ его, доказчика, имя, стыдясь роли предателя своихъ родичей и ихъ укоровъ, отчасти-же и побаиваясь ихъ. А такъ какъ иногда другихъ уликъ у потерпѣвшаго нѣтъ, и дѣло стало быть, должно окончится присягой, то доказчикъ заранѣе указываетъ, кого слѣдуетъ выбрать на присягу, обыкновенно изъ своихъ близкихъ. Такъ и дѣлаютъ. Присяга, конечно, не принимается, ибо виновность отвѣтчика присяжному извѣстна. Если доказчикъ не одного рода съ отвѣтчикомъ, то лично доказываетъ виновность его.

Вотъ и всѣ обычные виды доказательствъ, практикуемыхъ въ народномъ судѣ. Нельзя не видѣть, что изъ всѣхъ доказательствъ. присяга практикуется въ огромномъ большинствѣ случаевъ; это, пожалуй, даже единственный видъ доказательствъ. Отсюда не трудно ужъ прійти къ убѣжденію о громадномъ значеніи присяги и тѣмъ необходимѣе оставить за ней обычныя освѣщенныя вѣками формы, отнюдь не навязывая кочевнику ничего чуждаго.

Біи за свои труды получаютъ плату—бійлыкъ. Плата эта 10 % съ присуждаемаго. Бійлыкъ платитъ отвѣтчикъ сверхъ присужденнаго; а такъ какъ взысканія вообще тянутся крайне долго, то біи требуютъ бійлыкъ съ истца и только по полученіи его выдаютъ копію рѣшенія. Истецъ же получаетъ бійлыкъ съ отвѣтчика.

Теперь въ заключеніе отдѣла о народномъ судѣ нѣсколько словъ о чрезвычайныхъ съѣздахъ. Хотя проектъ и имѣлъ въ виду эти съѣзды лишь для крупныхъ дѣлъ, но на практикѣ они обратились въ судбища всевозможныхъ даже самыхъ мелкихъ дѣлъ. Причины вполнѣ понятны: легкость выбора біевъ вообще и возможность воспользоваться лучшими силами. Да кромѣ того здѣсь возможенъ выборъ свободный, не стѣсняемый предѣлами утвержденныхъ біевъ. [1]) Послѣднее обстоятельство крайне важно, ибо официальные біи часто не имѣютъ никакого вліянія на своихъ сородичей и приговоры ихъ особенно въ сложныхъ дѣлахъ не удовлетворяютъ никого. На чрезвычайныхъ же съѣздахъ для обсужденія такихъ дѣлъ выбираются самые вліятельные родовичи, и только при ихъ помощи и исполнимы такіе, напримѣръ, приговоры, какъ постановленный по дѣлу между Борохудзирской и Чунжинской волостями. (см выше о кунѣ). Однородноепочти постановленіе окончило ссору между Байджигитами и Албанами въ 1880 году). И утвержденные біи, конечно, сумѣли бы постановить такое рѣшеніе, но вѣдь дѣло не въ постановленіи, а въ исполненіи, и вотъ тутъ-то авторитетъ рѣшавшихъ, вліяніе на своихъ и необходимы. Понятно, не одинъ авторитетъ и вліяніе помогаетъ въ этихъ случаяхъ; помогаетъ уже самый сборъ массы родовичей и постороннихъ, дѣлающій возможнымъ общее обсужденіе и сближеніе сторонъ.

Если для киргизъ уѣзда необходимъ чрезвычайный съѣздъ, то для киргизъ разныхъ уѣздовъ эта необходимость доходитъ до крайнихъ предѣловъ: только на немъ одномъ кочевникъ иного уѣзда и можетъ разсчитывать на удовлетвореніе. По понятіямъ киргизъ, чужой уѣздъ—иное государство и притомъ не рѣдко враждебное, [2]), и если въ своемъ уѣздѣтрудненько получить искомое, то самое мелкое полученіе съ киргиза другого уѣзда достигается еще съ бóльшимъ трудомъ и бóльшими издержками. Нужно везти своего бія; отвѣтчикъ, его отчасти и біи по понятной причинѣ уклоняются отъ разбора, и приходится просить содѣйствія уѣзднаго. Время между тѣмъ идетъ, растутъ и расходы. А то иной еще, придерживаясь проекта, непремѣнно обязываетъ соблюсти постепенность суда, начиная съ аульнаго бія.

Ну а на чрезвычайныхъ съѣздахъ это достигается легче, потому, что и власти тутъ-же, есть кому заступиться. Кромѣ того, многіе киргизы часто и не являются на съѣздъ для избѣжанія

---

[1]) Внѣ чрезвычайнаго съѣзда это не позволяется, и по жалобѣ одной изъ сторонъ рѣшеніе отмѣняется безъ всякихъ разсужденій.

[2]) Причины этому, помимо родового начала, заключаются, по моему мнѣнію, и въ неодинаковомъ отношеніи власти къ народному суду. Всякій относится по своему, считая свой взглядъ болѣе правильнымъ или болѣе цѣлесообразнымъ. Киргизы вполнѣ правы, говоря: „новый уѣздный, новый занъ (законъ)“, и поневолѣ теряются въ обиліи этихъ зановъ.

расходовъ при мелкихъ искахъ, а поручаютъ свои дѣла тому, кому нужно ѣхать. Иной разъ и доводится наблюдать, что одинъ и тотъ-же киргизъ представляетъ собой 5—6 своихъ товарищей. Формальностей при этомъ не соблюдается никакихъ; если-же относиться строже и требовать довѣренность, то и она сейчасъ-же явится: мулла есть, написать недолго, и бумагу для этого возьмутъ у насъ же, а свой старшина всегда засвидѣтельствуетъ такую подложную довѣренность. Да, право, къ этому нельзя строго и относиться; стоитъ вникнуть въ суть дѣла, стоитъ сообразить, возможно-ли ѣхать за нѣсколько сотъ верстъ за бараномъ, лошадью не имѣя увѣренности въ непремѣнномъ полученіи, и поневолѣ будешь смотрѣть сквозь пальцы на такія продѣлки, лишь бы онѣ вели къ облегченію участи кочевника.

О формѣ и обрядности суда на чрезвычайномъ съѣздѣ сказать нечего: судъ обычный, поровну съ обѣихъ сторонъ, и обрядность его, доказательства описаны выше. Существуетъ, правда, третейскій судъ („третій"по названію кочевника), но онъ бываетъ рѣдко, и все его отличіе отъ обычнаго—выборъ сторонами однихъ и тѣхъ же біевъ въ нечетномъ числѣ. Въ случаяхъ, когда біи не придутъ къ общему рѣшенію, сторонамъ предлагается выбрать посредника, и тогда дѣло рѣшается уже по большинству голосовъ.

Н. Изразцовъ.

КЪ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ТЕАТРА.

I. ЖИВОЙ ВЕРТЕПЪ.[1]

ДѢЙСТВІЕ I

(**Иродъ** *въ мантіи, въ коронѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ сидитъ на тронѣ*).

Иродъ. Воя, воя! престаньте ко мнѣ двоя въ тотъ же часъ!

(**Спекуляторъ** *и* **Донской Казакъ** *входятъ*.

Спекуляторъ. Что, цару Гироду, требуешь?

Иродъ. Пойдите вы въ нѣкоторыя страны, отыщите мни никоторыхъ бабъ, что варылы грыбкипъ(?).—

(*Спек. и Д. Казакъ уходятъ; Спек. возвращается*).

Спек. Нѣту тутъ бабъ, шобъ варылы грыбкипъ.

(*Входитъ* **Казакъ и Рахиль** *въ ребенкомъ, сдѣланнымъ изъ соломы*; **Казакъ** *пикой дѣлаетъ на караулъ; спекуляторъ правой рукой хватается за мечъ. Рахиль кланяется публикѣ*).

Спек. Что, царъ, велышь,—отпустыть, или казныть?

Иродъ. Не велю отпустыть, а велю казныть.

(*Рахиль падаетъ на колѣна*).

Рахиль О цару! пощады невынную душу!

Иродъ. Какое отпущеніе! Сія Рахыля
Одно смущеніе! Младенца родыла,
И младенецъ сей
Родылся для погибели моей

---

[1]) Записано въ г. Нѣжинѣ, со словъ николаевскаго солдата А. Збронскаго, родомъ подолянина.

и хотилъ скореныть изъ собственнаго царства моего. Но надѣюсь, какъ былъ царомъ, такъ и буду.

(*Спекуляторъ вонзаетъ мечъ въ ребенка, поднимаетъ его вверхъ и бросаетъ подъ ноги Ироду; за ширмами подражаютъ плачу ребенка*).

Иродъ. Радуюсь и веселюсь! Музыка, играй! Возьмите Рахилю, прочь отъ меня отведите!

(*Казакъ и Спек. уводятъ Рахиль; за ширмами поютъ*):

Не плачь, Рахыля: Тѣломъ убіенне,
Дытя твое жыве, Но душа спасенна.

(*Является* **Смерть** *съ косою*).

Смерть. А полно тебѣ, цару Герỏду, на семъ свити жыты, чаю—пуншу пыты, а времъя тебѣ иты въ адъ вѣчно жыты.

(*Иродъ мечется въ разныя стороны. Смерть косою ударяетъ его по шеѣ; онъ падаетъ. Являются два* **Служителя**).

1-й Служ. Трахъ тарарахъ! Десь тутъ нашо́го Ирода голова?

2-й Служ. Трахъ та̀рарыще! Десь тутъ нашого царя Ирода тулубы́ще? (*Уносятъ Ирода*).

ДѢЙСТВІЕ II.

(*Выходитъ* **Наполеонъ** *въ бѣлыхъ штанахъ, ботфортахъ, мундирѣ и треуголкѣ*).

Наполеонъ (*кланяется публикѣ*).

Вотъ, русскіи господа,
Я прыихалъ къ вамъ сюда.
Вы знаете, хто есть таковъ?
Я есть французскій король,
По имени-прозванью Наполіонъ;
На престоли сидаю
И вси земли забыраю.
Этой уголъ смотрытъ на Москву,
Этой на Полтаву.
А я возьму трость и державу,

И почтутъ меня королёмъ,
Земнымъ богомъ.

(*Является горбатый, старый* **Мужикъ**, *одѣтый въ лохмотья*).

Мужикъ. Дай Богъ драствовать, мой паночку?

Напол. Ты хто такій?

Муж. Мы паны ваши, а вы свыни нашы; какъ мы у васъ сино рубалы, а дрова косылы, и чести не заслужылы;

Напол. Ты откуда, туракъ мужыкъ, взялся?

Муж. Чогò мій паночку?

Напол. Ты скажи мыни, съ какой ты деревни?

Муж. Деревни? О, чого мій панъ захотивъ? Я съ такой деревни, што дубы да березы да шырокій лыстъ; изъ такой я деревни. Прощайте!

Напол. Дуракъ мужыкъ! Я не того тебе спрашываю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол Хто у васъ въ деревни найстаріе?

Муж. О, чого мій панъ захотивъ! У насъ колысь-то у деревни баба тютюнныця табакъ терла, такъ ужа давно ногы задерла. Отó была самая найстаріе

Напол. Дуракъ мужыкъ! я тебе не того спрашываю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Ты скажы мыни, хто у васъ въ деревни найсильніе?

Муж. Ага! найсыльніе! У насъ колысь-то въ деревни була череда, а въ череди былъ бугай, якъ иде, такъ и весь скотъ перебъе. Отó у насъ найсыльніе.

Напол. Дуракъ мужыкъ, я не того тебе спрашываю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Ты скажы мни, съ какого ты поколиньня?

Муж. Ага, поколиньня! Я съ такого поколиньня: на святого Андроса да рубавъ дрова, не попавъ по полиньню, да по колиньню, да мни выше носа наросло. (*Суетъ палку подъ носъ Наполеону тотъ, хватается за шпагу*).

Напол. Я тоби, дуракъ мужыкъ, какъ зайиду, да зайиду...

Муж. Та зайидь, зайидь, мій паночку: моя жинка велыку кадку буракивъ намочыла, буде васъ угощаты. А затымъ прощайте!

(*Музыка.*)

ДѢЙСТВІЕ III.

(**Донской Казакъ** *въ казачьемъ костюмѣ*).

Д. Казакъ (*кланяется*) Го́ля, го́ля! я козакъ изъ чыстого поля. Я козацькои натуры: пропился одъ ногъ и до шкуры; на мнѣ куртка и шаровары изъ свынячои шкуры; шабля пры боку́, самъ безъ оку́, спереди схо́ды на свыню, а взади — на ежака̀. Чы похожъ я, господа, на козака? (*Поворачивается кругомъ*).—Добре мене, господа, вчорась у гостяхъ шанувалы, такъ положылы спать коло лавы; а я спьяну проспався и въ печку вбрався и прыснился мыни предывный сонъ, будто я йивъ пырогъ съ ковбасой, а саломъ заѣдавъ. Когда я проспался, у меня повный ротъ попелю да угольля напхався.—Дождался, господа, у Бога ласки: пойиилъ усмакъ святои паски. Крестосъ воскресъ!

Голосъ (*изъ-за ширмъ*). Брешы, якъ песъ!

Д. Каз. Чы то бакъ я помылывся, отъ на эту дивчыну задывывся. Дивчыно серце, што ты на мене поглядаешъ? вѣрно, любыты маешъ? Ты иды за мене, буде тоби добре въ нашеи школи— якъ на татарськомъ поли: до обида спаты, а до вечора ѣсты ждаты. А я тоби за тое пошыю шубу съ вовкивъ, изъ лысыць, изъ прусакивъ, блощыць, зъ блохъ, зъ вошей, шобъ була шуба довша, а жукомъ опушыты, чтобъ про празныкъ проносыты.—Отъ неякъ не поддурышъ враговои дивчыны! Заспиваты зъ горя да украинськой писни:

Да немае лучче,
Да немае краще,
Ой якъ у насъ на Вкраини,

что не повыдышъ ни жида, ни ляха, ни того прыскурового сына татарына.

(*Является* **Жидъ**).

Жидъ. Сорохціяне, борохціяне, цы не бацылы, цы не выдалы, якъ на сынемъ мори зыды потопалы?

Д. Каз. Ты де, бисывъ жыду, взялся?

Жидъ. Охъ! я, паноцку, на сабасъ исовъ, и до васъ зайсовъ А якъ васъ звать?

Д. Каз. Хведоръ.

Жидъ А я йивъ гугиль зъ медомъ.

Д. Каз. Дай-же, бисывъ жыду, сабашкóвои горилки напыться.

Жидъ. Охъ, паноцку! моя сабаскова горилка черезъ три дня розбырае.

Д. Каз. Брешешъ, бисывъ жыду! Козакъ пье—душа миру знае.

Жидъ. Извольте, паноцку, звольте! (*Вынимаетъ изъ кармана бутылку; казакъ пьетъ.*)

Д. Каз. О такъ, напывсь сабашковои горилки да и повалывся.

(*Падаетъ; Жидъ осматриваетъ его карманы.*)

Жидъ. Отъ якъ зыдки козацкивъ надуваютъ: сабашковою горилкою наповаютъ, а теперъ съ корманéцка гроши выбыраютъ.

(*Казакъ поднимается*).

Д. Каз. А у насъ отъ какъ надуваютъ, да бойбóрою потягаютъ! (*Бьетъ жида*).

Жидъ. Ну, ну, бей! ну, буде!

ДѢЙСТВІЕ IV.

(**Лыцарь** *и* **Дѣвушка**).

Лыцарь (*обнимаетъ дѣвушку*).

Ужъ ты, дѣвица моя прелестна,
Лицомъ бѣла, хараша!
Только жизнь моя нещасна,
Што влюбился я въ тебя.

Дѣвица. Охъ ты, лыцарь молодой,
Неженатый, холостой!
Не люблю я тыбе,
Не пойду за тыбе.

Лыцарь (*отталкиваетъ ее*).

Среди войны, войны кровавой
Истреблю тебя, любовь,
И разарву твое сыровое племеня
За невѣрную любовь.
Охъ, Богъ!
Прымы мой вздохъ,
Отдай туда,
Хто приметъ безъ труда,
Понесы тому,
Хто мылостывъ сердцу моему.
Щасливъ я былъ,
Какъ васъ любилъ;
Отъ васъ отставъ,
Нещастнымъ ставъ,
Куда бѣжать,
Тоску-скуку дивать?
Пойду съ гóра въ чистóе поле.

(*Стрѣляетъ изъ револьвера въ дѣвушку, та падаетъ. Занавѣсъ опускается*)

(*За ширмой поютъ*:)

Померла наша надежда
И скончалася любовь,
Ручки къ серцю изложыла,
Вся покрыта полотномъ.
Громко пѣвчая запѣла;
На кладбище понеслы;
На кладбище проносылы,
Зазвонылы въ клокола;
Въ гробъ-могылу й-опущалы,
Застогнала вся земля;
Вся силена (вселеная) исказала,
Что погыбшая душа.—
Подойды, милой, поближе,
Близъ могылы икъ моей,
Уроны, мылый, слёзою
Въ конци гробу моего;
Попросы, мылой, у Бога,
Чтобы душу возратить.
Возвратить души не можна,—
Знать, на вѣки въ земли спать,
Дружка себи ожыдать.—

Хороша была да красива и наче граблямы вся морда поцарапана. А что зла была покійныця—безъ миры! Туда ій дорога!

ДѢЙСТВІЕ V.

(Цыганъ *и* Цыганка).

Цыганъ. Люды добры, люды мылы. Не бачылы, не выдалы, не йихалы цыгане: кобыла биленька, на ногу кривенька, а ззади седила цыганочка молоденька? Нема еи тутъ, або тутъ?

(*Является цыганка*).

Цыганка. Ты чого тутъ исъ фандою [1]) распоряжаесся?

Цыганъ. Де ты, сучья дочка, де ты скрывалася?

([1] Плеть.

Цыганка. Ходыла на трейте село сыровцю добываты.

Цыганъ. Сучья дочко, не лѣныся, попросы хорошенько, да поклоныся нызенько: паны любы, паны мылы што-ныбудь на ручку скинуть.

Цыганка (*къ публикѣ*). Люде добры, выручить мене отъ этои фанды, на ручку бросьте.

(*Ходитъ съ тарелкой и проситъ у зрителей вознагражденія, а Цыганъ по временамъ подгоняетъ ее плетью*).

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Страсть римлянъ ко всякаго рода зрѣлищамъ, которыя для нихъ были такъ же необходимы, какъ и насущный хлѣбъ (вспомнимъ обычный крикъ народа panem et circenses!), не прекратилась и послѣ распространенія тамъ христіанства. Толпы гистріоновъ по прежнему находили себѣ вездѣ радушный пріемъ. Несмотря на суровыя мѣры, которыя принимало духовенство противъ мимовъ, этихъ веселыхъ, разгульныхъ любимцевъ народа, и противъ ихъ часто весьма циническихъ выходокъ,—скоморошество не легко было сломить. Видя безуспѣшность всѣхъ своихъ мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію въ народѣ страсти къ зрѣлищамъ, духовенство рѣшило наконецъ само удовлетворять эту страсть, давая, по крайней мѣрѣ, иной матеріалъ для зрѣлищъ, оно рѣшило замѣнить представленія скомороховъ, выходившія часто за предѣлы приличія до крайняго цинизма, другими зрѣлищами изъ событій Священной исторіи. Такое стремленіе духовенства —съ одной стороны, уничтожить безнравственныя зрѣлища, а съ другой—объяснять простому народу истины новой вѣры и нѣважйшія событія Священной исторіи посредствомъ наглядныхъ представленій—это стремленіе и было причиной возникновенія духовной драмы, мистеріи.

Почтеніе къ тѣмъ святымъ, которые должны были выступать въ мистеріи, не позволяло сперва изображать ихъ живымъ актерамъ. Святые изображались особыми куклами, такъ наз. маріонетками [1]), которыя посредствомъ простого механизма могли производить незна-

---

[1]) Первоначально—куклы, изображавшія Дѣву Марію, вслѣдствіе чего и названіе свое получили.

чительныя движенія. Все „дѣйствіе“ на первыхъ порахъ ограничивалось лишь чтеніемъ духовною особой подходящаго мѣста изъ евангелія. Но помимо маріонетокъ, въ мистеріяхъ скоро стали принимать участіе и живыя личности въ роляхъ слугъ, воиновъ и др. второстепенныхъ лицъ. Такъ какъ въ Св. писаніи рѣдко влагаются рѣчи въ уста подобныхъ лицъ, то актеры, чтобы не оставаться на сценѣ нѣмыми личностями, сами начинають уже отъ себя вставлять рѣчи, соотвѣтствующія тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ изображаемаго событія. Представленія сперва происходили въ храмѣ. Уваженіе къ священному мѣсту и къ самому дѣйствію, бравшему сюжетъ, какъ уже сказано, изъ Св. исторіи, не позволяло этимъ актерамъ произносить какія-либо комическія или грубыя рѣчи.

Правда, духовная драма не могла еще уничтожить скоморошества; тѣмъ не менѣе, она также пришлась по вкусу простому народу, и изъ Рима скоро стала переходить въ другія страны. Распространяясь все болѣе и болѣе, этотъ обычай—объяснять таинства вѣры посредствомъ различныхъ символическихъ обрядовъ—къ XV-му вѣку сдѣлался повсемѣстнымъ во всей Западной Европѣ. Къ этому времени мистерія уже потеряла свой первоначальный видъ; маріонетки стали замѣняться живыми актерами; рѣчи, которыя первоначально читались духовной особою по евангелію, теперь произносятся самими актерами, позволяющими себѣ уже дѣлать коекакія добавленія въ рѣчахъ, хотя и въ религіозно-нравственномъ духѣ; не остались безъ измѣненія и второстепенныя роли; актерамъ, бравшимъ на себя эти роли, еще раньше была предоставлена нѣкоторая свобода при составленіи своихъ рѣчей. Эта возможность самостоятельнаго творчества нѣсколько оживляетъ дѣйствіе; прежніе краткіе вопросы и отвѣты воиновъ и слугъ замѣняются другими, отличающимися большею жизненностью; въ нихъ попадаются уже остроты; сами актеры позволяютъ себѣ комическія выходки. Духовенство сквозь пальцы смотрѣло на такую вольность второстепенныхъ актеровъ и даже поощряло ее, такъ какъ видѣло, что, съ одной стороны, насмѣшки надъ Іудой и другими темными лицами мистеріи удовлетворяютъ нравственному чувству зрителей, а съ другой, комическій элементъ позволяетъ нѣсколько отдохнуть чувствамъ, взволнованнымъ представленіемъ страстей Господнихъ и прочихъ потрясающихъ сценъ. Комическая сторона мистерій, поми-

мо нѣкоторой вольности рѣчей, проявлялась также въ изображеніи разныхъ тѣлесныхъ недостатковъ. Въ этомъ комическомъ элементѣ народъ увидѣлъ нѣчто уже знакомое, напоминавшее ему комическіе выходки гистріоновъ, и эта сторона мистерій сразу привлекла къ себѣ вниманіе массы. Веселый смѣхъ и одобрительные возгласы зрителей, не умѣвшихъ по своему южному живому темпераменту скрывать чувства, поощряли актеровъ въ импровизаціи комическихъ рѣчей и остротъ, не имѣвшихъ часто прямого отношенія къ представляемому событію и намекавшихъ скорѣе на разныя современныя событія. Наконецъ, комическая сторона развилась до того, что духовенство увидѣло въ ней профанацію святыни и почло неприличнымъ дальнѣйшее представленіе духовныхъ драмъ въ церквахъ. Мистерія была перенесена изъ церкви на церковный дворъ и кладбище, а потомъ, когда она стала терять свой религіозный характеръ, подверглась запрещенію и совсѣмъ была изгнана изъ церковной ограды.

Однако, мистерія успѣла уже сильно привиться въ народѣ; духовенство могло запретить представленіе ея въ извѣстномъ мѣстѣ, но совершенно уничтожить ее было уже невозможно. Гонимая духовенствомъ, духовная драма выходитъ изъ церковной ограды и мѣстомъ своего представленія избираетъ площади и наиболѣе многолюдныя улицы [1]).

Эта перемѣна мѣста значительно содѣйствовала освобожденію мистеріи отъ условныхъ клерикальныхъ требованій, что, въ свою очередь, весьма сильно повліяло на измѣненіе формы прежней духовной драмы. Что считалось прежде невозможнымъ въ церковныхъ стѣнахъ, то на улицахъ, среди праздной толпы зѣвакъ пріобрѣтаетъ право гражданства. Служа теперь скорѣе къ развлеченію этой толпы, чѣмъ первоначальнымъ цѣлямъ духовенства, драма обращаетъ главное вниманіе на развитіе комическаго эле-

---

[1]) Впослѣдствіи іезуиты въ виду своихъ цѣлей нашли необходимымъ ввести представленіе духовныхъ драмъ въ своихъ школахъ. Наша Кіевская духовная академія переняла при посредствѣ Польши этотъ обычай. Митр. Евгеній пишетъ: „Въ майскія рекреаціи всѣ ученики и учителя и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку... Тамъ всѣ забавлялись и студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учители діалоги“ (см. „Описаніе Кіево-Соф. собора“ прибавл. 223).

мента, больше интересовавшаго зрителей своею жизненностью, чѣмъ другая религіозная сторона мистеріи. Этотъ комическій элементъ развился наконецъ до того, что составители новыхъ драмъ считаютъ возможнымъ и даже необходимымъ выдѣлить его въ особыя комическія сцены, игравшіяся между актами серьезной духовной драмы. Эти комедіи стали называться „интермедіями", „интерлюдіями", а у насъ на Руси—и „между вброшенными забавными игралищами". *) Первоначально замѣчалась связь между содержаніемъ интерлюдій и содержаніемъ тѣхъ актовъ драмы, за которыми онѣ помѣщались; но потомъ связь эта мало-помалу теряется и для публики и для самихъ актеровъ; интермедіи являются чѣмъ-то самостоятельнымъ, нисколько независимымъ отъ драмы; поэтому онѣ свободно переставляются одна на мѣсто другой, изъ перваго антракта въ послѣдній и т. д. Наконецъ, интерлюдіи совершенно выдѣляются и играются уже не между актами мистеріи, а по окончаніи представленія духовной драмы одна за другой.

Сюжетъ мистерій и послѣ образованія интерлюдій брался попрежнему изъ Св. писанія; оттуда же брались въ большинствѣ случаевъ и рѣчи для дѣйствующихъ лицъ. По выдѣленіи изъ драмы комическаго элемента, самостоятельное творчество автора уже не можетъ имѣть въ ней мѣста. Поэтому и духовныя драмы, развивающія одни и тѣ же сюжеты, представляютъ собою каждая не нѣчто самостоятельное, а просто болѣе или менѣе подробные варіанты одной и той же мистеріи. Условныя границы драмы не позволяли ей развиваться; она осуждена была на застой. Но такъ какъ интересъ зрителей обращенъ былъ, главнымъ образомъ, на комическія интермедіи, игравшіяся послѣ драмы, то актеры старались сократить по возможности представленіе мистеріи, сокращая рѣчи дѣйствующихъ лицъ, а иногда и выбрасывая цѣлые акты. Такимъ образомъ, въ духовныхъ драмахъ замѣчается уже регрессивный, такъ сказать, ростъ: въ то время какъ комическая сторона драмы съ теченіемъ времени развивается и получаетъ наконецъ право на самостоятельное существованіе,

---

*) Одна изъ интермедій, находящихся въ рукописи Имп. Публ. Библ., указанной Пекарскимъ, называется: „Интерлюдія или между вброшенная забавная игралища".

духовная, религіозная сторона все болѣе и болѣе уменьшается въ своемъ объемѣ; постепенно выпадаютъ въ ней дѣйствующія лица, явленія и цѣлые акты; наконецъ, она сводится къ minimum' у: въ „Живомъ Вертепѣ" остался всего одинъ актъ (избіеніе младенцевъ и смерть Ирода) изъ прежней длинной драмы Рождества Спасителя.

Совершенно въ иномъ положеніи находились интермедіи, на сторонѣ которыхъ было полное сочувствіе зрителей. Фантазія и юморъ автора, создававшаго интерлюдіи не были стѣснены традиціями и условными границами, которыхъ онъ не смѣлъ переступить, какъ это было въ духовной драмѣ. Эта свобода позволяла интермедіямъ развиваться и въ количественномъ отношеніи— со стороны содержанія.

Мистеріи предназначались преимущественно для простого народа; понятно по этому, что сюжетъ для интерлюдій брался изъ простонародной жизни, какъ болѣе понятной и интересной для зрителей. Въ интерлюдіяхъ выводились типы, съ которыми народу приходится чаще всего сталкиваться. Актеры въ игрѣ своей старались подражать наружности, манерамъ и языку выводимаго на сцену типа. Такимъ образомъ, интерлюдіи отличаются отъ собственно духовной драмы, во 1-хъ, своимъ комическимъ элементомъ, и, во 2-хъ, изобиліемъ жизненныхъ бытовыхъ чертъ.

Что касается комическаго элемента интерлюдій, то онъ, въ большинствѣ случаевъ, стоитъ въ нихъ не на особенно высокой ступени: герои тузятъ другъ друга, спотыкаются, падаютъ, острятъ довольно грубо и часто очень недвусмысленно. Для изслѣдователя эта сторона интермедій представляетъ не столько интереса сколько другая—бытовая.

Драма вообще болѣе чѣмъ другіе виды поэзіи—эпосъ и лирика, способна передавать жизнь, такъ какъ, помимо рѣчей, въ ней еще является и дѣйствіе. Интерлюдіи „всегда писались на народномъ языкѣ, часто съ соблюденіемъ провинціальныхъ говоровъ, и часто представляли вѣрныя картины обыденной жизни народа". *) Поэтому онѣ представляютъ собою весьма важный матеріалъ для всякаго, кто бы желалъ познакомиться съ жизнью на-

*) Н. Тихонравовъ: „Трагикомедія" Ѳ. Прокоповича: „Владиміръ". Ж. М. Н. Пр. 1879 г. май.

рода и его взглядами на міръ другого общества, съ которыми ему приходится такъ или иначе сталкиваться.

Раньше мы сказали, что собственно духовная драма была подчинена извѣстнымъ границамъ и традиціямъ. Нельзя сказать, чтобы и интерлюдіи были совершенно свободны отъ всякой традиціи: традиціонными въ нихъ являются повторяющіеся излюбленные народомъ типы. Такими постоянными типами интермедій являются—у итальянцевъ панталонъ, типъ простоватаго, добродушнаго отца, бригелла—слуга плутъ, арлекинъ—слуга простакъ; любимымъ типомъ французскихъ интерлюдій является Jean Farine, нѣмецкихъ—Hanswurst; у поляковъ на сценѣ фигурируютъ церковный сторожъ (клеха), заступившій мѣсто итальянскаго арлекина, забіяка солдатъ, трусъ еврей, обирающій простой народъ; въ малорусскомъ вертепѣ въ большинствѣ случаевъ выводится хвастунъ полякъ, трусливый жидъ, цыганъ—лошадиный барышникъ, иногда и простой мужикъ,—вообще лица, съ которыми всего чаще приходится малороссу сталкиваться; но особенной любовью малорусскихъ интермедій пользуется запорожецъ, совершающій на сценѣ разные подвиги: онъ вполнѣ безнаказанно бьетъ жидовъ, не даетъ спуска и самому чорту, издѣвается надъ хвастливыми поляками, ретирующимися со сцены при однихъ звукахъ его голоса. Такимъ образомъ, и интерлюдіи не лишены своего рода традиціи. Но эта традиція ничуть не мѣшала имъ развиваться. Возьмемъ для примѣра малорусскій вертепъ. Хотя въ малорусскихъ интермедіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, выводятся одни и тѣ же дѣйствующія лица, тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени, когда измѣнялись отношенія извѣстной націи или сословія къ мужику-малороссу, измѣнялся сообразно съ этимъ и характеръ выводимаго на сцену типа; съ теченіемъ же времени та или другая нація переставала играть роль въ исторіи Малороссіи; тогда и ея представитель мало-по-малу изглаживался въ памяти народа и сходилъ со сцены, какъ типъ уже отжившій, не понятный зрителямъ; наконецъ, малороссу приходится сталкиваться въ своей жизни и съ новыми націями, къ которымъ онъ прежде не имѣлъ никакого отношенія, и вотъ на сценѣ появляются новые типы. Итакъ, мы видимъ, что интерлюдіи, имѣя дѣло съ жизнью народа, этимъ самымъ освобождены отъ того застоя, на который осуждена собственно духовная драма: отжившее, не представляющее болѣе интереса народу, схо-

дить со сцены; новое, интересующее зрителей, получаетъ право гражданства; наконецъ, старые удержавшіеся на сценѣ типы могутъ измѣнять съ теченіемъ времени свои черты.

Разсматривая выводимые въ интерлюдіяхъ малорусскихъ вертеповъ типы, ихъ характеры и взаимныя отношенія, мы вмѣстѣ сътѣмъ будемъ знакомиться со взглядами нашего народа на характеръ той или другой націи и съ взаимными отношеніями представителей этой націи и малоросса. Съ этой именно стороны мы и намѣрены прослѣдить типы, выводимые въ „Живомъ Вертепѣ“.

Текстъ „Ж. Вертепа“ записанъ, какъ выше указано, въ г. Нѣжинѣ со словъ одного николаевскаго солдата Александра Збронскаго (родомъ изъ с. Тульчина, Каменецъ-Подольской губ., Брацлавскаго у.), который при представленіи Ж. Вертепа игралъ роль Спекулятора, но вслѣдствіе частыхъ представленій заучилъ и остальныя роли. Збронскій, прослуживъ долгое время у разныхъ господъ и въ казенномъ заведеніи, считаетъ своею обязанностью говорить „по-господски“, вслѣдствіе чего у него получается смѣсь малорусскихъ словъ и формъ съ великорусскими. Текстъ „Ж. Вертепа“ записанъ отъ него буквально, безъ всякихъ поправокъ или измѣненій. По словамъ Збронскаго, „Ж. Вертепъ“ былъ составленъ солдатомъ Котляревскимъ, теперь уже умершимъ (родомъ изъ м. Носо́вки Нѣжинскаго у.). Этотъ Котляревскій бралъ на себя обыкновенно роли Ирода и Мужика; онъ же былъ и сценаріусомъ и гримировщикомъ, завѣдывалъ бутафорскими принадлежностями. Представленія происходили на Рождественскихъ святкахъ. Солдаты брали у своего начальства разрѣшеніе и отправлялись съ кулисами (ширмами) и прочими театральными принадлежностями по домамъ жителей города. Солдатъ, игравшій роль Донского Казака, входилъ въ домъ и, показавъ разрѣшеніе, спрашивалъ, желаютъ ли хозяева видѣть ихъ игру. Получивъ согласіе, солдаты-актеры сперва пѣли въ комнатѣ „Рождество твое“ и „Дѣва днесь“, затѣмъ разставлялись ширмы, переодѣвались—и представленіе начиналось.

Сравнивая „Ж. Вертепъ“ съ другими вертепными представленіями, записанными, напр., Маркевичемъ [1]), Галаганомъ [2]) и Ча-

---

[1]) въ его „Обычаяхъ, повѣрьяхъ... малороссовъ“.

[2]) „Кіевская Старина“, октябрь, 1882 г.

лымъ [1]), мы видимъ, что Котляревскій, если только дѣйствительно онъ былъ составителемъ „Ж. Вертепа", знакомъ былъ съ существовавшими раньше подобными вертепами; какъ сюжетъ, такъ и нѣкоторые типы почти буквально сходны съ содержаніемъ и типами указанныхъ вертеповъ. Тѣмъ не менѣе, на нѣкоторыхъ типахъ „Ж. Вертепа" видна рука уже позднѣйшаго автора, быть можетъ, самого же Котляревскаго.

Въ 1-ой части „Ж. Вертепа", собственно мистеріи, мы не находимъ ничего особенно важнаго, новаго; сюжетъ ея,—избіеніе Иродомъ младенцевъ и смерть его самого,—изображается почти въ такихъ же чертахъ, какъ и сюжеты другихъ сохранившихся мистерій, представляющихъ Рождество Спасителя и обстоятельства, сопровождавшія его. У Маркевича, напр., мы находимъ почти тѣхъ же дѣйствующихъ лицъ: Ирода, одѣтаго въ красный кунтушъ (въ „Ж. В." въ мантію), съ короной на головѣ и скипетромъ въ рукахъ, повелѣвающаго совершить избіеніе младенцевъ; Рахиль, ребенка которой убиваетъ воинъ; Смерть съ косою въ рукахъ и т. д.

Большей самостоятельностью, независимостью отъ прежнихъ, извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, образцовъ можетъ похвалиться вторая часть „Ж.Вертепа". Сравнивая ее съ другими интермедіями, мы, съ одной стороны, не находимъ въ ней типовъ, раньше выводившихся на сцену, за то съ другой—появляются новые типы; наконецъ, нѣкоторые типы, попадавшіеся въ прежнихъ интермедіяхъ, въ „Ж. Вертепѣ" подъ вліяніемъ времени измѣняютъ нѣсколько свой характеръ.

Къ исчезнувшимъ типамъ принадлежитъ, прежде всего, Запорожецъ. Память о славномъ Запорожьи и его разгульныхъ дѣтяхъ мало-по-малу исчезаетъ въ нашемъ народѣ. Знаменательными въ этомъ отношеніи являются слова кобзаря Ивана Крюковскаго: теперь „люде старихъ пісень и не слухають. Що прежде старики колись звали співать імъ, а теперъ молоді все позабували; ему співай про старовину, а вінъ не знае, що воно такъ и е". [2]) Дѣйствительно, память о прежнихъ народныхъ герояхъ и ихъ дѣяніяхъ ослабѣваетъ уже среди простыхъ малороссовъ; ослабѣваетъ поэтому и интересъ къ этимъ героямъ; этимъ отчасти

---

[1]) „Воспоминанія М. К. Чалаго." „Кіевская Старина" 1889 г., январь.

[2]) „Кіев. Стар." 1882 г., дек. 485.

можно объяснить фактъ постепеннаго вымиранія кобзарей—пѣвцовъ забываемой, мало уже извѣстной народу старины. Исчезаетъ память не только объ отдѣльныхъ герояхъ, но даже о цѣломъ Запорожьи, этомъ мѣстѣ спасенія малороссовъ отъ всевозможныхъ бѣдъ. Правда, имя запорожца еще сохранилось въ устахъ народа, но уже не съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ оно связывается въ головѣ человѣка, слыхавшаго про нашихъ сѣчевиковъ; на малорусскихъ свадьбахъ, во время раздачи коровая, часть его отдается „запорожцямъ“, т. е. лицамъ, находящимся не въ хатѣ, а въ сѣняхъ и во дворѣ, вообще — „за порогомъ“ хаты.—Понятно поэтому, что Запорожецъ, выведенный въ „Ж. Вертепѣ“, явился бы анахронизмомъ. Тѣмъ не менѣе, отличительныя черты гульливаго рыцаря украинскихъ степей сохранены въ „Живомъ Вертепѣ“, только онѣ перенесены уже на Донского Казака. Подобно Запорожцу прежнихъ интерлюдій, Донской Казакъ—гуляка, не любящій никому ни въ чемъ уступать; онъ не прочь побаловаться съ дѣвушками, хотя и не приходитъ въ отчаяніе подобно Лыцарю (о немъ см. ниже), въ случаѣ неудачи; не тужитъ онъ, попавъ въ бѣду, подсмѣивается надъ собой и другими; Д. Казакъ любитъ свою Украину въ особенности за то, что въ ней не встрѣчаются ни татары, ни ляхи, ни жиды — вѣчные враги малоросса. Эту вражду малоросса къ полякамъ, татарамъ и евреямъ находимъ мы и въ другихъ интермедіяхъ. Такъ, въ одномъ драматическомъ произведеніи [1]), довольно вѣрно рисующемъ отношенія Малороссіи къ Польшѣ, говорится, между прочимъ:

---

[1]) Составлено оно, по мнѣнію Н. Петрова („Кіевск. Иск. Литер. XVIII в.“ Тр. К. Д. Ак, 1879 г. окт.), Ѳеофаномъ Трофимовичемъ; по мнѣнію другихъ (Максимовича)—Ѳеофаномъ Прокоповичемъ (см. „Малороссія въ исторіи ея литературы“ Ив. Прыжова). Полное заглавіе этого произведенія такое: „Милость Божія Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмѣльницкаго преславнаго войскъ Запорожскихъ гетмана свободившая и дарованными ему надъ ляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную толикихъ его щедротъ память репрезентованная въ училищахъ кіевскихъ въ 1728 году.“ Максимовичъ полагалъ, что эта драма написана была во время пребыванія въ Москвѣ малор. гетмана Даніила Апостола (Чтен. 1859. I,77), Издана Бодянскимъ въ „Чт. Имп.Общ. Ист. и Др.“ 1858, Антоновичемъ и Драгомановымъ при II. т. „Ист. пѣс. мал. нар.“ и въ I т. собранія сочиненій М.А. Максимовича; выдержки помѣщены въ указанной статьѣ Петрова.

Чого намъ не дѣлаютъ ляхи и зъ жидами!
Честь и славу въ нивочто нашу обращаютъ,
Козацкое потребить имя помышляютъ".

Казаки за всѣ свои услуги полякамъ отъ нихъ
Терпѣли толикіе, толь тяжкіе бѣды:
Грабленія, насильства, утиски, досады,
Узы и прочая..."

Поляки больше другихъ враговъ принесли зла казакамъ. Одни только жиды могутъ сравняться въ этомъ отношеніи съ поляками. Въ „Истор. пѣсняхъ малор. народа" (т.II, стр. 25-26).читаемъ:

...Стали жиды великій одкуп давати—
Стали один од одного на милю оранди становити...
Як іде украінській козакъ, то й корчму минае,
А жид вибігае, та украінського козака за чуб хватае,
Та ще его двома кулаками по потилиці затинае...
Коло украінського козака всю зброю одбирае...

Рельефно рисуетъ звѣрскія отношенія поляковъ къ малороссамъ и другой писатель первой половины XVIII в. Митрофанъ Довгалевскій въ интерлюдіяхъ къ своимъ мистеріямъ. „Здѣсь безчеловѣчныя отношенія поляковъ къ бѣлорусскимъ и украинскимъ „хлопамъ" представлены такъ ярко, что не смотря, на комическій характеръ интерлюдій, онѣ скорѣе производятъ трагическое впечатлѣніе и возмущаютъ читателя до глубины души. Такова особенно пятая пасхальная интерлюдія, представляющая слѣдующую сцену: ляхъ вывозитъ мужика въ клѣткѣ на торгъ и запродаетъ жиду за 100 злотыхъ!" [1]) Подобныя жестокости поляковъ возбудили вполнѣ справедливую ненависть въ нашемъ народѣ, память о которой только теперь начинаетъ исчезать. Но жива еще ненависть малоросса къ жидамъ, такъ какъ и теперь еще иногда—

„Жидамъ кланяются и шапку въ рукахъ носятъ
Передъ ними, и ихъ якъ пановъ якихъ просятъ.[2])

Наравнѣ съ жидами и поляками казакамъ приходилось бороться и съ татарами; и хотя эта борьба со степными хищниками

[1]) Петровъ: „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи..." Тр. К. Дух. Ак. 1866 г. ноябрь.

[2]) „Милость Божія" и пр.

давно прекратилась, однако, память объ ихъ набѣгахъ сохранилась еще отчасти среди малороссовъ наряду съ памятью объ еврейскихъ грабежахъ и насиліяхъ поляковъ. И вотъ отзвуки этой памяти мы и находимъ въ словахъ Д. Казака:

Да немае лучче,
Да немае краще,
О якъ у насъ на Вкраини,
что не повыдышъ ни жыда, ни ляха ни того... татарына."

Близкій варіантъ этой пѣсни мы находимъ въ вертепахъ Маркевича и Галагана. Но она имѣетъ совершенно иное значеніе въ устахъ Запорожца и въ устахъ Д. Казака. Въ вертепѣ Галагана эта пѣсня Запорожца раздается сейчасъ же захвастливыми словами поляка, который, заслышавъ ее, убѣгаетъ; здѣсь она является какъ бы отрицательнымъ отвѣтомъ на угрозу поляка, что онъ

„Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!"

При другихъ обстоятельствахъ поется она въ „Живомъ Вертепѣ" и оттого получаетъ совершенно иное значеніе: не успѣваетъ Д. Казакъ произнести послѣднихъ словъ пѣсни, какъ на сценѣ появляется жидъ, который какъ своимъ появленіемъ, такъ и дальнѣйшей продѣлкой съ пьянымъ казакомъ какъ-бы наглядно доказываетъ, что этотъ взглядъ на окончательное освобожденіе Малороссіи отъ ея враговъ пока еще не болѣе, какъ не соотвѣтствующая дѣйствительности утопія. Правда, въ „Ж. Вертепѣ" не выводится ни полякъ, ни татаринъ, — ихъ роль по отношенію къ Украйнѣ отошла уже въ вѣчность; народъ можетъ вспоминать о нихъ въ пѣсняхъ, преданіяхъ, но не станетъ выводить въ драмѣ, которая имѣетъ дѣло непосредственно съ текущей жизнью; но зато авторъ (который, замѣтимъ, въ этомъ мѣстѣ высказалъ замѣчательное сценическое чутье) очень кстати вывелъ на сцену еврея, который далеко еще не потерялъ и теперь своего значенія въ Малороссіи и который поэтому теперь еще пользуется народною нелюбовью, проявившейся хотя-бы въ послѣднемъ „жидотрепаніи". Конечно, евреи теперь не имѣютъ той силы, какою пользовались они при полякахъ; они теперь не могутъ открыто издѣваться надъ мужикомъ и обирать его; сцены, гдѣ жидъ покупаетъ мужиковъ и вяжетъ имъ руки и ноги (см. интерлюдіи М. Довгалевскаго), для нашего времени были бы анахронизмомъ; поэтому

жидъ, выводимый въ „Ж. Вертепѣ“, уже не имѣетъ тѣхъ чертъ самонадѣянности, какія мы видимъ въ прежнихъ интерлюдіяхъ; не видя себѣ посторонней поддержки, онъ лично нападаетъ на врага только безпомощнаго, опоеннаго водкой; прежнее нахальство его значительно поубавилось; сравнительно поубавилась вслѣдствіе этого и ненависть къ нему малоросса: въ вертепахъ Галагана и Чалаго Запорожецъ убиваетъ Жида, между тѣмъ какъ въ „Ж. Вертепѣ“ Д. Казакъ только наноситъ ему удары: народъ уже не требуетъ кровавой мести; да и самые удары, которыми награждаетъ Казакъ пойманнаго на мѣстѣ преступленія Жида, скорѣе, чѣмъ дѣйствительное наказаніе, представляютъ собою насмѣшку надъ храбрымъ потомствомъ Израиля, насмѣшку, которая часто проявляется у простого народа въ обращеніи съ евреями.

Въ Жидѣ „Ж. Вертепа“ сохранена характерная черта евреевъ вообще—страсть къ наживѣ безъ разбора средствъ; пользуясь мнимымъ опьяненіемъ Казака, онъ хочетъ обобрать его. Намъ кажется, что эта сцена отзывается гораздо болѣе жизненною правдою, чѣмъ подобная же сцена въ вертепѣ Галагана, гдѣ еврей не обираетъ, а душитъ колѣнками охмѣлѣвшаго Запорожца.

Въ вертепѣ Галагана выводится между прочимъ уніатскій попъ. Въ прошломъ столѣтіи этотъ типъ былъ понятенъ народу; но въ „Живомъ Вертепѣ“ уніатскій попъ, какъ непонятный и неинтересный для зрителей, уже не появляется.

Непоявляется, повидимому, въ „Ж.Вертепѣ“ и типъ поляка, такъ какъ поляки не имѣютъ теперь большого значенія особенно для восточной, лѣвобережной половины Украины. Но намъ кажется, что Наполеонъ, являющійся въ 2-мъ дѣйствіи, отчасти замѣнилъ собою поляка прежнихъ интерлюдій. Въ самомъ дѣлѣ, отличительная черта Наполеона „Ж. Вертепа“—хвастливость; эта же черта считается и особенностью поляковъ.

—„Цо ты, не эдукова́на кобито, мувишъ?
Якъ Бога кохамъ,
Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!“—

хвастливо и гордо отвѣчаетъ полякъ своей женѣ на ея предложеніе спрятаться отъ гайдамакъ; но заслышавъ только голосъ Запорожца, онъ быстро удираетъ со сцены [1]). Такою же гордостью и пустою хвастливостью отзываются и слова Наполеона:

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1882 г. окт.

„На престоли сидаю и вси земли забыраю...
А я возьму трость и державу, и почтуть меня королёмъ,
земнымъ богомъ".

Но его похвальба оказывается пустою: этого земного бога оставляетъ въ дуракахъ простой, плюгавый съ виду мужикъ. Самая форма обращенія Наполеона: „муракъ мужыкъ!" напоминаетъ презрительное отношеніе поляка къ „хлопу", который въ его глазахъ не болѣе, какъ пся-кревъ. Такимъ образомъ, Наполеона, какъ кажется, не слѣдуетъ считать вполнѣ новымъ типомъ; это, вѣроятно, тотъ же польскій панъ, только принявшій образъ французскаго императора. Впрочемъ, въ начальномъ монологѣ 2-го дѣйствія находимъ намеки и на дѣйствительнаго Наполеона (ироническій намекъ на Москву, помѣщенный вслѣдъ за хвастливыми словами о неограниченномъ могуществѣ императора[1]).

Въ прежнихъ интерлюдіяхъ (напр., у Довгалевскаго), если и выводился на сцену простой народъ, то, въ большинствѣ случаевъ, въ роли обижаемаго [2]). Въ вертепѣ Галагана Климъ, представитель простого народа, уже грозитъ цыґану и дурачитъ „кондяка" (дьяка), отдавъ ему вмѣсто денегъ за правоученье сына свинью, у которой „ребра такъ и свитятся".

„Отъ бачъ, жінко, що я можу! —

хвастаетъ послѣ этого Климъ:

Свиняка-бъ и дома пропала,
А дяку платить за сина пора настала,
Теперь же ми зъ нимъ рощитались
И цілі гроші въ насъ остались". [3])

Но „нельзя не замѣтить, — совершенно вѣрно пишетъ г. Галаганъ, — что какъ въ первой сценѣ свѣтской части вертепнаго представленія, такъ и въ сценѣ Клима съ его бѣднымъ хозяйствомъ, простолюдинъ изображенъ скорѣе съ оттѣнкомъ комическимъ, чѣмъ юмористическимъ: это, вѣроятно, произошло отъ того, что составители вертепнаго представленія того времени чувствовли себя по развитію своему неизмѣримо выше

[1]) Непонятно только, зачѣмъ здѣсь рядомъ съ Москвою упоминается Полтава; не смѣшивается ли съ Наполеономъ Карлъ XII, для котораго Полтава была такимъ же роковымъ мѣстомъ, какимъ для Наполеона Москва?

[2]) Такъ, панъ колотитъ литвина; полякъ продаетъ жиду мужиковъ; мужика обманываютъ московскіе ярыги.

[3]) „Кіев. Стар." 1882 г. окт.

посполитаго мужика, на котораго смотрѣли скорѣе съ чувствомъ снисхожденія, чѣмъ съ какимъ либо другимъ чувствомъ". Нельзя сказать, чтобы одно только чувство снисхожденія руководило авторомъ „Ж. Вертепа," когда онъ выводилъ своего мужика. Правда, и этотъ мужикъ съ виду неказистъ; но его внѣшняя неказистость имѣетъ свое значеніе: она еще въ болѣе яркихъ чертахъ представляетъ, въ какихъ дуракахъ остался „панъ". Мужикъ уже не выводится вѣчнымъ „попихачемъ жидівськимъ"; прикинувшись дуракомъ, онъ довольно дерзко говоритъ съ паномъ, называетъ его своей свиньей, суетъ Наполеону подъ самый носъ палку и уходитъ, потѣшившись вдоволь надъ прежнимъ своимъ „земнымъ богомъ". Мужикъ здѣсь является какъ бы мстителемъ, незлобнымъ, правда, за свое прежнее униженіе.

Въ типѣ Цыгана и Цыганки отмѣчена, главнымъ образомъ, одна характерная черта цыганъ—ихъ попрошайничество. Роль цыганки; въ „Ж. Вертепѣ" та же, что и нищаго Савочки въ вертепахъ Галагана и Чалаго: собираніе подаяній.

Совершенно самостоятельнымъ, не имѣющимъ, кажется, ничего аналогичнаго себѣ въ прежнихъ интермедіяхъ, является все 4 дѣйствіе. Лыцарь и Дѣвушка—это дань романтическимъ требованіямъ первой половины XIX в.; самые типы эти составлены, повидимому, подъ сильнымъ вліяніемъ „новѣйшихъ пѣсенниковъ". Любовь въ прежнихъ интермедіяхъ не играла особенно видной роли: если Запорожецъ заигрываетъ иногда съ шинкаркой Фесей (вертепъ Галагана), то онъ скоро и прогоняетъ ее отъ себя; если онъ называетъ ее по временамъ нѣжными именами: „Фесю, сердце, голубко", то немедленно же угощаетъ ее и совершенно обратными эпитетами: „Відчини, капостна халява"... Любовь не имѣетъ здѣсь кровавой развязки.—Въ „Живомъ Вертепѣ" на любви основано все 4 дѣйствіе, оканчивающееся гибелью дѣвушки; любовь здѣсь не является уже забавой отъ скуки: Лыцарь жалуется, что влюбившись онъ сдѣлался навсегда несчастнымъ; только „среди войны кровавой" надѣется онъ освободиться отъ своей безнадежной любви.—Впрочемъ, и зрители и актеры чувствуютъ всю неестественность этого дѣйствія, что видно изъ послѣднихъ юмористическихъ словъ, раздающихся изъ-за ширмъ послѣ похоронной пѣсни.

А Малинка.

Очерки Пошехонья.

I. Семейные нравы и обычаи.

1. Отношеніе къ женщинѣ. Бракъ.

Крестьянская женщина въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ большинствѣ случаевъ почти вполнѣ равноправна мужчинѣ. И не удивительно: въ мѣстномъ хозяйствѣ она бываетъ во многомъ полезнѣе даже мужчины. Обязанности жены по дому, въ которыя мужъ уже не вступается, состоятъ въ обшиваньи семьи, уходѣ за дѣтьми, стряпнѣ, уборкѣ и примывкѣ избы и, наконецъ, обработкѣ льна. Работы по сельскому хозяйству ведутся женою наравнѣ съ мужемъ. Во время ухода мужей на отхожіе промыслы многія женщины исправляютъ всѣ домашнія работы, какъ мужскія, такъ и женскія: ѣздятъ за дровами, за сѣномъ, а нѣкоторыя даже и орютъ пашню. Неудивительно, что женщина, особенно хорошая хозяйка, пользуется глубокимъ уваженіемъ. Жена является, согласно мѣстнымъ обычаямъ, представительницею интересовъ мужа съ правомъ голоса на волостныхъ и сельскихъ сходахъ.

Нарушеніе цѣломудрія замужнею женщиною въ прежнее время встрѣчалось очень рѣдко, и на него смотрѣли, какъ на страшное преступленіе. Въ послѣднее время невѣрность со стороны мужа или жены стала появляться чаще и чаще. Зачастую можно услышать нынѣ въ народѣ поговорки: „не лужа — достанется и мужу“; „не мыло — не смылится“... На нарушеніе цѣломудрія дѣвушкою народъ смотритъ не такъ презрительно, какъ на прелюбодѣяніе; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ нарушеніе цѣломудрія дѣвушкою считается дѣломъ пустяковиннымъ; поговорки: „чего хочется—николи не грѣхъ“, „все равно черваки съѣдятъ“ (т. е. тѣло) и т. п.,—можно слышать нерѣдко изъ устъ народа. Ѳедосѣевцы,

странники и филипповцы вообще не считаютъ плотскаго сожитія съ кѣмъ либо за грѣхъ: они говорятъ, что гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Всѣ эти согласы существуютъ во многихъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда. Нѣкоторые изъ раскольниковъ плотское сожитіе называютъ даже „Христовой любовью".

Заключеніе браковъ и до сихъ поръ сопровождается многими обычаями и обрядами, хотя всѣ эти обычаи и обряды съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаютъ изъ памяти народа [1]): въ настоящее время они выполняются во всей своей цѣлости очень и очень рѣдко. Напротивъ, въ послѣднее время все чаще и чаще стали устраиваться между крестьянами свадьбы безъ всякой помпы—безъ дѣвичника, безъ поѣздовъ, и даже безъ столовъ. Пріѣдетъ женихъ къ священнику, переговоритъ о чемъ нужно, и въ назначенный день пріѣзжаетъ въ церковь только вдвоемъ съ невѣстой, прихвативъ развѣ только дружку или сваху. Съ одной стороны нельзя не порадоваться такому явленію, такъ какъ свадебные расходы, не говоря уже о ихъ непроизводительности, очень часто бываютъ совершенно непосильны для крестьянскаго бюджета.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда (напр. на Уятомѣ), для избѣжанія свадебныхъ расходовъ, давно уже практикуются такъ называемыя свадьбы „самоходки" или „самокрутки". Родители жениха и невѣсты, сдѣлавъ между собою все дѣло секретно, поручаютъ жениху увезти свою нареченную невѣсту и обвѣнчаться съ нею тайкомъ, обставивъ все дѣло такъ, какъ будто свадьба произошла противъ желанія и воли родителей. При такой постановкѣ дѣла, конечно, не можетъ быть и рѣчи о свадебныхъ пирахъ, и въ карманѣ молодыхъ остается нѣсколько десятковъ рублей, не говоря уже о томъ, что они избѣ-

---

[1]) Описаніе крестьянской свадьбы въ Пош. уѣздѣ можно найти въ ст. С. Я. Дерунова „Крестьянская свадьба". Труды Яр. Стат. Ком. V в. 1869 г. Ярославль. Нѣкоторыя данныя объ этомъ предметѣ можно найти въ ст. „Крестьянская свадьба въ Яросл. губ". (Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. № 40 и дальнѣйшіе), статьѣ, составленной па основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ Ростовскомъ у. В. Ивановскимъ, Пошехонскомъ—А. В. Баловымъ, Любимскомъ—Милославовымъ, Ярославскомъ—В. Мухинымъ, С. Борисоглѣбскомъ—С. Соколовымъ и Рыбинскомъ—Георгіевскимъ и Родосскимъ. Статья эта печатаніемъ не окончена, печатаніе ея прекращено въ началѣ ея. Помѣщая описаніе свадьбы въ Пошехонскомъ уѣздѣ, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ южную часть Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

гаютъ долговъ, которые приходится иногда выплачивать по нѣсколько лѣтъ.

Нельзя, конечно, не одобрить появившееся за послѣднее время между крестьянами это стремленіе избѣжать свадебныхъ расходовъ не по средствамъ, но въ то же время нельзя не указать и на другую сторону современной крестьянской свадьбы, гдѣ мы видимъ факты далеко не желательные.

Такъ, напр., со времени введенія всесословной повинности парни въ нашей мѣстности избѣгаютъ жениться ранѣе достиженія 21 года, т. е. до отбыванія воинской повинности, а обыкновенно, отбывъ эту повинность, вступаютъ въ бракъ 26—27, а нерѣдко и 30 лѣтъ Нелишнимъ считаемъ въ данномъ случаѣ подтвердить наши слова для примѣра цифрами относительно возраста бракосочетавшихся въ приходѣ села Борисоглѣбскаго на Согѣ, Трушковской волости. Въ означенномъ приходѣ изъ всѣхъ мужчинъ, сочетавшихся бракомъ, было не старше 21 года: въ 1865 г.—50%, въ 1866 г.—50%, въ 1867 г.—71%, въ 1868 г. —45%, въ 1869 г.—55%, тогда какъ въ 1884 г.—33%, въ 1885 г.—30%, въ 1886 г.—13%, въ 1887 г.—22%, въ 1888 г. —26%. Такое явленіе, конечно, нельзя назвать желательнымъ [1]).

Въ устройствѣ крестьянской свадьбы немаловажное значеніе имѣетъ экономическая сторона. Женихъ, т. е. задумавшій жениться молодецъ, повысмотрѣвъ дѣвицъ и намѣтивъ подходящую для себя невѣсту, обращаетъ свое вниманіе и на ея приданое. Съ другой стороны и родители жениха не выдадутъ дочь свою, не узнавши нисколько жениха и его достатковъ.

Высматриваніе невѣсты служитъ обыкновенно прологомъ къ крестьянской свадьбѣ. Производится оно обыкновенно на хороводныхъ гуляньяхъ, гдѣ они сохранились, а больше на зимнихъ дѣвичьихъ „бесѣдахъ", „своза хъ", или собраніяхъ, на которыхъ

---

[1]) Мы беремъ цифры изъ оффиціальныхъ документовъ (обыскныхъ книгъ) ц. села Борисоглѣбскаго. Подобное же явленіе замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ уѣзда. Желательно бы было имѣть по данному вопросу свѣдѣнія изъ большаго района. Свѣдѣнія о бракосочетавшихся, получаемыя отъ священниковъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть большого значенія, такъ какъ въ карточкахъ, разсылаемыхъ ежегодно комитетомъ, возрастъ брачущихся опредѣляется пятилѣтіями: съ 18—20, 20—25, 25—30 лѣтъ и т. д.

больше гуляетъ задумавшій жениться молодецъ. Замѣтимъ здѣсь, что обычная практика, руководствуясь хозяйственными разсчетами, пріурочила совершеніе свадебъ преимущественно къ зимнему мясоѣду, какъ къ самому свободному для крестьянъ времени. Бываютъ, конечно, свадьбы и въ другое время, но въ какихъ нибудь экстренныхъ случаяхъ и по требованію особыхъ обстоятельствъ.

Пока женихъ разъѣзжаетъ по окрестнымъ деревнямъ, гуляетъ на бесѣдахъ и собраніяхъ, родители и близкіе родственники его, путемъ различныхъ справокъ и развѣдокъ черезъ разныхъ кумушекъ и сватушекъ, стараются разузнать объ окрестныхъ невѣстахъ, о характерѣ ихъ, о достаткахъ и довольствѣ ихъ родителей. Приданое невѣсты въ большинствѣ случаевъ является необходимымъ условіемъ и чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ выше предъявляемыя имъ имущественныя требованія. Въ свою очередь и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со стороны жениха дается „выводъ" отцу и матери невѣсты, какъ вознагражденіе за потерю рабочей силы. Впрочемъ, обычай давать выводъ за послѣднее время все болѣе и болѣе падаетъ. Размѣръ вывода простирается отъ 30 до 100 и болѣе рублей.

Намѣтивши себѣ невѣсту, въ большинствѣ случаевъ изъ дѣвицъ окрестныхъ деревень, женихъ начинаетъ и открытое свадебное дѣло. Начинается оно почти всегда такъ называемыми „смотринами" невѣсты. Въ сопровожденіи родителей и близкихъ родственниковъ женихъ пріѣзжаетъ въ ту деревню, гдѣ живетъ намѣченная имъ невѣста, пріѣзжаетъ обыкновенно къ бесѣдѣ (т. е. къ 6—7 часамъ вечера), куда всѣ тотчасъ и отправляются. Если дѣвушка понравилась родителямъ жениха, то въ этотъ же вечеръ, или самое большее на другой день, къ родителямъ избранницы посылается „сватунья" [1]), которая и объявляетъ имъ, что товаръ любъ купцу. Сватунья, уговорившись съ родителями невѣсты, оповѣщаетъ затѣмъ жениха о днѣ „смотринъ".

На смотрины женихъ пріѣзжаетъ обязательно съ отцомъ и съ матерью. Угощеніе жениху и его роднымъ предлагаетъ невѣста. Во

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать со свахой, оффиціальнымъ лицомъ въ свадебной церемоніи.

время смотринъ показывается жениху и его родителямъ приданое невѣсты, а также рѣшается вопросъ о количествѣ приданаго и о выводѣ, если онъ принятъ въ данной мѣстности. Если та и другая сторона въ означенныхъ вопросахъ сойдутся, то назначается день, когда родители невѣсты должны пріѣхать смотрѣть „домъ жениха“.

Въ назначенный день родители невѣсты пріѣзжаютъ къ жениху и осматриваютъ его достатки, начиная съ дома и кончая ригою и сараями. Всему дѣлается самый тщательный осмотръ. Ни до осмотра, ни во время его пріѣхавшіе отъ родителей жениха никакого угощенія не принимаютъ и даже не садятся (послѣднее соблюдается строго).

Осмотрѣвъ имѣніе жениха, приступаютъ къ окончательнымъ уговорамъ. Если дѣло почему нибудь не сходится, то родители и родственники невѣсты, не принимая угощенія, сейчасъ же уѣзжаютъ домой. Если же дѣло сладится, то сейчасъ же слѣдуетъ „рукобитье и богомолье“, послѣ которыхъ слѣдуетъ угощеніе. Угощеніемъ обыкновенно заканчиваются „смотрины дома“.

Съ этого времени дѣвушка уже получаетъ названіе „сговорёнки“. Подруги невѣсты съ этого дня почти вплоть до самой свадьбы проживаютъ у невѣсты, приготовляя ей приданое. Женихъ почти ежедневно посѣщаетъ невѣсту: такія поѣздки жениха къ невѣстѣ извѣстны подъ названіемъ „поѣздокъ на поцѣлуи.“ Онѣ продолжаются до самаго дѣвичника.

Дѣвичникъ происходитъ обыкновенно въ домѣ невѣсты наканунѣ свадьбы. На дѣвичникѣ присутствуютъ женихъ, родственники жениха и невѣсты, подруги невѣсты и сама невѣста, или сговорёнка. Сговоренка сидитъ обыкновенно за столомъ. Всѣ вновь приходящіе гости усаживаются за столъ или по лавкамъ. Послѣ всѣхъ приходятъ подруги невѣсты; онѣ приносятъ съ собою и ставятъ на столъ передъ невѣстою: „дѣвью крàсоту“, т. е. небольшое деревцо, украшенное разноцвѣтными лентами и бантиками. Невѣста на дѣвичникѣ сидитъ неодѣтая, накинувъ себѣ на плечи какую-нибудь простыню. Возлѣ нея садится и женихъ. Пріѣхавши на дѣвичникъ и здороваясь съ невѣстой, женихъ своею ногою крѣпко давитъ ногу послѣдней. Ни женихъ, ни невѣста въ теченіи дѣвичника не пляшутъ. Когда передъ невѣстою поставятъ „дѣвью крàсоту“, невѣста начинаетъ причитать:

Вы подитё-ко, моѣ голубушки,
Моѣ милые подруженьки,
Вы подитё-ко, да не прогнѣвайтесь
На меня то молодешенкю,
Молодешенькю, да красну дѣвицу,
Што не вышла васъ не встритила[1]), и т. д.

Окончивъ этотъ причётъ, невѣста начинаетъ новые причеты, обращаясь къ своимъ родителямъ, сестрамъ, подругамъ и т. д. Послѣднія обыкновенно отвѣчаютъ ей причетами же на каждый ея причетъ. Всѣ эти причеты заканчиваются обыкновенно слѣдующимъ причетомъ невѣсты:

Вы послушайте, моѣ голубушки,
Моѣ милые подруженьки,
Што о чемъ я васъ просить буду:
Вы не пойте пѣсни жалостны,
Не пугайте ретива сердцá"
и т. д.

Послѣ этого причёта сговорёнки, подруги ея начинаютъ пѣть пѣсни. Изъ пѣсенъ, какія поются на дѣвичникѣ, укажемъ на слѣдующія:

1. Землянишная ягодка,
Она спѣлая, зрѣлая,
Во сырую пору выросла и т. д.
2. По три утра, по четыре
Приходила сваха сводница и т. д.
3. Расшаталася грушица,
Передъ яблонькой стоючи:
Расплакалась дѣвушка и д. т.
4. У броду броду у мелкаго перевозу
и т. д.

Поются также и разныя другія пѣсни.

Пока дѣвушки поютъ пѣсни, на столахъ появляется различное угощеніе, послѣ котораго слѣдуютъ танцы. Въ концѣ дѣвичника дѣвушки подруги невѣсты начинаютъ выхвалять гостей (будущихъ поѣзжанъ) въ особыхъ коротенькихъ пѣсняхъ:

Ужъ какъ кто у насъ на вечерѣ хорошъ?
Какъ хорошъ Александро свѣтъ Васильевичъ:
У него то лицо бѣлое и т. д.

Когда всѣ будущіе поѣзжане будутъ такимъ образомъ расхвалены, сваха или мать невѣсты даритъ гостей платками, за что тѣ благодарятъ, выкладывая по одной или по нѣскольку монетъ на тарелку, на которой подносятся подарки. Въ заключеніе дѣвуш-

---

[1]) Полные тексты относящихся сюда причитаній будутъ помѣщены въ великорусскомъ сборникѣ П. В. Шейна, издаваемомъ Академіей Наукъ. *Ред.*

ки коротенькими пѣснями выпрашиваютъ себѣ у гостей денегъ на гостинцы. Каждый изъ гостей, получившихъ подарки, кладетъ по одной или по нѣскольку монетъ на тарелку, на которой подносились невѣстины подарки.

Когда женихъ и гости уйдутъ съ дѣвичника, подруги невѣсты ведутъ ее въ баню. Придя изъ бани, невѣста обращается съ причётомъ къ отцу, братьямъ и сестрамъ:

Ты послушай, кормилецъ батюшко,
И родимая матушка,
Што я буду говорить вамъ,
Про што да буду спрашивать.
Благодарствуй, родимый батюшка
и т. д.

Утромъ въ день брака подруги невѣсты приходятъ будить сговоренку. Послѣдняя, проснувшись, начинаетъ причитать:

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица,
Приподняться мнѣ съ постелюшки мягкія,
Со столовьюшка со высокаго и т. д.

Какъ только сговоренка окончитъ этотъ причетъ, подруги ея хватаютъ со стола „дѣвью красоту" и выбѣгаютъ изъ комнаты, стараясь произвести при этомъ какъ можно больше шуму.

Вставши съ постели невѣста начинаетъ понемногу приготовляться къ вѣнцу. Одѣваютъ невѣсту братъ ея, сестры и подруги. При одѣваньи невѣсту садятъ или на квашню, или на вывернутую на изнанку шубу. Въ чулки невѣстѣ кладутъ обыкновенно деньги; на одежѣ стараются завязать побольше узловъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣста надѣваетъ на себя кусокъ рыбной сѣти.

Сѣвъ на квашню или на шубу, невѣста обращается прежде всего съ причетомъ къ своему брату:

Ты послушай-ко, соколъ милый братъ,
Ты на что же да умываешься?
Ты на что же да Богу молишься?
Ужъ сама я знаю-вѣдаю,
Што сама да сдогадалася:
Скоры ноженьки у тя подходчивы,
Бѣлы рученьки подъёмчивы
На моѣ да ноги скорыё,
и т. д.

Когда братъ сговоренки надѣнетъ на послѣднюю чулки и башмаки, къ сговоренкѣ подходитъ сестра или близкая ея подруга. Невѣста обращается къ ней съ такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, сестрица милая,
Ты послушай, моя голубушка,
Ужъ сама да сдогадаюся:
У тебя скоры ноженьки подходчивы,

Ты на что же да умываешься,
Ты на что же да Богу молишься?
Я сама да знаю-вѣдаю,
У тебя бѣлы рученьки подъёмчивы
На мою да косу русую
и т. д.

Когда сговоренка окончитъ причетъ, сестра ея или ближайшая къ ней ея подруга расплетаетъ ей косу. Ленту изъ косы она беретъ себѣ. Коса остается расплетенною до тѣхъ поръ, пока невѣста не пріѣдетъ домой изъ-подъ вѣнца. Расплетши косу, сестра сговоренки обращается къ послѣдней съ слѣдующимъ причетомъ:

Расплела я русу косыньку,
Выплела, моя голубушка,
Што твою ли ленту алую,
Што твою ли дѣвью красоту,
Не нашла, моя голубушка,
Не нашла въ твоей косѣ
Двухъ ножичковъ булатныихъ,
Двухъ пилочекъ зубатыихъ,
Не обрѣзала я рукъ бѣлыихъ,
Не замарала платья цвѣтнаго.

Невѣста въ свою очередь отвѣчаетъ ей такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, мила сестра,
Я объ чемъ да просить буду,
Во слезахъ да слово вымолвлю:
Ты послушайся, моя голубушка,
Моего наказа крѣпкаго,
Моѣхъ ли слезъ великіихъ,
Што моѣхъ поклоновъ низкіихъ,
Ты красуйся, моя гогубушка,
Во моей ли дѣвьей красотѣ,
Во украшеньи моемъ дѣвичьемъ.
Ты носи, моя голубушка,
Што мою ли дѣвью красоту
По праздникамъ господскіимъ
и т. д.

Когда невѣстѣ скажутъ, что за ней ѣдутъ поѣзжане, она начинаетъ слѣдующій причетъ:

Я заслышала молодешенька,
Я заслышала красна дѣвица,
Ужъ я по топу вороныхъ коней,
По хвосту шелковыхъ плегей и т. д.

Окончивъ этотъ причетъ, невѣста обращается съ новымъ причетомъ къ отцу и къ матери, въ которомъ проситъ у нихъ родительскаго благословенія.

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица,
Ужъ какъ встать, да приподнятися,
На свои да скоры ноженьки,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на козловые и т. д.

Послѣ этого причета невѣста получаетъ благословеніе отъ своихъ родителей. Если отца или матери невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то она обращается къ умершему съ такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, родимая матушка,
Што объ чемъ я говорить буду,
Во слезахъ, да низко кланяться,
Отъ лица, да до пояса,
Отъ пояса до земли.
Ты выйди, родимая матушка,
На улочку проѣзжую
Погледи, родимая матушка,
Што на всѣ четыре стороны
и т. д.

Иногда этотъ причетъ невѣста говоритъ на могилѣ умершаго отца или матери. Получивъ отъ родителей благословеніе, невѣста отправляется къ вѣнцу; необходимыми членами невѣстина поѣзда являются: посаженный отецъ и посаженная мать невѣсты, дружко невѣсты, сваха; остальные члены называются поѣзжанами. Тѣ же оффиціальныя лица находятся и въ жениховомъ поѣздѣ. Строго соблюдается, чтобы невѣста вернулась домой изъ-подъ вѣнца отнюдь не тою же самою дорогою, какою она ѣхала къ вѣнцу. Подъ вѣнецъ невѣсту везутъ вполнѣ еще не одѣтую, лежачую, закрытую простыней. Пріѣхавъ въ церковь, невѣсту наряжаютъ окончательно къ вѣнцу или, какъ говорятъ, „крутятъ“ въ церковной сторожкѣ.

По принятому во многихъ мѣстахъ обычаю, на невѣсту отнюдь не слѣдуетъ надѣвать подъ вѣнецъ русскую рубаху съ оборками и короткими рукавами, а должно надѣвать рубаху долгорукавку. Когда пріѣдутъ изъ-подъ вѣнца, рубаху эту снимаютъ, моютъ затѣмъ въ рѣкѣ и хранятъ до самой смерти. Обычай перегораживать чѣмъ нибудь дорогу, чтобы получить съ поѣзжанъ выпивку, существуетъ повсемѣстно.

Когда невѣста, получивъ родительское благословеніе, садится на повозку, во многихъ мѣстахъ подруги ея поютъ общеизвѣстную пѣсню:

Отлетала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедь бѣлая
Ко стаду сѣрыихъ гусей и т. д.

Послѣ вѣнца молодые и всѣ участники свадьбы пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты. Родители молодыхъ встрѣчаютъ послѣднихъ съ хлѣбомъ и солью. Послѣ встрѣчи молодуху сажаютъ и заплетаютъ ей волосы поженски, на двѣ косы. Послѣ этого слѣдуетъ столованье или свадебный пиръ. Молодые сидятъ на первомъ мѣстѣ, но ничего не ѣдятъ: они закусываютъ обыкновенно наскоро еще до столовъ.

Послѣ столовъ родители невѣсты раздаютъ подарки жениховой роднѣ; подарками служатъ чаще всего платки, сорочки, кушаки и т. п. предметы. Когда подарки будутъ розданы (подарки раздаетъ невѣста), молодыхъ отводятъ спать въ холодную горницу или клѣть, а гости бражничаютъ далеко за полночь.

Поутру на другой день молодежь, участвующая на свадьбѣ, сбирается будить молодыхъ. Для этого набираютъ негодной гли-

няной посуды, которую и бьютъ о стѣны горницы, въ которой почивали молодые, сопровождая это бряцаньемъ въ трубы, желѣзныя сковороды и т. д. до тѣхъ поръ, пока одѣтые уже молодые не выйдутъ изъ горницы.

Пиръ на другой день послѣ брака называется обыкновенно „княжимъ столомъ". Послѣ княжого стола невѣста беретъ въ руки вѣникъ и начинаетъ мести полъ. Гости кидаютъ въ это время на полъ деньги, которыя и поступаютъ затѣмъ въ собственность невѣсты.

Послѣ княжого стола устраивается обыкновенно вечеръ для молодежи и подругъ невѣсты. Вечеръ этотъ открывается появленіемъ молодыхъ. При появленіи дѣвушки поютъ пѣсню:

Всѣ кони подъ коврами,
Одинъ подъ тафтой и т. д.
Или же:
Не по сахару вода течетъ,
Не по изюму разливается.
Бережка то хрустальные,
Древеса то виноградные,
Какъ во городѣ во Крымарѣ и т. д.

Послѣ этого вечеръ уже идетъ своимъ чередомъ. Молодые принимаютъ участіе во всѣхъ танцахъ и пляскахъ остальной молодежи.

На третій день послѣ брака устраивается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церемонія „продажи блиновъ". Молодуха становится у печи и начинаетъ печь блины; испеченные блины она кладетъ на тарелку, которая ставится на принесенный заранѣе въ избу и опрокинутый вверхъ дномъ плетень, покрытый салфеткою. Гости берутъ блины и кладутъ на тарелку деньги, поступающія въ собственность невѣсты.

На четвертый день послѣ вѣнца бываютъ уже „отводины," т. е. отъѣздъ невѣсты на новое жительство въ домъ жениха.

Первый годъ послѣ брака обвѣнчанная пара носитъ названіе „молодыхъ". Молодыхъ обыкновенно, встрѣчая въ первый разъ послѣ вѣнца, поздравляютъ „съ законнымъ бракомъ". Родителей жениха или невѣсты поздравляютъ въ данномъ случаѣ „съ молодыми". У достаточныхъ крестьянъ „молодуха" въ теченіе перваго года послѣ свадьбы не принимается ни за какую крестьянскую работу; у бѣдныхъ это правило, конечно, не соблюдается.

Въ первую масляницу послѣ брака молодые ѣздятъ на гулянье, извѣстное подъ названіемъ „кочки", „горки" и т. д. Выше мы сказали, что свадебные расходы въ большинствѣ

случаевъ бываютъ непроизводительны; къ слову замѣтимъ въ настоящее время, что они очень бываютъ и велики сравнительно съ крестьянскимъ бюджетомъ. Сыграть порядочную свадьбу обходится никакъ не менѣе ста рублей серебромъ.

2. *Увеселенія: гулянья, „посидѣнки", „бесѣды," „свозы".*

Лѣтъ съ пятнадцати молодая крестьянская дѣвушка уже начинаетъ, по выраженію народа, „невѣститься", т. е. принимать участіе въ увеселеніяхъ взрослой молодежи. Точно то-же самое можно сказать и о мальчикахъ.

Сближается крестьянская молодежь обоего пола другъ съ другомъ на деревенскихъ гуляньяхъ и на „бесѣдахъ" или вечеринкахъ.

Гулянья начинаются обыкновенно съ ранней весны, какъ только стаетъ снѣгъ, и продолжаются вплоть до глубокой осени. Мѣстомъ для гулянья выбирается чаще всего какое нибудь возвышенное сухое мѣсто на деревенской улицѣ, обыкновенно близъ качелей [1]). На этихъ гуляньяхъ поютъ пѣсни, танцуютъ и водятъ хороводы. Гулянья собираются исключительно въ воскресные и праздничные дни, собираются къ вечеру, часовъ съ пяти-шести по полудни и продолжаются вплоть до полуночи. Если погода стоитъ ненастная, то мѣстомъ для гулянья избирается пустой сарай, амбаръ или какое нибудь строеніе въ этомъ родѣ.

Съ наступленіемъ длинныхъ осеннихъ вечеровъ начинается въ нашихъ деревняхъ сезонъ „посидѣлокъ" и „бесѣдъ". Обыкновенно молодежь начинаетъ „засиживать", т. е. сбираться на „бесѣды" и „посидѣлки", или „посидѣнки", съ первыхъ чиселъ октября, хотя по настоящему или, какъ говорится, „вплотную" посидѣнки и бесѣды начинаются только съ конца октября. Въ началѣ октября дѣвушки заняты еще мятьемъ, трепаньемъ и чесаньемъ льна; работы эти производятся на гумнахъ, дворахъ и „повѣтяхъ" [2]), и сбираться на „посидѣлки" дѣвушкамъ некогда, за исключеніемъ развѣ только праздничныхъ дней. Къ концу октября обработка льна у всѣхъ кончается—пора приниматься за пряденье льна, что и производится крестьянскими дѣвушками на „посидѣлкахъ".

---

[1]) Качели въ Пошехонскомъ уѣздѣ устраиваются двухъ родовъ: обыкновенныя „на веревкахъ" и дѣтскія, въ которыхъ доска подвѣшивается къ перекладинѣ не на веревкахъ, а на жердочкахъ—„рѣляхъ".

[2]) Деревянный помостъ надъ дворомъ.

„Посидѣлки“ во многомъ различаются довольно рѣзко отъ „бесѣдъ“. Первыя происходятъ не только вечеромъ, но и днемъ, вторыя—исключительно вечеромъ; на первыя дѣвушки сбираются, главнымъ образомъ, чтобы прясть, съ „копылами“, въ довольно простыхъ платьяхъ, на вторыя, т. е. на „бесѣды“, дѣвушки идутъ безъ всякой работы, чтобы повеселиться, въ самыхъ лучшихъ нарядахъ; „посидѣлки“ происходятъ по буднямъ, „бесѣды“ преимуществено въ праздникъ и т. д. Бываютъ еще „сборныя бесѣды“; онѣ отличаются отъ обыкновенныхъ бесѣдъ тѣмъ, что на нихъ являются парни и дѣвушки изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень. Сборныя бесѣды, или „свозы“, устраиваются поочередно: сначала въ одной деревнѣ, потомъ въ другой и т. д.

На бесѣдахъ бываетъ почти постоянно угощеніе, собираемое на общій счетъ дѣвушекъ (орѣхи, пряники и т. д.).

Помѣщеніе для бесѣдъ и посидѣнокъ дѣвушки каждой деревни пріискиваютъ съ осени. Такимъ помѣщеніемъ служитъ, обыкновенно, просторная изба у малосемейнаго крестьянина, изба бобылки или, какъ говорятъ у насъ, келейницы и т. п. Плата за снимаемую подъ бесѣды избу уплачивается дѣвушками и уплачивается въ большинствѣ случаевъ работою: въ однихъ мѣстахъ дѣвушки обязуются примывать полы у хозяевъ избы въ теченіе года на всѣ большіе праздники, въ другихъ онѣ обдѣлываютъ имъ извѣстное количество льну и т. д.; иногда вносится и плата деньгами за помѣщеніе одними дѣвушками. Освѣщеніе доставляется ими же въ складчину сообща, причемъ въ этой складчинѣ учавствуютъ нерѣдко парни. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бесѣды собираются и иначе: поочередно у каждой взрослой дѣвушки, которая ходитъ на бесѣды. Хозяйка избы въ послѣднемъ случаѣ доставляетъ и освѣщеніе.

Какъ посидѣнки, такъ и бесѣды не бываютъ подъ праздникъ. Начинаясь часовъ съ шести или семи вечера, онѣ продолжаются далеко за полночь. Здѣсь-то молодежь больше всего знакомится и сближается между собою. Парень, ухаживающій за дѣвушкою, называется чаще всего „почетникомъ“ ея, дѣвушка же „почетницею“ этого парня. Не имѣть почетника для дѣвушки-невѣсты считается зазорнымъ. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что почетница становится впослѣдствіи женою своего почетника.

Парень, „почетникъ", садится на посидѣнкахъ и бесѣдахъ рядомъ со своею „почетницею", онъ танцуетъ преимущественно съ нею и, наконецъ, онъ провожаетъ ее послѣ бесѣды до дому. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть обычай, чтобы во время бесѣды парни сидѣли у дѣвушекъ на колѣняхъ, почетникъ сидитъ у своей почетницы на колѣняхъ. Къ слову замѣтимъ, что этотъ обычай съ каждымъ днемъ выводится все больше и больше. Въ обращеніи парней съ дѣвушками проглядываетъ все больше и больше сдержанности: нескромныя заигрыванія нынѣ уже почти неизвѣстны, поцѣлуи допускаются только тамъ, гдѣ требуетъ этого игра и т. д. Во многихъ мѣстахъ парни говорятъ уже дѣвушкамъ на „вы". Наряды деревенскихъ дѣвушекъ становятся съ каждымъ днемъ все изысканнѣе и изысканнѣе. Встрѣтить на бесѣдахъ дѣвушку, одѣтую въ шелковое или шерстяное платье, сшитое по послѣдней модѣ—нынѣ не рѣдкость.

Косметическія средства между мѣстными дѣвушками распространены сравнительно не особенно значительно. Чтобы лицо было чистое здоровое, умываются весеннею водою послѣ перваго грома изъ ручья или колодца. Вмѣсто румянъ употребляются чаще всего красныя бумажки изъ-подъ леденцовъ. Смочивъ эти бумажки, натираютъ ими щеки, отъ чего на послѣднихъ появляется румянецъ. Вмѣсто румянъ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „колотикъ", или „бадяга", а также корень травы „купелы", извѣстной въ народѣ подъ названіемъ „Божьей ручки". Бѣлятся чаще всего обыкновенными свинцовыми бѣлилами. Волосы причесывая намачиваютъ квасомъ или смазываютъ коровьимъ или деревяннымъ масломъ. Брови подкрашиваютъ сурьмою. Впрочемъ обычай подкрашивать лицо и брови не пользуется въ народѣ любовью:

Слободскія то дѣвчонки
Ровно мелконькой горохъ:
Щечки клюковкой намажутъ,
Брови углемъ подведутъ,
Брови углемъ подведутъ—
За хорошіихъ почтутъ,

иронически говоритъ объ этомъ обычаѣ народная пѣсня. За послѣднее время среди крестьянскихъ дѣвушекъ все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе помада, духи, пудра, дешевыя туалетныя мыла и настоящія румяна и бѣлила.

Чтобы приворожить или, какъ говорятъ, „присушить" парня къ дѣвушкѣ или наоборотъ, употребляются различныя средства и

заговоры. Спеціально присухою и привораживаніемъ и отвораживаніемъ занимаются мѣстные колдуны и знахари. Какъ „приворотное“ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такое средство. Должно взять лягушку и закопать ее въ муравейникъ. Если черезъ нѣсколько недѣль раскопать этотъ муравейникъ, то въ немъ окажутся среди прочихъ костей двѣ косточки: одна на подобіе вилки, а другая на подобіе крючка. Если взять косточку на подобіе крючка въ руки и тихонько дотронуться ею до платья дѣвушки, то этимъ можно приворожить къ себѣ дѣвушку. Чтобы отворожить дѣвушку должно дотронуться вилообразной косточкой до ея платья.

Въ старинныхъ народныхъ цвѣтникахъ и травникахъ, какъ средства производящія присуху, указываются травы: „царскія очи“, „змѣица“, „Адамова глава“ и др.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ, что если дѣвушка возьметъ каплю менструаціонныхъ истеченій и, примѣшавъ ее къ пищѣ или питью, дастъ выпить или съѣсть какому-либо парню, то послѣдній полюбитъ до безумія эту дѣвушку и будетъ любить во всю жизнь.

Въ другихъ мѣстахъ употребляется такой способъ, чтобы приворожить къ себѣ сердце любимой дѣвушки. Должно взять небольшой пряникъ и, завернувъ его въ тонкую тряпицу, положить подъ мышку правой руки и носить до тѣхъ поръ, пока на томъ не покажется потъ. Послѣ этого пряникъ этотъ даютъ съѣсть любимой дѣвушкѣ и послѣдняя начинаетъ любить послѣ этого горячо даже нелюбимаго прежде парня.

Для той же цѣли должно выдернуть изъ головы у дѣвушки съ корнемъ волосъ и, завязавъ его узломъ, носить при себѣ, но такъ, чтобы дѣвушка этого не знала. Того, кто сдѣлаетъ это, дѣвушка у которой выдернутъ будетъ волосъ, полюбитъ до безумія.

Чтобы женихъ сильнѣе любилъ будущую свою жену, наканунѣ свадьбы въ банѣ вытираютъ все тѣло невѣсты мокрымъ полотенцемъ; полотенце это затѣмъ выжимаютъ и выжатую воду подмѣшиваютъ въ опару. Изъ опары этой печется затѣмъ колобокъ или лепешка, которыя и даютъ съѣсть жениху.

Чтобы мужъ сильнѣе любилъ жену, а жена мужа, должно взять земли между двумя могилами и положить на ту постель, гдѣ спитъ мужъ съ женою.

Если мужъ измѣняетъ женѣ, послѣдняя должна взять ежовой щетины, сжечь её и затѣмъ пепелъ этотъ разсыпать по постели. Послѣ этого мужъ снова полюбитъ жену и перестанетъ измѣнять ей. Если, наоборотъ, жена измѣняетъ мужу, то послѣднiй долженъ взять воробьиной желчи и, вымазавъ ею свой penis, проспать съ женою ночь: послѣдняя послѣ этого снова полюбитъ мужа.

Хотя на нарушенiе цѣломудрiя дѣвушкою народъ смотритъ и не такъ строго, какъ на нарушенiе вѣрности замужнею женщиною, тѣмъ не менѣе цѣломудрiе ставится народомъ все-таки высоко, и дѣвушка честная, какъ говорятъ, „небалованная“ всегда стоитъ выше во мнѣнiи народа дѣвушки, потерявшей невинность.

Чтобы узнать, честная ли дѣвушка, за которой ухаживаетъ парень, употребляютъ такое средство: берутъ ржаное зерно, даютъ его дѣвушкѣ и заставляютъ послѣднюю опустить это зерно въ ковшъ рѣчной воды. Если дѣвушка не потеряла своей невинности, то зерно будетъ плавать по верху, въ противномъ же случаѣ оно потонетъ.

Во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что носовой хрящъ дѣвушки или парня, потерявшихъ невинность, раздваивается на самомъ концѣ своемъ, если дотронуться до него пальцемъ.

Но возвратимся опять къ посидѣнкамъ, бесѣдамъ и свозамъ.

Собираются бесѣды часовъ съ 6—7 вечера и продолжаются часовъ до 2—3-хъ по полуночи. На воскресные и праздничные дни бесѣды никогда не собираются. Начинаясь съ октября, бесѣды продолжаются вплоть до Великаго поста: съ начала его онѣ прекращаются опять до осени.

Главное развлеченiе молодежи на бесѣдахъ представляютъ изъ себя танцы и пѣсни. Танцуютъ чаще всего кадриль, лансье и коротенькiя [1]). За послѣднее время стали проникать въ деревню даже вальсъ и полька: и то и другое намъ привелось видѣть на нѣкоторыхъ бесѣдахъ Николо-Раменской и Займищевской волости. Въ большинствѣ случаевъ танцы совершаются подъ пѣсни съ акомпаниментомъ гармоники („гармошка“,

---

[1]) См. о нихъ въ статьѣ г. Архангельскаго. „Пѣсни и причеты села Дмитрiевскаго, Пошехонскаго уѣзда.“ Яр. Губ. Вѣд. 1888 г., а также нѣкоторые изъ хороводныхъ игръ, описанныхъ нами въ статьѣ „Русскiй хороводъ“ „Сѣверный Вѣстникъ“ 1889 г. № 6).

„игрушка“ „тальянка“), рѣже подъ одну гармонику. Въ промежуткахъ между танцами поются пѣсни.

Старинныя протяжныя пѣсни все больше и больше вытѣсняются коротенькими [1]). Хотя любовь къ пѣнію и пѣснямъ развита въ народѣ довольно сильно, тѣмъ не менѣе искусствомъ въ пѣніи мѣстная молодежь (особенно парни) не отличается. Пѣсни поются въ унисонъ, визгливыми голосами.

Въ промежутки между пѣснями участвующіе на бесѣдѣ парни и дѣвушки также играютъ въ различныя игры, водятъ хороводы. [2])

Изъ игръ, употребительныхъ на зимнихъ бесѣдахъ и посидѣнкахъ, укажемъ на игру въ „сосѣди“ и въ фанты. Послѣдняя распространена сравнительно немного и, какъ игру общеизвѣстную, описывать её мы не будемъ. Игра въ сосѣди состоитъ въ слѣдующемъ. Участвующіе на бесѣдѣ парни и дѣвушки разсаживаются на лавкахъ попарно. Одинъ изъ играющихъ ходитъ и спрашиваетъ по порядку каждаго изъ играющихъ, доволенъ ли тотъ своей сосѣдкой или сосѣдомъ. При отвѣтѣ „доволенъ“ онъ обращается съ вопросомъ къ слѣдующему, до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣта „не доволенъ“. Тогда онъ спрашиваетъ, „кого ему нужно въ сосѣди“. Тотъ, на кого укажетъ недовольный, занимаетъ мѣсто возлѣ него, мѣсто его занимаетъ спрашивавшій, а тотъ, кѣмъ были недовольны, идетъ опрашивать. Иногда кто нибудь изъ участниковъ кричитъ, что онъ недоволенъ всей деревней, тогда всѣ участники въ игрѣ быстро вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, стараясь какъ можно скорѣе перемѣниться мѣстами другъ съ другомъ. Тотъ, кто останется безъ мѣста, долженъ ходить и спрашивать.

Кромѣ парней и дѣвушекъ на посидкахъ и бесѣдахъ постоянно бываетъ много зрителей—мужиковъ и бабъ. Зрители занимаютъ обыкновенно заднюю часть избы, подъ полатями.

Увеселеніями на бесѣдахъ руководятъ обыкновенно дѣвушки, выдающіяся своею ловкостію, красотою, бойкостію—„славёнки“, какъ говорятъ, и такіе же парни—„славники“.

---

[1]) Объ этихъ пѣсняхъ см. наши статьи въ XXXIII. кн. „Этногр. Обозр“. и въ „Яросл. Губ. Вѣд“. 1891 г., №№ 71—72.

[2]) Изъ хороводныхъ игръ наиболѣе распространены въ нашей мѣстности игры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 14 15 и 17, описанныя нами подробно въ статьѣ нашей „Русскій хороводъ“ (Сѣв. Вѣст. 1889 г. № 6).

Справедливость требуетъ сказать, что нынѣшнія бесѣды сравнительно съ бесѣдами, какія мы видѣли лѣтъ 15—20 тому назадъ, имѣютъ болѣе порядочности и внѣшняго приличія. Нескромныя заигрыванія парней съ дѣвушками, нескромныя шутки и пѣсни—все это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отходитъ въ область преданія. Если что и встрѣчается нерѣдко предосудительнаго на нынѣшнихъ крестьянскихъ бесѣдахъ, то это появленіе на нихъ парней въ нетрезвомъ видѣ, ссоры, а нерѣдко и драки между ними и т. д. Противъ этого много разъ администраціей, какъ губернской,такъ и уѣздной, издавались циркуляры, но въ большинствѣ случаевъ всѣ эти циркуляры не достигали желаемой цѣли, пока, наконецъ, сами крестьяне не стали сознавать все безобразіе и весь вредъ такого молодечества парней и не стали полагать ему предѣлы. За послѣднее время многіе волостные суды за безобразіе и скандалы на бесѣдахъ стали приговаривать парней не только къ штрафамъ и арестамъ, а и къ розгамъ, и число скандаловъ значительно уменьшилось

Передъ святками начинаются обыкновенно „сборныя" бесѣды или „свозныя". На такія бесѣды сбираются обыкновенно парни и дѣвушки изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень. На такихъ сборныхъ бесѣдахъ деревенскіе парни-женихи „выглядываютъ" или „высматриваютъ" себѣ невѣстъ изъ чужихъ деревень.

Нечего, конечно, и говорить, что на такія сборныя бесѣды дѣвушки являются разодѣтыми во всѣ свои лучшіе наряды. Что касается до послѣднихъ, то въ нихъ замѣчается крайнее щегольство, щегольство не по средствамъ. Почти на половинѣ дѣвушекъ можно видѣть на такихъ бесѣдахъ шерстяныя и шелковыя платья, сшитыя по послѣдней модѣ. Къ сожалѣнію, это щегольство не уменьшается, но годъ отъ году увеличивается.

Святочные посидѣнки и бесѣды разнообразятся тѣмъ, что на нихъ приходятъ ряженые изъ сосѣднихъ деревень. Посидѣнки и бесѣды кончаются уже совершенно на масляной недѣлѣ.

Въ великомъ посту хотя дѣвушки и сбираются иногда днемъ на супрядки, но ни пѣсенъ, ни плясокъ на этихъ супрядкахъ не бываетъ и парни на нихъ не ходятъ.

Съ Пасхи опять начинаются гулянья. Они замѣняютъ бесѣды и продолжаются до осени. Кромѣ танцевъ и хороводовъ на гулянь-

яхъ играютъ въ „горѣлки“, „огарыши“ или „круговыя горѣлки“, въ „жгутъ“, въ „веревочку“, въ „кошку-мышку“ и въ „столбики“[1]).

Описавъ увеселенія, существующія у крестьянской молодежи въ Пошехонскомъ уѣздѣ, мы не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ, существующихъ въ мѣстной крестьянской семьѣ, а также и объ умственныхъ и нравственныхъ чертахъ мѣстныхъ жителей.

Народъ на дѣтей смотритъ, какъ на благословеніе Божіе; неимѣніе дѣтей считается немилостью Божіею, почему бездѣтные супруги и принимаютъ часто пріемышей. Чтобы имѣть дѣтей, прибѣгаютъ иногда къ такому суевѣрному средству: берутъ изъ лаптя пятое лыко съ подошвы, высушиваютъ его, стираютъ въ порошокъ и пьютъ натощахъ по двѣнадцать зорь. О рожденіи мальчиковъ молятся Св. Іоанну Воину, а о рожденіи дѣвочекъ Св. Маріи Египетской (С. Деруновъ).

Власть родителей надъ дѣтьми и до сихъ поръ весьма значительна, не смотря на то, что сравнительно съ прежнимъ она значительно пошатнулась. Въ особенности, по народному мнѣнію, дѣти должны почтительно относиться къ матери; если мать остается вдовою послѣ мужа, то и тогда она является полновластною хозяйкою въ домѣ, даже и при женатыхъ дѣтяхъ. Всякій отецъ имѣетъ право непокорныхъ дѣтей лишать наслѣдства и изгонять изъ дому. Дѣти должны почитать родителей и заботиться о нихъ во время ихъ старости. За непочтеніе къ родителямъ Богъ строго наказываетъ непочтительныхъ дѣтей.

„У нѣкоторой матери, говоритъ одно народное сказаніе, былъ сынокъ: мать онъ не почиталъ—супротивничалъ. А мать, напротивъ, всегда молилась за него Владычицѣ-Богородицѣ и за грубость сыновнюю клала Владычицѣ по трижды три земныхъ поклона. Въ одно время непокорному сыну пришлось переѣзжать рѣку вечеромъ. Поднялась гроза, забушевала рѣка, и перекувырнуло лодку, на которой ѣхалъ непокорный сынъ. Онъ

---

[1]) Игры эти были описаны нами въ статьѣ нашей „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи“ (Этногр. Обозр. 1890 г. № 3), и описывать ихъ здѣсь мы считаемъ излишнимъ.

сталъ утопать и пошелъ ко дну. На волнахъ явилась тогда въ сіяніи Владычица, взяла утопающаго за руку и подвела къ берегу. Взмолился утопающій такъ: „Госпожа Владычица, за что спасаешь многогрѣшнаго?“ А она въ отвѣтъ: „за молитвы родительницы.“ Съ той поры непокорный сынъ и началъ почитать родительницу мать“. (С. Деруновъ).

Какъ благословеніе, такъ и молитвы родительскія имѣютъ весьма важное значеніе для дѣтей. Дѣти, лишенныя родительскаго благословенія и молитвъ, не могутъ быть счастливыми и долговѣчными на землѣ, а въ будущей жизни не наслѣдуютъ царства небеснаго. Непокорныхъ дѣтей родители иногда проклинаютъ. Проклятіе родительское, по народному мнѣнію, можетъ имѣть страшную силу. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу одна народная легенда: „Въ одно время нѣкіе родители молились Господу Богу. Пришелъ въ это время непокорный сынъ, да и пришелъ во хмѣлю. Потревожилъ родителей надсмѣхомъ, а паче руганью скверною. Родители допрежь учивали [1]) непокорнаго сына, а въ это же время передъ ликомъ Господа Бога его прокляли. Сынъ проклятый заскулѣлъ, стремглавъ бросился изъ избы, залаялъ подъ окномъ, да и убѣжалъ въ песьей шкурѣ въ лѣсъ. Сталъ проклятый сынъ оборотнемъ и семь лѣтъ рыскалъ по лѣсу оборотнемъ, а родители его въ это время усердно молились Господу Богу объ обращеніи его вновь въ человѣческій образъ. На восьмой годъ вернулся сынъ къ родителямъ покоренъ и непьющъ“. [2])

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ, что дочь, проклятая матерью, была обращена въ лягушку. Если родители прибѣгаютъ къ волостному суду съ жалобой на непокорность дѣтей, то послѣдній почти постоянно наказываетъ непокорныхъ дѣтей розгами. За послѣднее время, впрочемъ, авторитетъ и власть родительская стали замѣтно падать, точно также какъ упали авторитетъ и власть мужа надъ женою. Старинную пословицу что „жена мужа должна почитать, какъ на церкви главу“, нынѣ уже измѣняютъ такъ: „мужъ жену почитать долженъ, какъ на церкви

---

1) Учивали, счували—усовѣщивали, уговаривали.

2) С. Я. Деруновъ. „Село Козьмодемьянское, Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда“. Яросл. Губ. Вѣд. ч. н. 1889 г. №73.

главу, а жена мужа, какъ на банѣ трубу". Нынѣ не рѣдкость встрѣтить бабу, полновластно распоряжающуюся своимъ мужемъ, и народъ снисходительно смотритъ на такое явленіе, оправдывая его тѣмъ, что „гдѣ голова мочало, тамъ и хвостъ начало".

По своимъ умственнымъ и нравственнымъ чертамъ населеніе Пошехонскаго уѣзда мало чѣмъ отличается отъ населенія остальныхъ уѣздовъ Ярославской губерніи. Какъ и вездѣ, женщины наиболѣе склонны къ старымъ обычаямъ и труднѣе мужчинъ поддаются перемѣнамъ. Поэтому-то въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, послѣдній поддерживается главнымъ образомъ женщинами. Впрочемъ особеннаго пристрастія къ старинѣ среди мѣстнаго населенія въ настоящее время не замѣчается.

А. Баловъ.

Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ[1]).

II. Очерки общественной жизни.

1. *Рабство у якутовъ.*

Рабство у якутовъ, вѣроятно, возникло на почвѣ грубой физической силы, и, кромѣ права сильнаго надъ слабымъ, оно не имѣло другого источника происхожденія. Но возникло ли оно самостоятельно, позаимствовано ли отъ какого либо другого народа, съ которымъ якуты сталкивались во времена глубокой древности? Изслѣдованіе по этимъ вопросамъ едва ли приведетъ къ желаемому результату, потому что данныхъ для рѣшенія нѣтъ[2]). Во всякомъ случаѣ, оно явилось какъ результатъ права сильнаго; чему не мало способствовали войны съ сосѣдними племенами, враждебно относившимися къ якутамъ, какъ повѣствуютъ о томъ преданія и сказки, въ которыхъ говорится, что богатырь, побѣдивъ другого, хочетъ убить лежащаго на землѣ у ногъ побѣдителя. Побѣжденный, обративъ свой взоръ на побѣдителя съ поднятыми руками кверху, умоляетъ его, говоря: „не убивай меня, тоёнъ (господинъ), оставь мнѣ жизнь, я тебѣ буду вѣчно служить, буду работать всякую работу, пасти коровъ, лошадей, поить и кормить ихъ, и все что ты прикажешь, то и буду дѣлать безпрекословно, но только не губи меня.“ Побѣдитель, тронутый просьбами побѣжденнаго, отсѣкаетъ ему руку, ногу и выкалываетъ глазъ. Въ такомъ видѣ, говоритъ побѣдитель, ты мнѣ лучше будешь служить, не причинишь мнѣ никакого зла, и обращаетъ его въ своего „кулута“, т. е. раба.

Кулутъ, какъ говорятъ якуты, былъ въ видѣ полезнаго животнаго, не пользовался никакими правами человѣка и во всякое время могъ быть убитымъ по прихоти тоёна. Когда тоенъ садился на лошадь, отправляясь въ путь, кулутъ подставлялъ ему свою спину, сгибаясь для того, чтобы удобнѣе было сѣсть на лошадь, и во время пути долженъ былъ бѣжать за лошадью, сколько бы такое путешествіе ни продолжилось, устранять на пути препятствія и въ пору, если тяжесть была не подъ силу лошади, онъ долженъ былъ помогать ей тащить или переносить поклажу на себѣ.

---

[1]) См. „Этногр. Обозр.“ XXXIV.

[2]) Источники: разсказы якутовъ, архивъ Олекминскаго Окружнаго Полицейскаго Управленія и житіе св. Иннокентія Иркутскаго, изд. 1879 г.

Въ присутствіи тоена кулутъ не имѣлъ права садиться, и даже если бы тоенъ спалъ, кулутъ, войдя въ юрту его за какимъ либо дѣломъ, долженъ былъ тоже стоять. Онъ не имѣлъ права вступать въ бракъ безъ согласія тоёна.

Дѣти, рожденныя кулутомъ, дѣлались уже совершенно свободными гражданами, но вступали въ бракъ съ женщинами равными себѣ по имуществу. Тоенъ же съ дочерью кулута, а также и сынъ кулута съ дочерью тоена не вступали между собою въ бракъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вѣроятно, немаловажное значеніе имѣлъ имущественный цензъ и сословный предразсудокъ, въ силу котораго нельзя было сливаться высшему сословію съ низшимъ, находившимся въ полномъ презрѣніи, такъ что теперь слова „кулутъ" и „хамначитъ" у якутовъ служатъ бранными словами.

Но не бываетъ правила безъ исключенія: такъ и здѣсь случалось иногда, что тоенъ вступалъ въ бракъ съ рабыней; напр., въ Олекминскомъ улусѣ, Маджегарскаго наслега, старые якуты помнятъ, какъ князецъ Артемьевъ, прельщенный красотой рабыни, купленной имъ въ Вилюйскомъ округѣ, женился на ней по обряду православной церкви, и на такой бракъ указываютъ, какъ на замѣчательный и исключительный примѣръ. Я спрашивалъ многихъ инородцевъ относительно вступленія въ бракъ тоена съ рабыней въ прежнія времена и всегда получалъ отрицательный отвѣтъ.

Право сильнаго, точно также какъ оно выразилось у мужчинъ, съ особенной яркостью выразилось въ порабощеніи женщины, рабство которой продолжается и до настоящаго времени. Проявляется оно въ самой грубой формѣ, какъ это будетъ видно ниже изъ приведенныхъ мною фактовъ. Что же касается до рабства женщины во времена глубокой древности, то, основываясь на сказкахъ, видно, что женщина умыкалась, такъ что во многихъ сказкахъ причиною драки богатыря съ чортомъ или богатыря съ богатыремъ является красивая женщина, украденная въ то время, когда богатырь спалъ 3 года или отлучился на охоту, оставивъ одну въ юртѣ свою сестру или мать, или жену. Богатырь или чортъ, воспользовавшись непробуднымъ сномъ или отсутствіемъ богатыря, пріѣзжаетъ на дворъ и поетъ пѣсню: выходи ко мнѣ скорѣе на поединокъ, я пріѣхалъ къ тебѣ за твоей дочерью, или сестрой; если не дашь добровольно ее, то я убью тебя и возьму силой твою красавицу. Разсердившись, что къ нему никто не выходитъ, снимаетъ съ юрты потолокъ беретъ женщину безъ сопротивленія и увозитъ на крылатомъ конѣ за горы. Богатырь, возвратясь съ охоты, или просыпаясь, съѣдаетъ 3-хъ быковъ за одинъ пріемъ и идетъ выручать украденную. Напавъ на слѣды похищенной красавицы и вызвавъ на поединокъ похитителя, или убиваетъ, если это чортъ, или выкалываетъ глаза, отрубаетъ ногу, если похититель богатырь, проводитъ его къ

себѣ въ домъ и заставляетъ ходить за коровами и телятами, или быть вмѣсто собаки и караулить имущество его.

Впослѣдствіи, когда умыкать женщинъ было не совсѣмъ безопасно, потому что умыканіе стоило жизни или похитителю или обладателю похищеннаго, тогда якуты стали прибѣгать къ покупкѣ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, и слѣды такой формы рабства сохранились до сего дня съ особенной яркостью

Женщина раба исполняла всю черную работу, по хозяйству, работала вѣчно, и въ нравственномъ отношеніи участь ея была незавидна. Нынѣ покупка женщинъ, продолжая существовать, выражается въ формѣ колыма (выкупа). На этомъ основаніи всякій, купившій жену, по народному воззрѣнію, имѣетъ право ею распоряжаться, какъ угодно, и даже убить ее, если бы за то законъ не налагалъ наказанія; такъ что не рѣдко можно слышать отъ мужей, жестоко обращающихся съ женами, высказывающихъ неудовольствіе на судъ, покровительствующій обиженнымъ женщинамъ: „какой это судъ, заступается за хотунъ (женщину)!" Она моя, я ее купилъ, значитъ, какъ хочу, такъ и поступаю съ ней, и дѣла никому нѣтъ до моей ссоры съ ней. Тождественный взглядъ на женщину я замѣтилъ и у крестьянъ Олекминскаго округа, живущихъ по Ленѣ, слившихся съ якутами.

Зажиточные тоёны, какъ разсказываютъ старики якуты, еще очень недавно имѣли по нѣсколько женъ; главенствомъ изъ нихъ пользовалась самая младшая, самая молодая, которой тоенъ отдавалъ предпочтеніе предъ другими, и всѣ права хозяйки, старой жены, отнимались въ пользу молодой, жившей съ нимъ вмѣстѣ; другія жили отдѣльно, не далеко отъ тоёна, имѣя при себѣ рабынь, на обязанность которыхъ возлагалось вести все хозяйство. Косвенное указаніе на многоженство я встрѣтилъ въ дѣлахъ Олекминскаго комисарства за 1819 годъ. За этотъ годъ изъ рапорта крестьянскаго выборнаго Янкова видно, что родовичъ 2 Ментской волости Константинъ Торговкинъ, имѣя жену, прижилъ съ дѣвицей князца Маджегарскаго наслега Климонтова блудно сына; поэтому Янковъ проситъ содѣйствія Олекминскаго комисара о понужденіи Торговкина сына, имѣющаго 2 года отъ роду, окрестить, а также въ рапортѣ выборнаго Олекминскаго улуса говорится, что къ нему обратилась съ просьбой дѣвка Татьяна Харова, привезенная въ малолѣтствѣ изъ Вилюйскаго округа въ Якутскій, гдѣ прижила сына Нуча, по крещеніи Стефана, о записи его по 7 ревизіи въ ревизскія сказки въ 1 Нюрюктейскую волость, гдѣ она живетъ въ качествѣ незаконной у князца Корнилова. Дѣти, украденные или выросшіе сиротами въ домѣ тоена дѣлались рабами.

Русскіе, явившись къ якутамъ въ качествѣ просвѣтителей, не только не облагородили ихъ, не только не ослабили рабства, но, усвоивъ этотъ обычай сами, еще болѣе укрѣпили его. Рабы

имѣлись, начиная отъ всесильнаго якутскаго воеводы, до послѣдняго казака. Цѣна на раба стояла не особенно высокая до начала нынѣшняго столѣтія, maximum 25 р. ассиг. и фунтъ табаку, minimum 1 р. или бутылка водки. Казаками и чиновнымъ людомъ нерѣдко инородцы всѣхъ возрастовъ обращались въ рабы силой; напр., въ 1733 году Охотскій командиръ Скорняковъ—Писаревъ вмѣстѣ съ поручикомъ Шкадеромъ дѣятельно занимался грабежами и всякаго рода безчинствами надъ жителями г. Якутска. Шкадеръ, желая сохранить награбленное, отправилъ на сохраненіе къ приленскому крестьянину Подымахину вмѣстѣ съ обращенными въ крѣпостные 2-мя русскими и якуткой. Воеводы и служилые, обращая въ рабовъ инородцевъ, не обходили своимъ вниманіемъ и русскихъ; такъ, напр., изъ дѣлъ Олекминскаго комисарства за 1819 годъ видно, что совѣтникомъ Купріяновымъ, умершимъ въ этомъ году, была обращена въ крѣпостные крестьянка Амгинской деревни, Олекминскаго округа, Марья Сократова, водворенная къ мѣсту своего жительства, какъ не имѣющая узаконеннаго вида. Какъ Сократова сдѣлалась крѣпостной, и почему для нея потребовался видъ только послѣ смерти Купріянова, и почему у нея не порвана была связь съ обществомъ крестьянъ д. Амгинской? Разъясненія въ дѣлѣ я не нашелъ.

Помимо захвата силой рабовъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ практиковалось еще одно могущественное средство русскимъ правящимъ классомъ и даже крестьянами,—это было крещеніе, дававшее право не только крещеннаго инородца обращать въ раба, но и передавать его по наслѣдству родственникамъ. Продажа рабовъ въ то время была явленіемъ самымъ обыкновеннымъ и даже освящена закономъ, въ силу котораго каждый казакъ имѣлъ рабовъ, проигрывалъ ихъ въ карты и снова ловилъ ихъ. Худое то было время, говорятъ старые якуты, слышавшіе разсказы своихъ дѣдовъ. Бывало, говорятъ они, если пріѣзжалъ зачѣмъ либо казакъ въ улусъ или чиновникъ, всѣ старались прятаться отъ нихъ, чтобы не быть замѣченными. Случалось, для того, чтобы избавиться отъ придирокъ начальства, инородцы въ видѣ взятки дарили своихъ несовершеннолѣтнихъ дочерей и незамужнихъ женщинъ. Первыя изъ нихъ воспитывались до совершеннолѣтія въ домахъ своихъ господъ и поступали къ нимъ въ качествѣ наложницъ, а послѣднія поступали прямо въ дома терпимости, принося барыши своимъ господамъ. Такъ, по словамъ составителя житія св. Инокентія Иркутскаго, большинство сибирскихъ колоній въ то время походило на огромныя дома терпимости. По городамъ воеводы и другіе приказные люди держали цѣлыя ватаги женщинъ и дѣвушекъ для себя и своихъ приближенныхъ и продавали ихъ русскимъ и инородцамъ. Часто отцы семействъ продавали и закладывали своихъ женъ и дочерей и другихъ родственницъ. Распространился даже обычай отдачи своихъ женъ въ кор-

тому, что значитъ временное пользованіе за плату. [1]) Обычай отдачи своихъ женъ и любовницъ въ кортомное содержаніе и проигрываніе въ карты теперь существуетъ только на золотыхъ промыслахъ между русскими рабочими по Олекминской и Витемской системамъ. Жизнь русскихъ въ Якутской области въ 17 и 18 столѣтіяхъ походила на постоянный праздникъ. Пили всѣ, и старики, и женщины, и дѣти, пили въ кабакахъ, на гуляньѣ, въ полѣ, пили вездѣ, гдѣ можно было пить. Причина пьянства тогда и теперь у русскихъ объясняется невысокимъ умственнымъ и нравственнымъ цензомъ и отсутствіемъ какихъ бы то ни было идеаловъ. Безпутная жизнь здѣсь втягиваетъ даже людей образованныхъ напр., врачей, предающихся безшабашному пьянству и картежной игрѣ. Спрашивая одного изъ нихъ имѣющаго, дипломъ кандидата естественныхъ наукъ, выданный Петербургскимъ университетомъ и медико-хирургической академіей на степень врача, о причинѣ пьянства, я получилъ такой отвѣтъ: скука, тоска и масса свободнаго времени заставляютъ меня пить, и поневолѣ будешь пить, когда не слышишь ни одного живого слова.

Тоёны, видя разнузданные нравы завоевателей, административную анархію и безнаказанность за всякія преступленія, если давать подарки правящимъ классамъ, и сами не дремали на поприщѣ порабощенія своихъ сородичей. Рабство, будучи признано закономъ, оффиціально продолжало существовать до начала этого столѣтія, но негласно оно никогда не прекращалось, по крайней мѣрѣ это можно отнести къ Олекминскому и Вилюйскому округамъ, тѣсно связаннымъ между собой по своему географическому положенію. Изъ нихъ Вилюйскій округъ является поставщикомъ мальчиковъ и дѣвочекъ для Олекминскихъ тоёновъ, знакомыхъ съ изнанкой цивилизаціи. Бѣдные Вилюйскіе якуты продаютъ имъ своихъ дѣтей по 10—15 р., а иногда, случается, и дешевле. Купивъ ола (сына), видоизмѣненнаго кулута, тоёнъ отсылаетъ его жить въ юрту вмѣстѣ съ тематами, считая неприличнымъ и унизительнымъ для себя, чтобы онъ жилъ подъ одной кровлей въ богатоубранныхъ аппартаментахъ, каждодневно награждаетъ его подзатыльниками и сокрушаетъ ему ребра. Кулутъ-ола, сынъ-рабъ, если можно такъ сказать, выведенный изъ терпѣнія дурнымъ обращеніемъ тоёна и понявъ смыслъ нашего законодательства, ограждающаго его права, приноситъ жалобу въ родовыя управленія и инородную управу, гдѣ правосудіе не всегда оказывается жалующимся, потому что тоёнъ всегда сумѣетъ оказать нравственное давленіе на отправителей правосудія, и жалующійся окажется виновнымъ. Такъ недавно и случилось съ усыновленнымъ вліятельнаго тоёна Максимова, Василіемъ, съ жалобы котораго я списалъ копію, вотъ она: Его Высокоблагородію г. Олекминскому Окружно-

[1]) Житіе св. Иннокентія Иркутскаго, изд. 2-е 1879 г., стр. 49

му Исправнику, усыновленнаго инородцемъ 1 Меитскаго наслега Иваномъ Максимовымъ, Василья и жены его Парасковьи. Прошеніе. Извѣстно Вашему Высокоблагородію, что инородецъ Иванъ Максимовъ, бывшій голова, жестоко обходится съ своими усыновленными дѣтьми; какъ онъ, такъ и жена его бьютъ чѣмъ попало; напр., у работницы Степаниды, приносившей вамъ жалобу, были переломлены пальцы рукъ, и ему все это сходитъ съ рукъ благополучно, потому что онъ человѣкъ вліятельный. 24-го сего сентебря къ Максимову заѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій Шахурдинъ. Желая чѣмъ либо угостить г. Шахурдина, жена Максимова, Дарья, зашла на кухню и велѣла моей женѣ Прасковьѣ сварить супъ, что и было исполнено безпрекословно, спустя не много времени зашелъ туда самъ Максимовъ и спросилъ: ты что готовишь? Супъ, отвѣчала моя жена, твоя Дарья велѣла приготовить супъ. Послѣ этого жена Максимова, войдя на кухню, взяла изъ рукъ моей жены горячій супъ и разливательной ложкой стала супъ кипятокъ лить на голову и плескать въ лицо ей, слѣды на которомъ виднѣются до сего времени; причемъ были свидѣтели инородки Марья и Катерина, фамиліи которыхъ моя жена не знаетъ. Максимовъ же въ это время билъ меня жестоко, приговаривая, что если и убить тебя, то не дорого будетъ стоить, намекая на то, что ему, какъ богатому инородцу, законъ—ничто, и вытолкалъ вонъ изъ дома, говоря при этомъ, что я тебя привяжу къ столбу и не такъ буду бить. Дарья Максимова на другой день мою беременную жену еще разъ била и приговаривала: когда ты родишь, то я съ твоей спины всю шкуру спущу, а если и умрешь, отвѣчать не буду. Боясь дальнѣйшихъ истязаній, мы ушли изъ дома Максимова съ жалобой къ старшинѣ Кятчинскаго наслега, который вмѣсто того, чтобы удовлетворить жалобу сказалъ: Максимову я ничего не могу сдѣлать, потому что онъ выше меня стоитъ, значитъ и жалобы вашей разобрать не могу. Послѣ этого мы приносили жалобу Вашего Высокоблагородія помощнику, который, выслушавъ ее, только и сказалъ, что мы безпаспортные. Теперь же мы принуждены просить законной защиты у Вашего Высокоблагородія, такъ какъ мы жить у Максимова ни подъ какимъ предлогомъ не желаемъ изъ боязни лишиться жизни; но такъ какъ собственныя вещи наши изъ одежды и спальныхъ принадлежностей удержаны Максимовымъ, поэтому просимъ Ваше Высокоблагородіе, чтобы онъ возвратилъ ихъ намъ чрезъ инородную управу или черезъ старосту Кятчинскаго наслега и выдать билетъ на свободное проживаніе по области, принимая во вниманіе, что мы безплатно работали, я съ 1872 года и жена моя съ 1882 года, получая вмѣсто платы ежедневно подзатыльники. Къ сему прошенію усыновленный инородца Максимова, Василій, а по безграмотству его и по личной просьбѣ руку приложилъ якутскій мѣщанинъ А. Щегловскій".

Прежде якуты продавали и дарили своихъ дѣтей, чтобы изба-

виться, отъ бѣды, нынѣ же продаютъ ихъ отъ нужды и не въ качествѣ кулута, а въ качествѣ усыновленнаго или работника, но сущность рабства остается одна и та-же. Разница между прежнимъ рабствомъ и нынѣшнимъ заключается въ томъ, что прежде кулутъ не имѣлъ права уйти отъ своего господина и могъ быть убитымъ безнаказанно, теперь за все это полагается наказаніе, но сущность дѣла отъ этого мало измѣняется, и какъ усыновленный, такъ и купленный работникъ не выходятъ изъ рабской зависимости до тѣхъ поръ, пока какой либо случай не дастъ возможности расчитаться съ усыновителями, какъ это случилось съ сыновьями Максимова, отъ котораго помимо Василья и Прасковьи въ прошломъ году убѣжало 3 сына. Нерѣдко случается, что для того, чтобы покупкѣ мальчика или дѣвочки придать законную форму, пишутъ расписки или условія. Вотъ одна изъ такихъ расписокъ: „1889 г. ноября 11 дня, нижеподписавшіеся инородецъ Западно-Кангалагскаго улуса, 2-го Немюгинскаго наслега, Матвѣй Филипповъ Давыдовъ далъ сію росписку инородкѣ 2 Меитскаго наслега Авдотьѣ Петровнѣ Корниловой въ томъ, что состою ей должнымъ 60 р., за которые отдаю въ работницы сестру свою на 10 лѣтъ съ 9 мая будущаго 1890 г. Въ случаѣ, если сестра моя Авдотья, имѣющая нынѣ 7 лѣтъ, не пожелаетъ жить, тогда долженъ безпрекословно уплатить деньги сполна; въ томъ по безграмотству его и по личной просьбѣ руку приложилъ инородецъ Павелъ Рѣшетниковъ. Росписка эта во 2 Меитскомъ родовомъ управленіи къ свидѣтельству явлена (м п). Староста И. Корниловъ". Не успѣла 7-лѣтняя работница Авдотья присмотрѣться къ новой своей хозяйкѣ, какъ племянникъ Корниловой, Василій Корниловъ, пользуясь правомъ сильнаго не только захватилъ часть имущества у тетки, но и взялъ себѣ дѣвочку. Ни родовое управленіе, ни инородная управа, ни даже исправникъ спора между племянникомъ и теткой изъ за обладанія дѣвочкой и имуществомъ, какъ и слѣдовало ожидать, не вырѣшили до сего дня.

Рабство, существовавшее у якутовъ до завоеванія русскими, привилось не только къ классамъ привилегированнымъ, но и къ приленскимъ крестьянамъ, поселившимся здѣсь не много ранѣе 5 переписи въ Олекминскомъ округѣ и при Алексѣѣ Михаиловичѣ въ Якутскомъ. Крестьяне, точно также какъ и якуты, продаютъ своихъ дѣтей, а особенно несовершеннолѣтнихъ своихъ дочерей. 6 декабря 1889 г. въ г. Олекминскѣ арестованъ поселенецъ Якутскаго округа Петръ Ивановъ, по частной инниціативѣ, за покупку у крестьянина Титъ-аринской станціи, Куренько, 12 лѣтней его дочери Катерины. Покупатель Ивановъ, чтобы придать законную форму, взялъ отъ Куренько удостовѣреніе, засвидѣтельствованное сельскимъ старостой, въ которомъ сказано, что Ивановъ беретъ Катерину въ обученіе, начавшееся 2 дня спустя послѣ покупки, какъ установлено дознаніемъ, растлѣніемъ. Къ сожалѣнію, виновный не

только не понесъ должнаго наказанія, но былъ освобожденъ въ туже зиму и прошелъ на промысла, если не ошибаюсь уже съ новой жертвой, которую, какъ водится въ данномъ случаѣ, перепродастъ съ барышомъ денежному человѣку. Этотъ постыдный обычай, принятый отъ якутовъ русскимъ населеніемъ, не только привился къ некультурному населенію, объякутившемуся крестьянству, образовавшемуся изъ ссыльно-каторжныхъ, плѣнныхъ поляковъ, стрѣльцовъ и казаковъ, сосланныхъ сюда при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, но и къ мѣстной интеллигенціи, впрочемъ мало чѣмъ отличающейся отъ крестьянъ, развѣ только тѣмъ, что интеллигентъ нашъ умѣетъ читать и писать. Хамначиты и усыновленные какъ отъ тоеновъ убѣгаютъ, такъ и отъ русскихъ. Два года тому назадъ отъ купца Попова, живущаго на Берденской станціи, Олекминскаго округа, убѣжала 13 лѣтняя дѣвочка Настасья Алексѣева, инородка Сунтраскаго улуса, Вилюйскаго округа, купленная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; недавно отъ крестьянина Амгинской деревни, Былкова, убѣжали два усыновленныхъ, потому что усыновитель жестоко обращался съ ними; одинъ изъ нихъ, впрочемъ, вернулся по просьбѣ Былкова во время судебнаго разбирательства въ Олекминской мірской избѣ (она соотвѣтствуетъ волостному правленію), съ такимъ условіемъ, что усыновитель далъ обѣщаніе не бить болѣе усыновленнаго.

Русская народность въ Якутской области, а въ частности и въ Олекминскомъ округѣ, незаключающая въ себѣ никакихъ цивилизующихъ задатковъ, сливаясь съ якутами, испортила ихъ въ нравственномъ отношеніи, нисколько не смягчила ихъ нравовъ. Къ порчѣ нравовъ якутовъ прилагали стараніе всѣ, начиная отъ всесильнаго якутскаго воеводы и кончая поселенцемъ, не исключая и православнаго духовенства, носителя и проповѣдника мира и любви къ ближнему, такъ что и христіанская религія не смягчила рабовладѣльческій характеръ Олекминскаго якута; онъ жестокъ по отношенію къ своему видоизмѣненному кулуту, носящему названіе въ общежитіи хамначита (работника, наемника), или ола (сына). Привязываніе къ столбу хамначитовъ и ола между зажиточными якутами и всевозможныя при томъ истязанія — самое обыкновенное явленіе, и даже, если привязанный подъ ударами наказанія и умретъ, то эта тайна не проникнетъ далѣе стѣнъ родового управленія, а если иногда случается, что она сдѣлается достояніемъ городскихъ обывателей, то объ этомъ поговорятъ, поговорятъ и забудутъ. Такая жестокая расправа удержалась у князцовъ съ своими усыновленными и работниками, только благодаря якутской административной анархіи, господствовавшей съ испоконъ вѣковъ. Но я жестоко бы ошибся, если бы сказалъ, что всѣ якуты, покупающіе дѣтей, или усыновляющіе ихъ, жестоко обращаются съ ними и смотрятъ на нихъ, какъ на кулутовъ. Нѣтъ, многіе изъ нихъ, особенно незажиточные, смотрятъ какъ на своихъ дѣтей, и послѣ

смерти такіе усыновленные дѣлаются наслѣдниками своихъ усыновителей. Объ этомъ я постараюсь собрать точныя свѣдѣнія и непремѣнно сообщить. Теперь мнѣ остается сказать, что рабство у якутовъ развилось по такимъ же историческимъ законамъ, какъ и у другихъ народовъ, и остатки его выражаются въ формѣ покупки женщинъ и дѣтей и въ усыновленіи, для того чтобы обойти существующій законъ. Что же касается древняго рабства, то понятно воспроизвести его нельзя, потому что формы его исчезли безслѣдно.

2. *Умыканіе, когда-то существовавшее у якутовъ* [1]).

Древняя форма брака у якутовъ; заключалась въ похищеніи невѣсты; она была проста, но приготовленія къ этому похищенію обставлялись весьма торжественно Они состояли въ томъ, что отецъ жениха, желая похитить невѣсту изъ иноплеменницъ, потому что такъ когда-то велѣлъ дѣлать родоначальникъ Могохтахъ, созывалъ всѣхъ оюновъ, жившихъ по близости, и сосѣдей. Хозяинъ, въ присутствіи собравшихся гостей, выводилъ изъ стойки жеребца и привязывалъ его къ столбу (коновязи), стоявшему во дворѣ, а изъ юрты въ это время двое молодыхъ почетныхъ людей, еще не женатыхъ, выносили сосудъ (сабарай), наполненный кумысомъ и ставили около коновязи. Въ этотъ моментъ одинъ изъ самыхъ старшихъ оюновъ, самыхъ знаменитыхъ, выдѣляясь изъ толпы, подходилъ къ сабараю, бралъ въ руки пучекъ сѣна или травы, погружалъ въ кумысъ и кропилъ привязаннаго жеребца, обращаясь при этомъ къ богу *Ытыкъ* съ просьбой, чтобы онъ помогъ благополучно похитить невѣсту. Вслѣдъ за этимъ разводили на дворѣ огонь, и тотъ же оюнъ вызывалъ и заклиналъ 40 злыхъ духовъ, причиняющихъ всегда вредъ человѣку, а въ частности, въ случаѣ удачнаго похищенія, не причинили бы вреда новобрачнымъ и не послали бы болѣзней какъ имъ, такъ и потомству. Вотъ духи которые вызывались и заклинались: 1) Хара соронъ тоёнъ (черный орелъ господинъ), 2) Ани буолбутъ хара Джагалынъ (грѣхомъ сдѣлался черный Джагалынъ), 3) Эджигянъ хотунъ ычытэ (Миган-

---

[1]) Замѣтка эта, по моему представляетъ интересъ потому, что въ Олекминскомъ округѣ объ умыканіи невѣстъ преданіе исчезло и Е. Габышевъ явился единственнымъ человѣкомъ, способнымъ передать эту форму брака, такъ что если 70-80 лѣтніе старики умрутъ, то у слѣдующаго поколѣнія уже ничего нельзя будетъ узнать о старинной формѣ брака Что же касается перевода по русски именъ злыхъ духовъ, вызывавшихся оюнами, то откровенно сознаюсь, что онъ крайне неудаченъ, хотя я старался записывать точно со словъ Габышева, который, какъ видно, самъ пропустилъ во многихъ мѣстахъ слова. Переводъ же собственныхъ именъ духовъ не мыслимъ, потому что въ сказкахъ и пѣсняхъ встрѣчается много словъ, значенія которыхъ якуты не знаютъ, и сказочный языкъ—языкъ старый.

ская женщина злой духъ [1]), 4) Таяхтахъ насисыкъ хотунъ Балэй малана кэлтэгей кэляны (по-русски слова не переводимы), 5) Ордахъ нюча тоёнъ (злой русскій начальникъ), 6) Ытыкъ маннехой хотунъ (ытыкъ вертлявая барыня или женщина), 7) Ирюнь огустахъ (бѣлый быкъ), 8) Састъ эттютянъ манабытъ кетяхъ кэтябитъ хотунъ Кистэй (съ головы караулила съ затылка сторожила женщина Кистей), 9) Дже ычытэ буолбутъ Едёнь кюнясъ оюнъ (домовымъ сдѣлался Едень шаманъ), 10) Ерь сюрюкъ буолбутъ атъ чаадай оюнъ (Ерь шаманъ съ чалой лошадью превратился въ струю), 11) Кель ычытэ кереланка тоёнъ (господинъ озерный чертъ выскакиваетъ изъ воды), 12) Хара тэ ычытэ Баянай бай барылахъ (черный лѣшій Баянай, богатый покровитель звѣрей), 13) Солъ ычытэ сэрестюгэсъ кысъ (дорога злого духа какъ витая крученая), 14) ыллыкъ ычытэ ханнисъ тыгызъ олъ(не большой холмъ злаго духа, какъ вертлявый парень), 15) Кюню керсеръ кусаганъ комисаръ? (Видитъ еще солнце злой комисаръ?), 16) Кюляръ Туччитъ (смѣется Туччитъ), 17) Тыны кытта сыляяръ тырылай Туччитъ (дыханіе со свѣтомъ (соединено) у Туччитъ) [2]), 18) Тырбыяхситъ (телятина), 19) Сэттэ ычытэ (злой духъ стѣны), 20) Сары бэргэсэ (изъ ровдуги шапка), 21 Аи буолбутъ бура дохсунъ (безгрѣшный сдѣлался строптивымъ), 22) Былытъ кигэ кыскэйданъ Удаганъ (Удаганъ облака дочь), 23) Отъ мастъ ычытэ кётяхъ ёттютянъ кэтябитъ кэха буха джоннарбутъ (злой духъ сѣна и лѣса, кукушка со стороны затылка караулитъ (людей), 25) Басъ эттютянъ манабытъ (караулитъ со стороны головы) [3]), 26) Охчо ахтыбытъ (вспоминали Охчо) [4]), 27) Тёлёно тураччи Тургэнъ (Тургенъ стоячее пламя), 28) Тарасита болбутъ (обморокомъ сдѣлался) [5]), 29) Кыбыты болбутъ кынчарганъ кизъ (быстро смотритъ дѣвушка завязнувшая между двумя) [6]), 30) Тора тосахъ кугасъ ынахтахъ Тогойданъ тоёнъ, (господина Тогойдана рыжая корова, (имѣющая) пятна поперегъ лба), 31) Тоенъ ыгыэ багыгаръ олороръ чоботыллахъ тогойдонъ тыллахъ (господинъ ыгыэ, скороговоръ въ головахъ сидитъ съ выпуклымъ языкомъ), 32) Уаръ оллахъ олусхаръ тоёнъ Угаръ кыстахъ Джансаръ хотунъ (Уаръ безъ жены имѣлъ сына господина Угара съ дѣвицей Джансаръ (превратившейся въ женщину), 33) Кёртъ богана тердюгэръ Агыя хотунъ (женщина Агыя (имѣла 4 столба на верху), 34) Хара долонъ ычытэ, Укланъ тоенъ (господинъ Укланъ злой духъ, черный соколъ), 35 Хара тэ ычытэ Обланъ тоенъ юряхъ, юряхъ ычытэ, Ыргачанъ хотунъ (тем-

---

[1]) Это такъ называемая жиганская Огропела.
[2]) Туччитъ собств. имя, не переводимое по-русски.
[3]) Кто караулитъ, неизвѣстно. Вѣроятно, собственное имя, при передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому, утратилось.
[4]) Охчо—собственное имя.
[5]) Собственное имя вѣроятно также затерялось.
[6]) Между чѣмъ? Вѣроятно какое-то слово опущено.

наго лѣса злой духъ, Обланъ господинъ рѣчки, рѣчка злой духъ Ыргачанъ женщина), 36) Тогусъ Тото, тёрдё нотогой олъ (девятый Тото, сверху брюхатый сынъ), 37 Сэттэ Бэрлэй тёрдё дилбинъ кизъ (у дѣвушки Бэрлэй на верху 7 клѣтокъ), 38) Боръ баръ малахай тоёнъ (глина есть у плѣшиваго господина), 39) Кёхъ абрэнь сёгёляхъ сюля бай тоёнъ (синій, корявый со скотомъ, очень богатый господинъ), 40) Кюрюджахтахъ бордахъ састыхтахъ бордахъ хорурдахъ Орсонъ Дурэй тоёнъ (съ глиняной лопатой, съ желѣзной маленькой лопаткой Орсонъ Дурэй господинъ).

Всѣхъ этихъ 40 духовъ въ состояніи были вызывать и заклинать только самые знаменитые оюны, другіе же вызывали ихъ не болѣе, 10—15. Оюнъ, вызывавшій 40 духовъ, отрѣзывалъ, будто бы, себѣ голову, сажалъ ее на остроконечную палку, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять приставлялъ ее себѣ на плечи.

Кончивъ вызываніе и заклинаніе духовъ, оюнъ объявлялъ всѣмъ присутствовавшимъ во всеуслышаніе: «юсь тугуллухъ солга», что значитъ по русски: 39 дорогъ; фраза эта понималась еще такъ: оюнъ такъ далеко прогналъ злыхъ духовъ, что они находяться теперь за 39 дорогами и болѣе никогда на это мѣсто не вернутся. Послѣ этого отвязывали жеребца, посвященнаго ытыку, и отпускали его на волю, которой онъ пользовался до тѣхъ поръ, пока не издыхалъ. Такого жеребца никто не смѣлъ бить, и всякаго, ударившаго его палкой, постигало несчастіе.

Если отецъ невѣсты узнавалъ о готовящемся нападеніи, онъ также созывалъ оюновъ и сосѣдей и также созывались и заклинались духи, но только съ тою разницею, чтобы они не мѣшали отразить нападеніе.

Отпустивъ посвященнаго ытыку жеребца, отрядъ жениха садился на коней, захвативъ съ собой съѣстные припасы, кумысъ и подарки на всякій случай, вооружась луками, батасами (кинжалами, надѣвавшимися на палку и напоминавшими по своему устройству казацкую пику), ножами и кортиками, отправлялись въ путь, предводительствуемые оюномъ. Пріѣхавъ во дворъ невѣсты, всѣ становились въ рядъ около столба (коновязи). Навстрѣчу пріѣхавшимъ выходилъ изъ дома невѣсты тоже вооруженный отрядъ и становился въ ряды напротивъ враждебнаго отряда. По знаку оюновъ-предводителей начиналась стрѣльба въ цѣль изъ луковъ, или борьба двухъ силачей, выставленныхъ съ той и другой стороны, или драка стѣна со стѣной, т. е. отряда съ отрядомъ. Если въ борьбѣ побѣдительницей оказывалась стѣна жениха, она врывалась въ юрту, гдѣ сидѣла невѣста, которая и увозилась женихомъ, возвращавшимся впереди всѣхъ. Но если побѣда была на сторонѣ невѣсты, тогда горе было побѣжденнымъ. Побѣжденные старались укротить гнѣвъ побѣдителей, угощали кумысомъ, разными кушаньями и дарили цѣнныя вещи. Побѣдители, случалось убивали всѣхъ побѣжденныхъ. Случалось, что женихъ нападалъ на юр-

ту невѣсты нечаянно, что случалось часто, и увозилъ ее; тогда отецъ и родственники невѣсты созывали сосѣдей, вооружась ѣхали въ погоню, для того чтобы отбить похищенную, и, понятно, дѣло иногда кончалось убитыми съ обѣихъ сторонъ.

Побѣдитель женихъ, какъ я сказалъ выше, ѣхалъ съ невѣстой впереди отряда, не оглядываясь назадъ. Пріѣхавъ во дворъ юрты, снималъ съ лошади невѣсту, становился съ ней рядомъ предъ входомъ въ юрту, изъ которой выходила мать и благословляла новобрачныхъ. Благословеніе состояло въ томъ, что она бросала въ лица жениха и невѣсты дорогими шкурами или какими-либо цѣнными вещами, обращаясь при этомъ къ богамъ *Эяхситъ, Джогогою и Джукаку*, чтобы они наградили богатствомъ новобрачныхъ, а также дѣтьми и скотомъ. Оюнъ въ этотъ моментъ, вошедшій первымъ въ юрту, предъ горящимъ каминомъ просилъ тѣхъ же боговъ, которыхъ просила о томъ же мать жениха, и, окончивъ просительную молитву, бралъ изъ камелька (камина) пепла, посыпалъ порогъ юрты, чрезъ который должны были перешагнуть новобрачные, выходилъ во дворъ, бралъ за руку жениха и невѣсту, лицо которой было закрыто какой-либо шкурой или шапкой и вводилъ въ юрту; здѣсь женихъ отводилъ ее въ укромный уголъ, обыкновенно за печку, гдѣ она сидѣла одиноко, всегда закрытая, и никто не имѣлъ права входить къ ней кромѣ мужа. Безъ покрывала она никогда не выходила изъ своего угла во дворъ или на работу. Это такъ дѣлалось для того, чтобы не видѣлъ лица ея свекоръ и лебедь, относимый къ божеству, который похищалъ красивыхъ женщинъ. Молодая женщина ходила закрытой нерѣдко 3—4 года, или до тѣхъ поръ, пока не рождался у нея ребенокъ.

Женихъ, похитившій невѣсту, спустя годъ или два послѣ похищенія, дѣлалъ визитъ тестю, продолжавшійся 3 дня; причемъ онъ не раздѣвался во все это время, не казалъ ни лица, ни волосъ и не снималъ съ головы шапки съ рогами. Невѣста же въ это время находилась дома и уже послѣ возвращенія мужа ѣхала вмѣстѣ съ нимъ къ своимъ родителямъ и также не показывала своего лица никому. Шапка ея была съ серебряной или мѣдной бляхой.

Эта форма брака записана мною со словъ родовича Олекминскаго улуса, Маджегарскаго наслега, Мокушкина рода, Егора Габышева, извѣстнаго въ округѣ сказочника, пѣвца и хранителя старинныхъ обычаевъ предковъ.

М. Овчинниковъ.

Памяти А. Ѳ. Гильфердинга.

(Къ двадцатипятилѣтвей годовщинѣ его смерти).

Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ въ Олонецкомъ краѣ появился нѣсколько необычный „генералъ“, особенно неутомимо преслѣдовавшій мѣстныхъ пѣвцовъ былинъ, т. н. сказителей. Сохранился „неоцѣнимый по своему простодушію“ [1]) разсказъ о знакомствѣ съ нимъ одного изъ такихъ сказителей, Касьянова [2]). Послѣдняго, не смотря на рабочую пору, какъ онъ самъ передаетъ, „понудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ. Это болѣе привело въ удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былины: говорили между собой, что господамъ, должно быть, въ Петербургѣ болѣе дѣлать нечего“... Прибывъ на мѣсто, разсказываетъ Касьяновъ: „поутру явился и размышляю такъ, что наши уѣздные господа становые пристава и разныя служащія лица весьма гордые, и думалъ, какъ явлюсь я къ генералу, беретъ страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю: А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ думается, и не взыщетъ“. Ободрило Касьянова знакомство съ „генеральскимъ“ камердинеромъ, „который собою очень привѣтливый и скромный... должно быть, хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ“, замѣчаетъ Касьяновъ. „Самъ Александръ Ѳедоровичъ, продолжаетъ Касьяновъ, принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ“. Эта робость вскорѣ прошла; появился чай, и, когда выпилъ я, Касьяновъ, стаканъ чаю, то поосвѣжился духомъ, какъ будто стало и посмѣлѣе... А на другой день мнѣ было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видя, что это онъ человѣкъ очень скромный, смирный и ласковый, и размышляю про себя: должно быть, господа—что чинъ выше, то и добрѣе“. За угощеніемъ слѣдовало сказываніе былинъ, подъ вечеръ прогулка вмѣстѣ, во время которой спутникъ Касьянова удѣляетъ вниманіе и мѣстнымъ условіямъ жизни. Между тѣмъ является еще одинъ сказитель и выслушивает-

---

[1]) „Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ“ Бестужева-Рюмина. Онежскія былины, изд. второе, т. 1, стр. XX, прим.

[2]) „Воспоминаніе крестьянина (Ивана Аникіевича Касьянова) объ А. Ѳ. Гильфердингѣ“. Р. Старина 1872 г. № 12.

ся новая былина; просматривается старая грамота и выслушивается объясненіе, „что значитъ пядина лѣсу и сколько занимаетъ мѣста“. Для характеристики отношеній, установившихся между новыми знакомыми, небезынтересенъ еще слѣдующій эпизодъ, случившійся при ихъ прощальномъ чаепитіи. „Позвольте мнѣ поближе къ самовару, попросилъ Касьяновъ: тамъ мнѣ повыгоднѣе будетъ: здѣсь стаканъ, два, а три и то много, а тамъ и пятокъ—такъ ничего“.

Едва ли послѣ всего этого нужно будетъ прибавлять, что далеко не изъ-за щедраго только вознагражденія денежнаго Касьяновъ своего отъѣзжающаго „генерала“ „проводилъ глазамы, покуда было можно видѣть“.

Этотъ „генералъ“ былъ извѣстный славистъ, видный общественный дѣятель, глубокій и самоотверженный этнографъ, своею жизнью заплатившій за тѣ пріобрѣтенья, которыя онъ сдѣлалъ для родной науки; это былъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

Славянофильство воспитало въ немъ интересъ къ народности; обширная эрудиція сдѣлала изъ него народника—ученаго; занятія исторіей, останавливавшіяся особенно надъ явленіями внутренней жизни народовъ, давали ему историческую перспективу, необходимую для правильнаго отношенія къ современнымъ даннымъ народной жизни; ученая и дипломатическая практическая дѣятельность въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи была, можно сказать, провѣркой и завершеніемъ его теоретической подготовки; она раскрыла предъ Гильфердингомъ замѣчательное поле для изученія и, что весьма важно, самый вопросъ о народности представила во всемъ его, бьющемъ въ глаза, жизненномъ значеніи, чуждомъ какъ кабинетнаго подкрашиванія, такъ и такого же игнорированія. Разносторонняя не только ученая, но и общественная дѣятельность содѣйствовала широтѣ взглядовъ Гильфердинга; смѣлость и глубина мысли, а также рѣдкая ясность и отчетливость ея, сообщали всѣмъ трудамъ Гильфердинга глубокій общій интересъ, интересъ широкихъ картинъ, мастерскихъ обобщеній, остроумныхъ соображеній, смѣлыхъ догадокъ, которыя если и не всегда оправдываются наукой, то зато всегда двигаютъ ее дальше. Ко всему этому прибавьте замѣтную въ самыхъ сухихъ изслѣдованіяхъ свѣжесть—отраженіе природной живости ума и характера Гильфердинга, и ту непринужденность, которая являлась слѣдствіемъ замѣчательной легкости, съ какою „давалась самая многосложная работа этому человѣку“.

Такого-то изслѣдователя счастливая случайность сдѣлала завершителемъ „собирательнаго“ періода въ исторіи русскаго былеваго эпоса, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ трудѣ Гильфердинга, посвященномъ былинамъ, всѣ отличительныя качества этого изслѣдователя собрались какъ бы въ оптическомъ фокусѣ и проявились въ полномъ блескѣ.

А. Ѳ. Гильфердингу давно хотѣлось побывать на нашемъ сѣверѣ, сдѣлавшемся особенно интереснымъ послѣ открытія тамъ П. Н. Рыбниковымъ замѣчательныхъ сказителей. Къ простой любознательности здѣсь могло примѣшиваться желаніе провѣрить Рыбникова, такъ какъ сборникъ былинъ послѣдняго вызвалъ было сильное недовѣріе въ обществѣ. 1871 г. 30 іюня Гильфердингъ началъ свое путешествіе по Олонецкому краю и

окончилъ его 27 августа. „Имѣя въ виду, что сборникъ Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, говоритъ Гильфердингъ, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣкоторыми сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя“[1]). Именно, первый же сказитель, на котораго натолкнулся Гильфердингъ, оказался раскольникомъ, между тѣмъ какъ, по утвержденію Рыбникова, у раскольниковъ нельзя было найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса. Гильфердингъ совершенно основательно сталъ подозрѣвать (а потомъ вполнѣ убѣдился), что Рыбниковъ не могъ ничего найти у раскольниковъ по своему личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Гильфердингъ побывалъ въ самомъ центрѣ раскольничьяго населенія и, благодаря своему такту въ обращеніи съ раскольниками, встрѣтилъ у нихъ самый радушный пріемъ и значительно пополнилъ запасъ былинъ Рыбникова. Много помогло Гильфердингу и то, что случайно онъ нашелъ себѣ спутника въ лицѣ крестьянина, имѣвшаго знакомыхъ во всѣхъ углахъ Заонежья. Благодаря ему, устранялось недовѣріе, съ которымъ олончане обыкновенно смотрѣли на пріѣзжаго изъ Петербурга; тотъ же крестьянинъ, пока Гильфердингъ гдѣ-нибудь записывалъ былины, ходилъ, бывало, верстъ за 40—50 „доставать“ новыхъ сказителей. Потомъ молва о щедромъ собирателѣ старинныхъ пѣсенъ приводила и такихъ, про которыхъ ни Гильфердингъ, ни его спутникъ и не знали. Матеріалу набиралась масса и случалось такъ, что инымъ сказителямъ приходилось ждать по два и по три дня, между тѣмъ какъ Гильфердингъ записывалъ былины до полнаго физическаго утомленія. Въ результатѣ, въ 48 дней было прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ біографіи, записано и провѣрено 318 былинъ. Составилась рукопись въ 1203 полулиста, писанная вся, отъ первой до послѣдней страницы, рукою Гильфердинга [2]).

На слѣдующій годъ Гильфердингъ снова отправился въ Олонецкій край и, „увлекаемый интересами науки, захотѣлъ пробыть нѣкоторое время между толпой простого народа, прислушаться къ его говору, услышать старинную пѣсню и т. п., а потому отправился до Вытегры на трешкотѣ. Нельзя утверждать положительно, но очень вѣроятно, что здѣсь-то онъ и заразился смертельной болѣзнью“ [3]). 20-го іюня 1872 года онъ скончался въ Каргополѣ, откуда тѣло его было перевезено 4-го іюля въ Петербургъ и похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

—. „Предъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу“, было сказано при погребеніи

---

[1]) „Олонецкая губернія и ея народные рапсоды“. Онежскія былины, 2 изд. стр. 10.

[2]) Предисловіе П. Гильдебрандта къ 1-му изд. Онежскихъ былинъ.

[3]) Письмо изъ Каргополя о болѣзни Гильфердинга. Р. Старина 1872 г. № 10.

Гильфердинга [1]).— „Это былъ служитель науки, знанія“ говорилось тамъ же [2])...„Но наука, которой служилъ почившій, имѣетъ для насъ особенное нравственно-жизненное значеніе. Она касается самаго близкаго къ намъ вопроса,—вопроса о насъ самихъ, о нашей родной странѣ съ ея завѣтными вѣрованіями и преданіями, о нашемъ народѣ и его сродствѣ съ другими единоплеменными народами, о нашемъ внутреннемъ духовномъ складѣ, о нашемъ народномъ характерѣ“. Смерть Гильфердинга явилась одной изъ тѣхъ, которыя не проходятъ незамѣтно для общества, и этнографическая дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни Гильфердинга сыграла здѣсь не малую роль [3]). Если на первыхъ порахъ эта дѣятельность могла представлять нѣсколько случайный интересъ (свѣжесть событія, трагическая участь собирателя, особое вниманіе къ былевому творчеству и стремленіе къ народничеству), то съ послѣдовавшимъ вскорѣ появленіемъ въ печати собраннаго Гильфердингомъ матеріала [4]) она должна была получить болѣе глубокое значеніе. Стало ясно тогда, какую массу труда и умѣнья приложилъ собиратель, какую массу новаго, подчасъ едва уловимаго на первый взглядъ, сумѣлъ извлечь онъ оттуда, гдѣ уже была собрана обильная жатва! Значеніе „Онежскихъ былинъ“ особенно замѣтно, когда мы обращаемся къ тому, что было до Гильфердинга и что, если такъ можно выразиться, Гильфердингъ завѣщалъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

Уже въ древней письменности находимъ записи былинъ; но былины тогда разсматривались, какъ матеріалъ, конечно, не этнографическій, а простой повѣствовательный, способный доставить нѣкоторое развлеченіе; потому-то и формой, и самымъ названіемъ онѣ тяготѣли къ различнымъ сказаніямъ, повѣстямъ, словамъ—преобладающему тогда виду книжной словесности.

Отличны по формѣ, одинаковы по цѣлямъ изданія былевого матеріала въ XVIII вѣкѣ. Съ одной стороны, герои и героини нашего былевого эпоса являлись только для нѣкоторой національзаціи подчасъ совершенно фантастическихъ происшествій; съ другой стороны, былины входили въ столь распространенные въ XVIII и началѣ XIX-го вв. пѣсенники, о характерѣ и назначеніи которыхъ можно судить по заглавію лучшаго изъ нихъ: „Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ пѣсни Любовныя, Пастушескія, Шутливыя, Простонародныя, Хоральныя, Свадебныя, Святочныя, съ присовокупленіемъ Пѣсенъ изъ разныхъ Россійскихъ Оперъ и Комедій“. Нельзя впрочемъ отрицать того, что и въ XVIII в. уже пробивалось сознаніе, что памятники народнаго творчества сущест-

---

[1]) Рѣчь ректора СПБ. Дух. Семинаріи, Хрисанѳа. Р. Старина № 10 1872 г.

[2]) Ibid.

[3]) Кромѣ цитованна о ср. некрологи: въ Голосѣ, 1872 г № 53, Бестужева Рюмина; въ Вѣстникѣ Европы, 1872 г. № 8; Биржевыя Вѣдомости 1872 г. № 170; СПетербургскія Вѣдомости 1872 г №№ 168, 195; и др.

[4]) „Онежскія, былины, записанныя Александромъ Ѳедоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г.“ СПБ. 1873.

вуютъ не для одного только удовольствія любителей пріятнаго и веселаго препровожденія времени, но развиться это сознаніе еще не успѣло.

Къ тому же XVIII в. восходитъ загадочный сборникъ, носящій имя Кирши Данилова [1]). Среди прочихъ, современныхъ ему сборниковъ, онъ стоитъ особнякомъ, такъ какъ представляетъ„ записи текстовъ, удовлетворяющія научнымъ требованіямъ — до извѣстной степени, конечно, но мы должны помнить о трудности записыванія былинъ". Первый издатель этого сборника, Якубовичъ, остался всецѣло на почвѣ XVIII в.; второй, извѣстный Калайдовичъ, очутился на перепутьѣ двухъ дорогъ: онъ то разсматриваетъ издаваемый имъ сборникъ, какъ этнографическій матеріалъ, имѣющій свой особый критерій, то предъявляетъ къ нему литературныя требованія XVIII вѣка и серьезно упрекаетъ Киршу Данилова въ томъ, что тотъ „даже цѣлыя семь пѣсенъ пустилъ по тому пути, на коемъ впослѣдствіи прославился Барковъ".

Первымъ этнографомъ-собирателемъ явился Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, съ изумительнымъ трудолюбіемъ и любовью къ дѣлу собиравшій, начиная съ тридцатыхъ годовъ, громадный матеріалъ, который, къ сожалѣнію, ему самому почти вовсе не удалось издать. За Кирѣевскимъ остается слава первой широкой постановки этнографическихъ разысканій, ближайшій результатъ которой въ исторіи русскаго эпоса былъ тотъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ позднѣе уже ничего нельзя было найти, были подобраны хотя послѣднія крохи разлагающихся и замирающихъ былинъ. Кирѣевскій отчасти самъ записывалъ былины, отчасти для него это дѣлали другіе. Первое необходимо для практическаго ознакомленія съ изучаемымъ матеріаломъ въ его источникѣ; второе для св его времени было важно потому, что распространяло интересъ къ этнографіи и прививало мѣстныя этнографическія изслѣдованія. Въ этомъ второмъ отношеніи несомнѣнное значеніе принадлежитъ и Сахарову, съ его нашумѣвшими изданіями, а позднѣе И. И. Срезневскому, въ его трудахъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ. Какъ издатель, Сахаровъ не далеко ушелъ отъ XVIII в., да и Кирѣевскій былъ не безгрѣшенъ, потому что позволялъ себѣ составлять изъ многихъ варіантовъ одинъ общій текстъ, выбирая изъ каждаго ва іанта тотъ стихъ, который казался ему наилучшимъ. Въ ту пору наука еще не дошла до бережнаго обращенія съ изслѣдуемымъ этнографическимъ матеріаломъ, и еще отзывалась та эпоха, когда изъ-за побужденій, имѣющихъ съ наукой мало общаго, допускались даже подлоги.

Мало интересовались тогда и тѣми условіями, въ которыхъ находили этотъ матеріалъ, и съ большей охотой старались разыскивать въ немъ отраженія идиллій добраго стараго времени, чѣмъ вникнуть въ современную связь народнаго творчества и народнаго быта.

---

[1]) Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Москва 1818 г. (второе дополн. изд., первое—1804) Ср. П. Н. Шеффера. Замѣтку о сборникѣ Кирши Данилова, II т. 1 кн. Извѣстій Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ.

Издатель матеріаловъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, П. А. Безсоновъ, задумалъ грандіозное дѣло: опираясь на собраніе Кирѣевскаго и на пѣсни и сказки, извѣстныя по другимъ изданіямъ, онъ хотѣлъ дать народно-поэтическую исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ по XIX в. включительно. Предпріятіе было доведено до конца... но уже при самомъ началѣ обнаружилась и несостоятельность его. Былевой матеріалъ, извѣстный дотолѣ, оказался лишь малою частью, да и то не лучшею, того, что хранилось еще въ народной памяти, и никакъ не укладывался въ тѣ рамки, въ которыя хотѣлъ втиснуть его г. Безсоновъ. Получилось громоздкое изданіе съ неособенно удачно систематизированнымъ матеріаломъ и замѣтками издателя, длинными до утомленія и рискованными до ненаучности.

Почти въ одно время съ „Пѣснями, собранными П. В. Кирѣевскимъ“ появились въ печати „Пѣсни, собранныя П.Н. Рыбниковымъ“. Рыбникову выпало на долю раскрыть для науки богатѣйшія сокровища Олонецкаго края, этой Исландіи нашего былевого эпоса, но самая грандіозность матеріала подавила изслѣдователя, который явился не господиномъ его, а скорѣе рабомъ. Самая точность Рыбникова не безъ оттѣнка формализма: Рыбниковъ далъ тексты, безусловно точные по содержанію, но лишенные духа живого. Записи Рыбникова, если позволено будетъ прибѣгнуть къ аллегоріи, это сказочный мертвецъ, уже спрыснутый мертвой водой, но еще ожидающій живой воды. Рыбниковъ удержался отъ рискованныхъ обработокъ, допущенныхъ, напримѣръ, Кирѣевскимъ,—и въ этомъ его заслуга; но онъ не возвысился до той широты взгляда, которая позволяетъ устремлять взоръ въ сокровеннѣйшіе тайники изслѣдуемаго явленія и далѣе его; онъ не имѣлъ также навыка быстро схватывать и запечатлѣвать въ своихъ записяхъ тѣ едва уловимыя черточки, которыя онъ самъ же чувствовалъ и самъ же оцѣнилъ по достоинству,—это его недочетъ. Такъ у Рыбникова пропадаетъ стихъ, языкъ, этнографическое освѣщеніе былинъ; достаточно сказать, что свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какъ были найдены былины, появились лишь въ третьей части изданія, уже послѣ замѣчаній по этому поводу критики, да и то въ далеко неполномъ видѣ. Нельзя поэтому особенно удивляться тому, что открытіе Рыбникова было встрѣчено съ недовѣріемъ.

Но какъ бы тамъ ни было, сборникъ Рыбникова далъ массу новаго матеріала, собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о неожиданно найденной сокровищницѣ русскаго былевого эпоса и подготовилъ дѣятельность Гильфердинга. Выше было уже указано, какъ подъ вліяніемъ Рыбникова Гильфердингъ сдѣлался собирателемъ былинъ. Рыбниковъ же далъ Гильфердингу первоначальныя свѣдѣнія о сказителяхъ; онъ же намѣтилъ значеніе въ былинахъ личности сказителей и значеніе записей по пѣтому, а не по сказываемому. Всѣмъ этимъ замѣчательно воспользовался Гильфердингъ и мастерски развилъ въ цѣлую систему. Его записи, производившіяся не съ пословесной передачи былины, какъ у Рыбникова, а по пѣтому, буквально передаютъ не только содержаніе, но и самый складъ былины, ея форму, духъ, языкъ. Это одна сторона дѣла; не менѣе важнымъ было тщательное освѣщеніе не только современнаго, но отчасти и былого положенія былинъ

въ краѣ, сдѣланное къ тому же на фонѣ общей картины, о которой одинъ изъ авторитетныхъ нашихъ ученыхъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Изслѣдователь понялъ свою задачу такъ широко и серьезно, какъ только можно было желать: спеціальная задача не закрыла отъ него вопроса о цѣломъ бытѣ видѣннаго имъ народа, и онъ относится къ этому народу съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ разумѣніемъ его тяжелыхъ нуждъ, говоритъ о нихъ съ такой убѣдительностью и, иногда, такой смѣлостью, которыя вызывали самое полное сочувствіе. Живое сближеніе съ народнымъ бытомъ возбуждало въ немъ такое чувство и такія мысли, которыя могли вполнѣ раздѣлить съ нимъ и люди, въ другихъ случаяхъ не раздѣлявшіе его мнѣнія". [1])

Вообще своими этнографическими разысканіями Гильфердингъ далъ богатѣйшій матеріалъ для цѣлаго ряда разнообразныхъ вопросовъ, изъ которыхъ большинство было имъ же намѣчено и отчасти разрѣшено. Такъ, Гильфердингомъ были раскрыты условія сохраненія въ народѣ былевого эпоса и объяснено то, почему послѣдній удержался въ Олонецкомъ краѣ тогда какъ давно уже замеръ въ другихъ мѣстахъ. Было подмѣчено также, какъ усвоиваются былины отдѣльными сказителями, какъ вымираютъ въ однихъ мѣстахъ Онежскаго края и живутъ полною жизнью въ другихъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ понимать эту жизнь былинъ; во всякомъ случаѣ, Гильфердингомъ былъ поднятъ вопросъ первостепенной важности, и если бы добытыя Гильфердингомъ современныя и нѣкоторыя историческія данныя о положеніи эпоса въ извѣстномъ районѣ систематически пополнялись отъ времени до времени, то мы теперь имѣли бы весьма цѣнные матеріалы для исторіи нашего эпоса. Сюда надо прибавить вопросъ о сказителяхъ, Гильфердингомъ выясненный во всемъ значеніи; собранныя Рыбниковымъ и Гильфердингомъ свѣдѣнія о нихъ до сихъ поръ, за немногими случайными сообщеніями, являются единственными. А, между тѣмъ, безъ такихъ данныхъ односторонними выйдутъ рѣшенія общихъ вопросовъ, вродѣ вопроса о степени устойчивости нашего былевого эпоса,—о происхожденіи его различныхъ культурныхъ слоевъ,—о томъ въ какомъ отношеніи къ нему находится простой народъ, является ли этотъ народъ творцомъ былинъ или только хранителемъ ихъ и, если вѣрно второе, то въ какой степени.

До Гильфердинга стихотворный размѣръ былинъ подлежалъ большому сомнѣнію; записи Гильфердинга не только устранили это сомнѣніе, но и раскрыли присутствіе даже не одного, а нѣсколькихъ размѣровъ, намѣченныхъ самимъ собирателемъ, впрочемъ, по устарѣлому методу. Точное сохраненіе стиха, между прочимъ, важно потому, что содѣйствуетъ лучшей выдержанности языка; а такъ какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, то въ записяхъ даже XIX в. на ряду съ современными особенностями мѣстныхъ говоровъ должны были сохраниться и древнія особенности, этимологическія и синтаксическія. Этотъ вопросъ также стоило бы сдѣлать предметомъ особаго изслѣдованія, и судя потому, что, напримѣръ, проф. Собо-

[1]) А. Н. Пыпинъ. Вѣстникъ Европы 1872 г. № 8 стр. 906.

левскій и проф. Владиміровъ уже отличали въ былинахъ остатки старыхъ формъ, старанія не остались бы безплодными. [1]).

Особаго вниманія заслуживаетъ у Гильфердинга расположеніе былинъ не по богатырямъ или сюжетамъ, а по сказителямъ. Это распредѣленіе имѣетъ прежде всего то частное значеніе, что оттѣняетъ личное вліяніе сказителей и вводитъ изслѣдователя въ кругъ своего рода литературныхъ школъ; но съ нимъ же связано и нѣчто большее, имѣющее громадное общее значеніе: своимъ распредѣленіемъ былинъ Гильфердингъ отрѣшился отъ господствовавшаго взгляда на былины, какъ на простодушныя преданія старины глубокой, созданныя непосредственнымъ поэтическимъ воодушевленіемъ всего народа и свято передаваемыя отъ предковъ потомкамъ; Гильфердингъ сталъ на ту точку зрѣнія, что какова бы ни была первоначальная основа былины, въ своемъ настоящемъ видѣ эта былина является извѣстнымъ литературнымъ произведеніемъ и какъ таковая прежде всего должна разсматриваться; въ ней мы должны отличать и слѣды извѣстной пѣсенной школы, и индивидуальныя черты ея пѣвцовъ, и литературныя взаимодѣйствія и т. п. Такимъ образомъ, Гильфердингъ, какъ этнографъ-собиратель, сдѣлалъ то, что сдѣлалъ академикъ А. Н. Веселовскій въ роли истолкователя русскаго былевого эпоса.

При выходѣ въ свѣтъ „Онежскихъ Былинъ“ современная имъ критика отозвалась о новомъ изданіи, какъ о замѣчательномъ явленіи въ нашей ученой литературѣ [2]). Но необходимо помнить, что самъ Гильфердингъ считалъ свое изданіе лишь подготовительнымъ. „Я первый, говорилъ онъ, готовъ признать, что окончательное полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ точно такъ же, какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ варіантовъ.“ [3]). Въ настоящее время „Онежскія Былины“ переиздаются Академіей Наукъ, засвидѣтельствовавшей, что данный „самый тщательно составленный сборникъ этихъ произведеній народнаго творчества по праву является необходимымъ предметомъ изученія для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей русской словесности“. [4]) „Онежскія Былины“ переиздаются, за нѣкоторыми добавленіями, не измѣняющими, впрочемъ, характера изданія, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были изданы въ первый разъ; оказывается, слѣдовательно, что для окончательнаго полнаго изданія былинъ не наступило еще время; или, быть можетъ, мы такъ богаты всякаго рода изданіями нашего былевого матеріала, что съ палеографической точностью воспроизводимъ наиболѣе достойныя старыя книги, или, наконецъ, Гильфердингъ ошибся, назвавъ свое

---

[1]) А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. П. В. Владиміровъ. Введеніе въ Исторію Р. Словесности, стр. 193—195.

[2]) См. рецензіи Л. Н. Майкова въ Ж. М. Н. Пр. 1873 г. № 8; Баталина въ Филолог. Запискахъ 1873 г. № 2; Колосова ibid. за 1874 и др.

[3]) Олонецкая губернія и ея нар. рапсоды, стр. 33.

[4]) Предисловіе ко второму изданію.

изданіе подготовительнымъ? Но преизобиліемъ этнографическихъ изданій мы не страдаемъ, а Гильфердингъ не ошибся, такъ какъ избранная имъ система незамѣнима до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ мѣстныхъ собраній и пока на очереди стоятъ вопросы этнографическаго и филологическаго характера, но она недостаточна, когда мы углубляемся въ область историко-литературныхъ изслѣдованій мотивовъ и богатырскихъ цикловъ. Идеальнымъ былъ бы такой ходъ изданій: сначала издаются отдѣльныя собранія по плану Гильфердинга; затѣмъ дѣлается сводное изданіе по мотивамъ, съ тщательнымъ подборомъ варіантовъ былинныхъ и съ указаніями на сходные мотивы въ другихъ пѣсняхъ, сказкахъ и т. п., какъ въ отечественной словесности, такъ и иностранной; наконецъ, собирается все, что касается каждаго отдѣльнаго эпическаго героя, начиная съ былинъ о немъ и кончая самымъ мимолетнымъ упоминаніемъ, гдѣ бы то ни было. Изданія г. Безсоновымъ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, показало, что въ эпоху Гильфердинга такое сводное изданіе было слишкомъ преждевременнымъ, но не такимъ оно представляется теперь. „Онежскими Былинами“ закончился рядъ большихъ сборниковъ; послѣдующія записи лишь повторяли или, въ лучшемъ случаѣ, немного пополняли извѣстное ужё. Въ настоящее время все интересное (по своему содержанію) собрано; изданы также старинныя записи былинъ, даже найдена рукопись Кирши Данилова. Конечно, кое-что будутъ еще не разъ находить, но если ждать, пока будетъ исчерпано рѣшительно все, то кто знаетъ, сколько десятковъ лѣтъ пройдетъ, пока, наконецъ, рѣшатся приступить къ тому, что безъ всякаго ущерба можно было начать и ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если даже преждевременно приступать къ самому изданію сводному, то что мѣшаетъ классифицировать уже извѣстный матеріалъ, составлять указатели и т. п.? Но мы остаемся съ таинственаой рукописью Кирши Данилова, которая неизвѣстно когда появится въ печати, съ вышедшимъ изъ продажи сборникомъ Рыбникова, съ подготовительнымъ переизданіемъ сборника Гильфердинга [1]) и наканунѣ переизданія „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, быть можетъ, со всѣми ихъ неудобствами. Между тѣмъ и собраніе новыхъ матеріаловъ не особенно отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, какія можно прилагать послѣ Гильфердинга. Я разумѣю здѣсь недостаточную точность въ передачѣ текста, и слабость этнографическаго освѣщенія собираемыхъ текстовъ, и случайность записей, а послѣднее является крупнымъ недостаткомъ для того времени, когда приходится заботиться, пожалуй, не столько о пополненіи содержанія, сколько о томъ, чтобъ успѣть побольше добыть свѣдѣній о положеніи въ народѣ хотя обломковъ зданія, бывшаго вѣнцомъ народнаго творчества. Послѣ Гильфердинга началась работа болѣе мелкая, но она могла бы принести крупные результаты, если бы у насъ была цѣлая сѣть этнографическихъ поисковъ, направляемыхъ си-

[1]) Сборники Рыбникова и Гильфердинга такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что ихъ слѣдовало бы переиздавать не иначе, какъ вмѣстѣ, распредѣляя записи Рыбникова, какъ варіанты записей Гильфердинга.

стематически и объединенныхъ одною общею задачею, однимъ общимъ планомъ. 25-лѣтній юбилей одного изъ наиболѣе славныхъ этнографовъ нашихъ, невольно обращающій наше вниманіе на то, что до сихъ поръ сдѣлано имъ и другими, былъ бы достойнымъ поминаемаго стимуломъ вступить на ту дорогу, о которой заповѣдалъ онъ самъ.

1) Хорошо было бы выработать программу для собиранія въ народѣ всего, что имѣетъ какое бы то ни было отношеніе къ былинамъ, и къ собиранію его привлечь, по возможности, больше лицъ, преимущественно изъ мѣстныхъ жителей и знатоковъ края.

2) Начать систематизацію извѣстнаго уже матеріала, содѣйствуя переизданію стараго, по возможности, въ наилучшемъ видѣ, устанавливая подлинность или подложность текстовъ, составляя указатели, частные и общіе, вырабатывая примѣрные планы своднаго изданія былинъ и подбирая матеріалы, которые для этого изданія могутъ понадобиться.

Въ дѣятельности Гильфердинга есть еще одна сторона, на которой я позволю себѣ остановиться въ заключеніе. Отношеніе интеллигенціи къ народу у насъ даже въ области науки подчасъ грѣшитъ или излишней оффиціальностью или же другою крайностью—панибратствомъ. Послѣднее, со всѣми своими тяжелыми результатами, считалось почти неизбѣжнымъ при большемъ сближеніи съ народомъ; его, напримѣръ, придерживался извѣстный ученикъ Кирѣевскаго, Якушкинъ, который и пострадалъ отъ этого, что дало поводъ одному современному критику сдѣлать такое замѣчаніе: „Споилъ его (Якушкина) не кто иной, какъ самъ народъ, въ безчисленныхъ кабакахъ Россійской имперіи, гдѣ онъ записывалъ пѣсни, которыя трудно бывало выудить у русскаго человѣка безъ чарочки водки, но нельзя было также только поить, а не пить самому, становясь съ мужиками на равную ногу“ [1]). Обращеніе Гильфердинга, какъ это, напримѣръ, видно изъ приведеннаго выше воспоминанія Касьянова, было чуждо обѣихъ крайностей и приводило даже едва ли не къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ у Якушкина. Полный сердечности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго внутренняго достоинства, Гильфердингъ умѣлъ затрогивать въ человѣкѣ лучшія его чувства и сближаться на ихъ почвѣ; онъ такимъ образомъ не только имѣлъ счастье избѣжать участія въ своего рода потворствѣ слабостямъ простого люда, но и содѣйствовалъ облагораживанію его, вліяніемъ своей личности, въ высшей степени изящной во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ [2]). Тѣмъ больше довѣрія и симпатіи наукѣ, имѣющей возможность пользоваться только высокогуманными средствами, тѣмъ больше чести служителю ея.

А. М. Лобода.

---

[1]) Исторія новѣйшей русской литературы, А. М. Скабичевскаго, 1891 стр 243.

[2]) Ср. Бестужева-Рюмина въ Голосѣ 1872 № 53.

Θедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

(1818—1897).

I.

Среди замѣчательнаго поколѣнія образованныхъ людей, обезпечившаго за Россіею лучшіе результаты научной и общественной мысли Запада, наблюдаются, сообразно природнымъ склонностямъ и направленію интересовъ различныхъ дѣятелей, извѣстныя умственныя группы и отдѣльно стоящія личности. Къ послѣднимъ принадлежитъ характерная личность недавно скончавшагося Θедора Ивановича Буслаева. Жизнь и дѣятельность его представляютъ примѣръ счастливаго, ничѣмъ не нарушаемаго развитія своеобразныхъ природныхъ дарованій и рано сложившихся склонностей. Это свободное, безпрепятственное развитіе, а равно и необычайно цѣльный и простой складъ личности Буслаева существенно облегчаютъ оцѣнку его научной и общественной заслуги. «Имя г. Буслаева,—писалъ въ 1891 году одинъ изъ лучшихъ историковъ нашего новѣйшаго развитія,—уже теперь становится почетнымъ историческимъ именемъ: рѣдко дѣятельность ученаго бываетъ въ такой степени вся проникнута однимъ общимъ настроеніемъ, и рѣдко это настроеніе бываетъ въ такой степени одушевлено возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбіе подкрѣпляется благородными внушеніями науки» [1]).

Природа надѣлила Буслаева прямою, искреннею натурою и живою впечатлительностью, а судьба поставила его въ условія, содѣйствовавшія спокойному развитію умственныхъ интересовъ. Рѣдкая жажда знанія и любовь въ наукѣ были результатомъ этихъ условій и, по справедливому признанію самого Буслаева, «наполнили всю его жизнь».

Внѣшняя судьба этой жизни чрезвычайно проста. Буслаевъ родился въ полупомѣщичьей, получиновничьей семьѣ, вполнѣ обезпеченной. Рано потерявъ отца, онъ провелъ дѣтскіе и отроческіе годы въ Пензѣ, гдѣ его мать поселилась вскорѣ по смерти мужа. Вліяніе матери является главнымъ и благотворнымъ въ теченіе этихъ лѣтъ жизни Буслаева. Воспоминанія сына и сохранившіяся собственныя письма ея рисуютъ ее женщиной простого, но твердаго нравственнаго склада, патріархально и

[1]) А. Н. Пыпинъ: „Исторія русской этнографіи", т. II. 73.

тепло религіозной, надѣленной доброю и спокойною натурою, большимъ здравымъ смысломъ и извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ. Дочь армейскаго офицера, участвовавшаго въ суворовскомъ походѣ черезъ Альпы, она вышла замужъ четырнадцати лѣтъ, а черезъ семь лѣтъ, двадцати одного года отъ роду, осталась вдовою съ пятилѣтнимъ сыномъ—будущимъ ученымъ. Черезъ два года она снова вышла замужъ, но бракъ этотъ былъ несчастливъ. Вотчимъ Буслаева втянулся въ безпорядочную жизнь и, разстроивъ состояніе жены, умеръ черезъ пять лѣтъ, въ холеру 1830 года, когда Буслаеву было двѣнадцать лѣтъ. Печальная судьба семьи только способствовала сближенію матери съ сыномъ. Мать Буслаева дѣлила съ нимъ всѣ его умственные интересы и до самой смерти съ пониманіемъ слѣдила за его развитіемъ. Послѣ смерти вотчима семья вернулась къ своему прежнему быту, причемъ небольшіе остатки прежняго состоянія позволили матери Буслаева заняться его образованіемъ. Настойчивая забота о воспитаніи сына не оставляла ее до самой смерти, послѣдовавшей въ 1836 году. Еще въ 1835 году Буслаевъ-студентъ совѣтовался съ матерью относительно направленія своихъ занятій.

Мать Буслаева имѣла, повидимому, вполнѣ ясное понятіе и объ его умственномъ складѣ, и общемъ характерѣ его дарованія: «Боюсь, не охладилъ бы онъ васъ,—пишетъ она о сынѣ родственницамъ въ Москву,—онъ холоденъ и угрюмъ. Извиняйте ему, если вы его найдете такимъ: это его характеръ; и его, кромѣ наукъ, ничто, кажется, не разгорячитъ». Въ воспоминаніяхъ Буслаева находимъ также слѣдующій характерный разсказъ. Въ 1834 году, пріѣхавъ въ Москву для свиданія съ сыномъ, мать Буслаева вошла однажды къ нему, когда онъ по черновому наброску составлялъ послѣднюю лекцію Погодина. Она поинтересовалась содержаніемъ работы и, подробно разсказывая ей содержаніе лекціи, Буслаевъ, незамѣтно для себя самого, одушевился до такой степени, что изъ роли студента перешелъ въ роль профессора, принявъ осанку, жесты и голосъ Погодина. «Матушка слушаетъ и смотритъ на меня, любуется—и наконецъ, не вытерпѣла, расхохоталась, обнимаетъ и цѣлуетъ. Вотъ вамъ первый опытъ, которымъ я дебютировалъ свое призваніе на университетскую каѳедру»,—замѣчаетъ по этому поводу самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Дѣйствительно, въ этой сценѣ съ матерью мы уже видимъ будущаго энтузіаста-профессора, навсегда сохранившаго свой юношескій жаръ къ наукѣ.

Воспоминанія Буслаева даютъ намъ чрезвычайно опредѣленное представленіе объ его развитіи въ теченіе жизни въ Пензѣ. Буслаевъ сообщаетъ, между прочимъ, подробное описаніе своей домашней библіотеки, домашнихъ литературныхъ чтеній и гимназическаго курса. Чтеніе нерѣдко чрезвычайно сильно дѣйствовало на воображеніе впечатлительнаго подростка, его чувство напрягалось до крайности и разрѣшалось горькими слезами. Большую часть поэтическихъ произведеній Буслаевъ читалъ вмѣстѣ съ матерью, которую называлъ позднѣе, на ряду съ учителемъ русскаго языка, своимъ главнымъ воспитателемъ и наставникомъ въ литературѣ. Она и ея сынъ уже увлекались новыми вѣяніями русскаго романтизма, и Жуковскій былъ ихъ лю-

бимымъ поэтомъ на ряду съ Козловымъ и Батюшковымъ. Наконецъ, по признанію самого Буслаева, чрезвычайно воспитательное вліяніе имѣли на него альманахи того времени, особенно *Полярная Звѣзда* Бестужева. Въ ея выпускахъ будущій ученый находилъ образчики всего лучшаго, что создавалось тогда въ русской литературѣ и впервые выходило въ свѣтъ именно на страницахъ этого сборника: и стихотворенія Пушкина, и басни Крылова, отрывки классическихъ переводовъ Жуковскаго, а также интересные критическіе обзоры. То была для молодого Буслаева «безподобная хрестоматія современной русской литературы, въ высокой степени наставительная и столько же плодотворная своимъ художественнымъ обаяніемъ».

Десяти лѣтъ Буслаевъ поступилъ въ пензенскую гимназію, порядки и бытъ который съ такою рельефностью очерчены въ его воспоминаніяхъ. Гимназическій курсъ (это было въ 1828 году) продолжался тогда только четыре года и состоялъ изъ четырехъ классовъ съ тремя уроками въ день; уроки были двухчасовые и располагались отъ 8—12 и 2—4 ч. Двухчасовой урокъ давалъ много простора практическимъ занятіямъ. Учителю предоставлялось очень подробно и не спѣша излагать содержаніе руководства и заставлять учениковъ по нѣскольку разъ пересказывать это изложеніе, такъ что къ концу класса заданный урокъ былъ уже готовъ и не требовалъ затверживанья на дому. Особенно удавался этотъ методъ въ урокахъ математики, логики и риторики. Послѣдніе два предмета вызывали живѣйшій интересъ въ ученикахъ, и упражненія въ риторическихъ фигурахъ и схемахъ формальной логики надолго обращались въ любимую игру гимназистовъ. Уроки русской исторіи проходили въ чтеніи «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина, а уроки русской словесности—въ чтеніи писателей, не только старыхъ—Ломоносова, Державина Фонвизина, но также новѣйшихъ, какими тогда были Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ. Общій въ то время обычай составлять себѣ рукописные сборники, объясняемый рѣдкостью книгъ, былъ распространенъ и въ пензенской гимназіи. Въ такихъ рукописныхъ копіяхъ въ гимназіи стали извѣстны Буслаеву, между прочимъ, «Думы» Рылѣева и «Горе отъ ума».

Это преобладающее господство литературныхъ вкусовъ среди учащейся молодежи, сосредоточивавшееся на русской словесности, хорошо извѣстно изъ исторіи русской средней и высшей школы начала столѣтія. Въ пензенской гимназіи повторялось лишь то же самое явленіе, которое въ болѣе характерной формѣ обнаружилось въ исторіи начальныхъ выпусковъ царскосельскаго лицея. Почти совершенная невозможность иныхъ умственныхъ интересовъ, кромѣ литературныхъ, и вниманіе, которое обращала школа того времени на стилистическія занятія, направляли тогда въ область литературы рядъ живыхъ и способныхъ дѣятелей. Буслаевъ подробно описываетъ страсть къ писательству, которая была вызвана въ пензенскихъ гимназистахъ ихъ преподавателемъ словесности. Досугъ и свобода, являвшіеся при отсутствіи строгаго надзора и систематическихъ занятій, еще болѣе заставляли учениковъ сосредоточиваться на

этихъ любительскихъ литературныхъ интересахъ. «Практическій методъ, обусловливаемый двухчасовымъ урокомъ,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ,—давалъ много льготы и учителю, и ученикамъ, которая могла бы вести къ полезнымъ результатамъ, если бы не была злоупотребляема: большую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ, такъ сказать по способу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководства и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія». Между тѣмъ учителя смежныхъ классовъ разговаривали между собою, прохаживаясь взадъ и впередъ. Исключеніе изъ этихъ порядковъ составляли уроки Зоммера, которому Буслаевъ, по собственному признанію, обязанъ отчетливымъ знаніемъ нѣмецкаго языка. Если къ картинѣ этого «добровольнаго обученія» присоединить свободу внѣкласснаго времени,—дѣтскія забавы сообща, катанье съ горъ зимою или игры въ недалекой рощѣ лѣтомъ, загородныя экскурсіи, набѣги на сосѣдніе сады и неисчерпаемыя шалости,—намъ станетъ понятною горячая привязанность, которую пензенскіе гимназисты питали къ своей гимназіи. «И какъ же мы любили свою милую гимназію!—восклицаетъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Мы считали ее своею собственностью, которую никто не думалъ отнимать у насъ, потому тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти. Въ стѣны гимназіи манили насъ рѣзвыя наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительныя похожденія».

По окончаніи гимназическаго курса Буслаевъ еще одинъ годъ оставался въ Пензѣ. Для университетскаго экзамена онъ долженъ былъ пополнить свои гимназическія свѣдѣнія. Постоянное желаніе будущаго студента было сдѣлаться медикомъ, чтобы обезпечить независимое положеніе любимой матери; но эта послѣдняя находила сына по характеру и по дарованіямъ рѣшительно неспособнымъ ни къ изученію анатоміи и хирургіи, ни къ суровымъ практическимъ обязанностямъ врача. Она прочила его въ филологи и всѣми силами содѣйствовала поступленію сына именно въ московскій университетъ, о благотворномъ вліяніи котораго она со свойственнымъ ей здравымъ смысломъ заключала изъ примѣра одного изъ своихъ пензенскихъ знакомыхъ. Мать Буслаева дѣйствительно сумѣла воспользоваться оставшимся годомъ для пополненія образованія своего сына. Она пригласила въ домъ въ качествѣ воспитателя одного изъ лучшихъ преподавателей пензенской семинаріи, который между прочимъ ознакомилъ своего ученика съ нѣкоторыми философскими предметами семинарскаго курса. Философія явилась весьма существеннымъ добавленіемъ къ гимназическимъ интересамъ Буслаева и въ этотъ годъ весьма сильно приковала къ себѣ его живую любознательность.

Вотъ какъ самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ подводитъ итоги своему школьному обученію: «Оно состояло изъ двухъ періодовъ—изъ гимназическаго и семинарскаго. Оба они были организованы и приведены

въ стройный порядокъ предусмотрительными заботами и бдительнымъ попеченіемъ моей матушки. Вотъ почему съ живѣйшею признательностью всегда вспоминалъ я и теперь вспоминаю о моемъ школьномъ обученіи. Оно пробудило во мнѣ любовь къ наукѣ, которая потомъ навсегда сдѣлалась предметомъ и цѣлью моей жизни».

II.

Осенью 1834 года Буслаевъ сдалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ словеснаго факультета.

Годы студенчества Буслаева, 1834—1838 гг., были преддверіемъ, знаменательной эпохи въ жизни московскаго университета. Въ 1835 году появился первый контингентъ молодыхъ профессоровъ, только что возвратившихся изъ-за границы, а одновременно съ ними—новый попечитель, гр. С. Г. Строгановъ, столь извѣстный въ лѣтописяхъ московскаго университета, и новый инспекторъ студентовъ П. С. Нахимовъ, симпатичная личность котораго до сихъ поръ живетъ въ воспоминаніяхъ старыхъ студентовъ. Самъ Буслаевъ раздѣляетъ на три категоріи тогдашнихъ профессоровъ филологическаго факультета. Первую составляли старики. „Къ старшему поколѣнію,—читаемъ мы въ „Воспоминаніяхъ„ Буслаева,—относятся профессора съ самаго начала нашего столѣтія. Какъ люди, отжившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли насъ своей оригинальностью и разными причудами вмѣстѣ съ патріахальною простотою въ обращеніи съ студентами“. Лекціи всѣхъ этихъ профессоровъ становились ареной самыхъ невѣроятныхъ продѣлокъ, въ которыхъ юношеская шалость соединялась съ протестомъ противъ рутины и непроизводительной траты учебнаго времени. Представителемъ средняго поколѣнія профессоровъ въ запискахъ Буслаева является извѣстный И. И. Давыдовъ Въ то время онъ читалъ теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основаніяхъ философіи Шеллинга. Эти лекціи были полезны слушателямъ не столько своимъ содержаніемъ, сколько нерѣдкими отступленіями въ область практическихъ вопросовъ стиля и современной литературы. Но все это было лишь продолженіемъ тѣхъ литературныхъ интересовъ и изученій, которыя начались для Буслаева еще въ пензенской гимназіи. Тѣ интересы, которые Буслаевъ вынесъ изъ московскаго университета, не могли зародиться на лекціяхъ Давыдова: Давыдовъ игнорировалъ старую, до-петровскую письменность и съ презрительнымъ снисхожденіемъ относился къ народнымъ элементамъ словесности. Однако по совѣту Давыдова Буслаевъ впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впослѣдствіи оказало рѣшающее вліяніе на его ученыя работы. То было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта „О сродствѣ и различіи языковъ индогерманскихъ„. Третій отдѣлъ университетскихъ преподавателей, непосредственно предшествовалъ поколѣнію новыхъ профессоровъ, возвратившихся на глазахъ Буслаева изъ Германіи. Надеждинъ, Погодинъ и Шевыревъ были главными представителями этого третьяго

отдѣла и въ то же время главными учителями Буслаева. Изъ нихъ Шевыревъ имѣлъ особенно рѣшающее вліяніе на научные интересы Буслаева.

Дѣятельность Шевырева въ тѣ годы была чрезвычайно разнообразна. Въ первый годъ Шевыревъ читалъ обширный курсъ теоріи словесности соединявшійся съ практическими занятіями и изученіемъ исторіи стиля по памятникамъ, начиная съ лѣтописи Нестора и писателей XII вѣка и до Пушкина включительно. „Все это,—замѣчаетъ Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“,—низведенное теперь въ программу среднихъ учебныхъ заведеній, было тогда свѣжей новостью на университетской каѳедрѣ“. Лекціи Шевырева производили неизгладимое впечатлѣніе на Буслаева, и каждая изъ нихъ представлялась ему „какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка“. Эти лекціи несомнѣнно отразились и на сочиненіи Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“ (изд. 1844 г.). Тѣ же лекціи, повидимому не остались безъ вліянія и на возникновеніе того научнаго культа народности, которымъ проникнута вся ученая дѣятельность Буслаева. Шевыревъ былъ не менѣе полезенъ Буслаеву и своими чтеніями по исторіи иностранныхъ литературъ. Уже на первомъ курсѣ Буслаевъ наслаждался вышедшими въ печати лекціями Шевырева по литературамъ еврейской и индійской. Тутъ впервые зародилась въ Буслаевѣ мысль, позднѣе осуществленная,—учиться еврейскому языку и санскриту. Тогда же монографія Шевырева о Дантѣ обратила впервые взоры Буслаева къ автору „Божественной Комедіи“, которая на всю жизнь осталась однимъ изъ его глубокихъ и задушевныхъ интересовъ. Шевыревъ читалъ также теорію поэзіи въ ея историческомъ развитіи, а въ особомъ курсѣ греческой поэзіи онъ заинтересовалъ Буслаева изложеніемъ знаменитаго спора о происхожденіи и составѣ Гомеровскихъ поэмъ и въ то же время внушилъ ему мысль о литературномъ изслѣдованіи русскаго эпоса параллельно съ греческимъ. При Буслаевѣ Шевыревъ впервые сталъ читать и исторію русской литературы. Готовясь къ этимъ новымъ лекціямъ, Шевыревъ принужденъ былъ самъ отыскивать источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытіями въ новой, еще вовсе не разработанной области науки, дѣйствовалъ на студентовъ обаятельной свѣжестью воодушевленія. Въ этихъ лекціяхъ Шевыревъ уже пользовался знаменитымъ собраніемъ русскихъ пѣсенъ Кирѣевскаго. Всѣ эти курсы должны были чрезвычайно расширить литературный горизонтъ Буслаева и утвердить въ немъ живое сознаніе никогда не прекращавшагося вполнѣ воздѣйствія Запада на духовную жизнь Россіи, это сознаніе съ силой сказалось во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Буслаева. Занимался ли онъ изслѣдованіемъ древнѣйшаго періода нашей письменности или разборомъ миніатюръ стараго русскаго апокалипсиса—Буслаевъ никогда не терялъ историческаго горизонта, съ особымъ чутьемъ находя западные источники различныхъ явленій русской литературы и искусства, или по крайней мѣрѣ важныя, освѣщающія параллели. Эта черта, еще

послѣдовательнѣе и строже развитая въ ученой дѣятельности Н. С. Тихонравова, можетъ быть возводима къ общей обоимъ научной школѣ.

Погодинъ имѣлъ для Буслаева важное значеніе своимъ непосредственнымъ знакомствомъ съ первоисточниками русской древности и безчисленными указаніями практическаго характера. Погодинъ первый научилъ Буслаева читать и разбирать старыя рукописи, во множествѣ собранныя въ такъ называвшемся „погодинскомъ древлехранилищѣ". Пользуясь трудомъ Буслаева при копированіи древнихъ рукописныхъ текстовъ, Погодинъ въ то же время посвящалъ своего ученика въ тайны палеографіи и дѣлалъ ему цѣнныя указанія относительно выбора чтенія. Такъ напр., заинтересовавшись въ лекціяхъ Погодина вопросомъ о скандинавскомъ происхожденіи Руси, Буслаевъ какъ-то обратился къ профессору за указаніями для изученія древнихъ скандинавскихъ нарѣчій. Погодинъ назвалъ ему грамматику Якова Гримма; „такимъ образомъ,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ, —изъ устъ Погодина впервые услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей".

Новый періодъ московскаго университета, ознаменованный приливомъ молодыхъ ученыхъ силъ, приносившихъ съ собой послѣдніе результаты германской науки, сравнительно мало коснулся Буслаева. Лучшая общественно-воспитательная эпоха московскаго университета началась уже по выходѣ Буслаева. Весною 1838 г. окончилъ Буслаевъ свой университетскій курсъ, а осенью слѣдующаго года впервые появился въ университетѣ Грановскій. Но Буслаевъ вынесъ изъ университета значительныя филологическія познанія и довольно обширную общую и спеціальную подготовку для сравнительно-историческаго изслѣдованія русской древности. Шевыревъ и Погодинъ успѣли пробудить въ его отзывчивой душѣ то теплое, „гуманное" отношеніе къ этой древности, которое позднѣе такъ поражало всякаго, приходившаго съ нимъ въ столкновеніе.

III.

Окончивъ въ московскомъ университетѣ курсъ съ степенью кандидата, Буслаевъ тотчасъ былъ рекомендованъ Давыдовымъ и Нахимовымъ въ качествѣ домашняго учителя гофмаршалу барону Л. К. Боде. Эта семья кромѣ личныхъ дружественныхъ связей дала Буслаеву первый педагогическій опытъ. Очень скоро молодой учитель пришелъ къ убѣжденію, что полученное имъ образованіе не давало педагогическій подготовки. Онъ долженъ былъ самъ вырабатывать и методъ, и програму занятій; и пріемамъ, выработаннымъ имъ на урокахъ въ семьѣ Боде, Буслаевъ самъ придавалъ первостепенное значеніе для склада своихъ педагогическихъ взглядовъ, отразившихся всего полнѣе въ его книгѣ, уже разъ нами упомянутой,—«О преподаваніи отечественнаго языка». Книга эта не можетъ быть разсматриваема въ качествѣ новой педагогической системы,

но она важна своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ школьной рутинѣ, своими усиліями ознакомить среднюю школу съ результатами, достигнутыми наукой, и дать учащимся свѣдѣнія, возбуждающія умственный интересъ и инициативу. Совершенно тотъ же характеръ носило преподаваніе Буслаева въ семьѣ Боде. Буслаевъ долженъ былъ готовить четырнадцатилѣтняго сына Боде въ пажескій корпусъ и заниматься русскимъ языкомъ съ его младшими сестрами. «Прежде всего,—читаемъ въ «Воспоминаніяхъ»,—надлежало воспитать охоту къ серьезнымъ занятіямъ и любовь къ наукѣ». Оба курса Буслаевъ основалъ на практическихъ началахъ класснаго чтенія образцовъ, разбора и свободной бесѣды. Извѣстно, что Буслаеву удалось пробудить въ ученикѣ своеобразный интересъ къ русской старинѣ, который выразился между прочимъ въ трудѣ по исторіи рода Колычевыхъ.

Къ тому же времени относится первое знакомство Буслаева съ оффиціальными представителями учебнаго міра: въ томъ же 1838 году Буслаевъ получилъ уроки русскаго языка во 2-ой московской гимназіи. Учительство въ этой гимназіи, по свидѣтельству самого Буслаева, «прошло мимо него какъ тѣнь, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда». Не тѣмъ сильнѣе были впечатлѣнія административно-общественнаго характера. Служебныя отношенія въ гимназіи и формализмъ преподаванія видимо были не по характеру впечатлительнаго и подвижного ученаго. Настроеніе Буслаева въ теченіе всей этой зимы было удрученнымъ; онъ почувствовалъ наконецъ общій упадокъ силъ и великимъ постомъ совсѣмъ прекратилъ уроки въ гимназіи. Этотъ гимназическій эпизодъ и особенно вступительное объясненіе съ директоромъ оставили въ воспріимчивой душѣ Буслаева гораздо болѣе сильный слѣдъ, чѣмъ можно было предполагать. «Съ тѣхъ самыхъ поръ,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ»,—крѣпко засѣла во мнѣ инстинктивная боязнь передъ всякимъ начальствомъ». Неизвѣстно, какъ сложилась бы дальнѣйшая карьера Буслаева, если бы весною не наступилъ въ ней рѣшительный и благотворный переломъ.

IV.

«Въ концѣ мая, въ какой-то праздничный день, въ раннія обѣдни,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ» Буслаева,—разбудили меня, чтобы немедленно вручить мнѣ очень нужное письмо отъ инспектора студентовъ Нахимова. Въ короткихъ словахъ увѣдомлялъ онъ меня, чтобы сегодня же явился я въ девять часовъ утра къ попечителю, графу Строганову. Никакими словами не могу вамъ высказать того ужаса, какимъ поразило меня это нежданное и негаданное приглашеніе. Я чувствовалъ себя виноватымъ передъ гимназіею въ нерадѣніи и упущеніи по службѣ; я былъ въ отчаяніи, путаясь въ мысляхъ, какъ и что могу я сказать въ свое оправданіе. Я ждалъ грозной расправы и былъ убѣжденъ, что меня выгонятъ изъ службы или, по малой мѣрѣ, сошлютъ учителемъ куда-нибудь въ захолустье».

Эта тревожная неизвѣстность разрѣшилась приглашеніемъ сопровождать

семью попечителя въ двухлѣтнее заграничное путешествіе въ качествѣ домашняго учителя: Боде указалъ Строганову на Буслаева, какъ на лицо, могущее съ успѣхомъ исполнить такую обязанность. Такимъ образомъ, Буслаеву, послѣ тягостной зимы, снова возвращалась свобода преподаванія и кромѣ того предстояла заграничная поѣздка подъ руководствомъ одного изъ образованныхъ русскихъ людей того времени. Италія была главною цѣлью путешествія, сообразно съ чѣмъ искусство стало главною цѣлью будущихъ изученій Буслаева. Проѣздомъ знакомясь съ Германіей, молодой Буслаевъ не имѣлъ возможности вступить въ болѣе тѣсное общеніе съ представителями германской науки и не испыталъ того особаго вліянія германской философской мысли, которому такъ много обязаны были молодые профессора, прибывавшіе съ 1835 года въ московскій университетъ.

Вотъ какъ описываетъ самъ Буслаевъ настроеніе одной части тогдашняго русскаго общества,—настроеніе, среди котораго покидалъ Россію и онъ: «Надъ умами и сердцами господствовалъ тогда мечтательный романтизмъ съ безотчетнымъ вѣрованіемъ во всевозможное и невозможное, съ выспренними полетами въ невѣдомыя таинственныя области, съ религіознымъ поклоненіемъ искусству для искусства. Обѣтованною землею для восторженныхъ душъ была тогда Италія, опустѣлая, убогая и порабощенная въ своемъ настоящемъ, и такъ неистощимо богатая и могущественная въ художественныхъ памятникахъ своего прошедшаго, будто необъятное кладбище всемірныхъ гигантовъ, сооружавшихъ нѣкогда столпотвореніе европейской цивилизаціи». По указанію профессора римской словесности Крюкова, Буслаевъ запасся въ Петербургѣ руководствомъ Отфрида Мюллера по археологіи искусства и еще во время пути погрузился въ изученіе этой книги.

Мы не будемъ останавливаться подробно на ходѣ итальянскихъ изученій Буслаева. Проведя половину своего заграничнаго пребыванія въ Неаполѣ и его окрестностяхъ, а другую въ Римѣ, Буслаевъ успѣлъ основательно ознакомиться съ художественными богатствами Италіи и изучалъ античную жизнь на мѣстѣ раскопокъ въ Помпеѣ. Воспоминанія Буслаева свидѣтельствуютъ о поразительномъ трудолюбіи и настойчивости молодого ученаго, проводившаго вечера за усвоеніемъ общихъ руководствъ по исторіи искусствъ, а все остальное, свободное отъ педагогическихъ занятій время изучавшаго художественные музеи и галлереи Италіи. Въ то же время Буслаевъ знакомился съ сокровищами старой итальянской литературы и одно время совершенно погрузился въ изученіе своего давняго любимца—Данта. Художественная пышность италіанскаго католицизма съ силой поражала его фантазію. Его религіозные интересы получали тотъ волнующій импульсъ, который былъ необходимъ для его натуры во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности. Встрѣчи съ знатоками искусства и постоянныя бесѣды съ Строгановымъ довершали эти впечатлѣнія и занятія. Извѣстно, что Строгановъ умѣлъ не только руководить уже развившимися интересами Буслаева, но старался привить ему новые, недостатокъ которыхъ онъ замѣчалъ въ талантливомъ учителѣ. Говоря объ одностороннемъ мечтательномъ энтузіазмѣ, которымъ были

проникнуты его изученія, вотъ что еще сообщаетъ Буслаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Разумѣется, и тогда были люди, которые иначе смотрѣли на вещи. Къ такимъ людямъ принадлежалъ графъ Сергѣй Григорьевичъ. Я уже говорилъ вамъ, какъ онъ преслѣдовалъ меня за глупое педантство въ непростительномъ равнодушіи къ красотамъ итальянской природы. Теперь въ Неаполѣ я давалъ ему новые поводы издѣваться и подсмѣиваться надо мною. Для него было странно и забавно мое полнѣйшее невниманіе къ событіямъ дня, къ разнообразнымъ интересамъ современности». Чтобы ознакомить Буслаева съ современною дѣйствительностью и политическимъ положеніемъ Италіи, Строгановъ совѣтовалъ ему читать газеты. Кромѣ того, онъ поручилъ Буслаева своему старшему сыну,—юристу и университетскому сверстнику будущаго ученаго. Молодые люди прошли вмѣстѣ нѣчто въ родѣ курса государственнаго права и политической исторіи Европы съ 1815 года. Буслаеву, по его собственному признанію, было чрезвычайно трудно вникать въ эти новые интересы; «по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ онъ въ «Воспоминаніяхъ», мнѣ стало ясно унизительное положеніе бѣдной Италіи, которую поработили себѣ Габсбурги и Бурбоны».

По возвращеніи изъ-за границы, Буслаевъ сохранилъ занятія въ семьѣ попечителя и въ то-же время получилъ уроки въ 3-й московской гимназіи. Буслаевъ еще разъ обнаружилъ здѣсь неспособность подчинить свое дарованіе педагогической рутинѣ средней школы. Гимназическіе уроки стали для него источникомъ постоянныхъ волненій и пререканій съ начальствомъ. Будущее рисовалось Буслаеву въ мрачныхъ краскахъ. Фантастическіе планы возникали въ его умѣ: порой представлялась ему мысль навсегда порвать съ гнетущей обстановкой и, переселившись въ любимую Италію, повторить судьбу Винкельманна. Строгановъ подсмѣивался надъ Буслаевымъ и, продолжая руководить его занятіями, направлялъ его теперь на изученіе педагогической литературы. И позднѣе, уже оставивъ попечительство, Строгановъ продолжалъ сохранять самыя близкія отношенія къ Буслаеву и все свое вліяніе на него.

V.

Буслаевъ въ 1848 году вступилъ въ университетъ въ качествѣ сторонняго преподавателя, а съ 1861 года получилъ каѳедру, которую и занималъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Подобно своему предшественнику и учителю Шевыреву, Буслаевъ читалъ самые разнообразные курсы по исторіи языка и литературъ, нерѣдко переходя и въ область исторіи искусствъ. Буслаевъ профессоръ прежде всего старался передать своимъ слушателямъ новѣйшія руководящія идеи наукъ, составлявшихъ его спеціальность, и какъ можно болѣе разнообразнаго образовательнаго научнаго матеріала. Эпизодичность лекцій Буслаева хорошо извѣстна: свободная, увлекательная бесѣда о научныхъ предметахъ навсегда осталась для него любимой формой преподаванія. Самъ лекторъ постоянно переживалъ вновь юный жаръ своихъ «учебныхъ и страннических лѣтъ». Такая бе-

сѣда съ слушателями, прерванная на лекціи, возобновлялась часто на квартирѣ профессора, доступность и научная общительность котораго не имѣли границъ. Притягательная сила Буслаева, какъ профессора, заключалась въ чрезвычайно свободномъ проявленіи его личности,—горячей, искренней, всецѣло преданной служенію наукѣ, всегда витающей въ сферѣ художественныхъ представленій и гуманныхъ интересовъ. И печатные труды Буслаева, даже самые спеціальные, почти всегда носили тотъ же характеръ—одушевленной и свободной научной бесѣды. Случай сдѣлалъ пишущаго эти строки очевидцемъ послѣдней публичной лекціи Буслаева. То было на археологическомъ съѣздѣ 1890 года въ Москвѣ, когда маститый уже семидесятилѣтній ученый, уступая просьбамъ своихъ учениковъ, появился въ ихъ средѣ и нежданно увлекъ собравшуюся публику захватывающей бесѣдой о русскомъ искусствѣ,—бесѣдой чрезвычайно характерной для всей профессорской дѣятельности Буслаева. Въ то время зрѣніе уже замѣтно начинало измѣнять Буслаеву; но лицо его сохраняло живую игру чертъ, а рѣчь, торопливая и неровная—всю горячность отроческихъ интонацій. Престарѣлый ученый говорилъ о стилизаціи ландшафта въ рисункахъ стараго русскаго Апокалипсиса, гдѣ земная растительность изображается подчасъ однимъ огромнымъ зеленымъ листомъ, всѣ горы земли—какимъ-то кокошникомъ съ завитками по бокамъ, а вмѣстилища водъ—голубымъ многоугольникомъ съ колоссальной рыбой въ срединѣ. «Только такимъ смѣлымъ пріемомъ наивнаго иконописца,—замѣтилъ Буслаевъ,—возможно было вмѣстить необъятную громаду всей земли и моря въ малый клочекъ стилизованнаго ландшафта». Затѣмъ, противопоставляя этотъ суммарный пріемъ русскаго Апокалипсиса детальной манерѣ голландскихъ пейзажистовъ, Буслаевъ съ неожиданной силой вызвалъ въ умѣ слушателей два крайнихъ, характерныхъ полюса, между которыми вращаются всѣ человѣческія представленія о ландшафтѣ.

VI.

Историческая грамматика русскаго языка, историческіе очерки древнерусской народной словесности и искусства съ ихъ продолженіемъ—позднѣйшими сборниками статей и, наконецъ, изслѣдованіе и изданіе лицевого Апокалипсиса—вотъ капитальные труды, оставленные Буслаевымъ русской научной литературѣ. Духъ русскаго языка, древній бытъ народа и его вѣрованія—вотъ тѣ проявленія, въ которыхъ изучалъ восторженный изслѣдователь главный предметъ своихъ симпатій—русскую народность.

Огромное вліяніе школы Гримма на эти труды Буслаева составляетъ общепризнанный фактъ. Духовная связь между знаменитымъ германскимъ ученымъ и его русскимъ послѣдователемъ прекрасно освѣщена А. Н. Пыпинымъ въ его „Исторіи русской этнографіи“. Мы заимствуемъ изъ этой характеристики рядъ отрывковъ, опредѣляющихъ отношеніе Буслаева къ Гримму. Буслаевъ, замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, примѣнялъ сравнительный и историческій методъ Гримма къ объясненію русскаго языка, его

звуковъ и формъ, изучалъ народную риторику и стилистику, извлекалъ изъ стараго народнаго языка матеріалы для исторіи быта военнаго, юридическаго, религіознаго, семейнаго, для опредѣленія языческихъ и христіанскихъ взглядовъ народа, разсматривалъ грецизмы и варваризмы стараго языка—какъ памятники его историческихъ сношеній и развитія. Впослѣдствіи ученая дѣятельность Буслаева состояла въ дальнѣйшемъ примѣненіи гриммовскаго метода къ старой русской народной словесности, быту и миѳологіи.

Вмѣстѣ съ научнымъ методомъ, Буслаевъ по свойству своего дарованія соединилъ и другую черту, отличавшую знаменитаго нѣмецкаго ученаго: Гриммъ не только критически, но фантазіей и поэтическимъ чувствомъ возстановляетъ любимую старину; подобная черта давала привлекательность и трудамъ Буслаева. Буслаевъ самъ называетъ себя ученикомъ Гримма, и, какъ замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ, взялъ Гримма въ руководители именно потому, что *„почитаетъ его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни“*. И эти слова Буслаева чрезвычайно характерны для его отношенія къ Гримму, ибо гриммовскій пріемъ заключаетъ въ себѣ не только научную теорію, но и нравственно-общественное направленіе. Приведенныя слова Буслаева показываютъ, что онъ именно понялъ или почувствовалъ это. Понятно, что Буслаевъ раздѣлялъ и многія научныя увлеченія Гримма,—его смѣлыя миѳологическія построенія и абсолютные историческіе выводы изъ данныхъ языка: вліяніе личности Гримма подавляло, примѣръ Гримма былъ поражающій: объясненія видѣлись близко, общій характеръ эпической старины казался разъ навсегда угаданнымъ.

Связь работъ Буслаева съ направленіемъ германскаго ученаго не была однако простымъ подражаніемъ, она имѣла болѣе глубокую причину: для нашего общественнаго образованія пришла тогда пора переживать то настроеніе, которое выразилось въ дѣятельности научно-романтической школы Гримма. Интересъ къ русской старинѣ широко распространялся и ранѣе Буслаева, но за неимѣніемъ научной и гуманитарной подкладки это стремленіе къ народности получало подчасъ самыя фальшивыя выраженія и примѣненія. Писатели прогрессивнаго направленія отвергали это извращеніе народности, которое было имъ слишкомъ очевидно; но, полагая всѣ свои силы на вопросы современной общественности и просвѣщенія, они относились къ народной старинѣ равнодушно, какъ къ пережитому прошедшему. Таковы были условія. Естественно было логически искать исхода изъ этихъ различно неудовлетворяющихъ точекъ зрѣнія на народность и когда въ противоположность всѣмъ этимъ крайностямъ или недоразумѣніямъ являлась гриммовская теорія, вооруженная научной силой, глубокимъ проникновеніемъ въ недоступныя ранѣе области старины и народной жизни, сознательнымъ возвеличеніемъ народно-поэтическаго содержанія, теплымъ отношеніемъ къ народу, какъ къ носителю этого содержанія,—эта теорія нашла отголосокъ и въ нашей литературѣ. Такой отвѣтъ съ русской стороны на ученіе Гримма и поданъ былъ всего болѣе—Буслае-

вымъ. Старина привлекала его совершенно такъ же, какъ и Гримма, интересомъ первобытнаго умственнаго и поэтическаго творчества, цѣльностью быта и общенароднаго міровоззрѣнія, выражавшейся въ той поэзіи которая одна была дѣйствительно народною, создавалась всѣми и каждымъ, заключала общія, всѣми испытанныя и провѣренныя чувства и поэтическія представленія. И вотъ, долго изучая старину, ея мрачныя и свѣтлыя явленія, Буслаевъ вынесъ убѣжденіе о существованіи въ этой старой жизни возвышенныхъ нравственныхъ идеаловъ; и онъ ревниво берегъ это убѣжденіе, пріобрѣтенное цѣною неустанныхъ изысканій. По убѣжденію Буслаева, совершенно справедливому,—этотъ міръ народнаго творчества, до тѣхъ поръ мало или совсѣмъ не сознаваемый или грубо объясняемый, долженъ былъ наконецъ войти въ кругъ понятій общества и и занять въ его литературныхъ идеяхъ подобающее мѣсто. [1])

Буслаеву было дано осуществить лучшія цѣли его жизни и съ удовлетвореніемъ оглянуться назадъ. Имя его задолго до смерти было окружено не только высокимъ уваженіемъ, но и теплой признательностью. Культъ Буслаева до конца дней его сохранялся въ многочисленной семьѣ его слушателей и слушательницъ. Доживая въ Москвѣ, на покоѣ, свои старческіе годы, вотъ что говорилъ онъ иногда посѣщавшимъ его друзьямъ и почитателямъ: „Если бы Провидѣніе судило мнѣ жить еще разъ и отъ меня зависѣлъ бы выборъ этой новой жизни, я не пожелалъ бы жизни иной, кромѣ той, которая прожита мною“. Благородныя семейныя узы, раннее и свободное пробужденіе духовныхъ интересовъ, позднѣе—постоянное общеніе съ геніемъ искусствъ и наукъ, теплая любовь къ человѣчеству, свѣтившая ученому въ научномъ культѣ народности, и пробужденіе тѣхъ же чувствъ и интересовъ въ сотняхъ воспріимчивыхъ молодыхъ душъ—вотъ въ чемъ полагалъ счастье своей жизни Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

В. Щепкинъ.

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи“, т. II, 75–109.

СМѢСЬ.

«Во́пи» Весьегонскаго уѣзда, Тверской губ.[1])

По покойникѣ.

Стать то мнѣ на свои да на скоры ноги,
Ко столамъ-то подойти ко дубовыимъ,
По тебѣ ли же, мой батюшка (имя и отч.),
Потихохоньку да полегохоньку,
Чтобъ не испугать тебя отъ сна отъ крѣпкаго,
Отъ просоньица то вѣковѣчнаго,
  Али спишь ты крѣпко что не про́снешься
И не пробудишься?
Унялись знать твои скорби-болѣсти?
Знать пришло къ тебѣ теперь здоровьице?

---

[1]) Запис. въ январѣ 1895 г. отъ мѣстной вопленницы—крестьянки, урож. дер. Макѣй-Горы (Щербовской вол, Весьегонск. у.) *Екат. Николаевой*. Это очень бѣдная старуха—бобылка, 80-ти лѣтъ (или около того), профессіональная вопленница, извѣстная въ окрестныхъ деревняхъ. По ея словамъ, она научилась „вопить" отъ своей матери и въ свою очередь знанія свои передала дочери, которой я не могъ слышать, т. к. она живетъ за 25 верстъ замужемъ въ другой деревнѣ. Не смотря на свой возрастъ, вопленница сохранилась хорошо; это живая, дѣятельная и необыкновенно словоохотливая старуха, съ величайшей готовностью пересказывавшая и пѣвшая свои причитанія. Въ настоящее время она единственная вопленница въ ближайшей окрестности. Она „во́питъ" по покойникамъ, на свадьбахъ, сговорахъ, по рекрутамъ. То, что мною записано, насколько мнѣ показалось, не заключаетъ всего извѣстнаго ей. По всей вѣроятности, она знаетъ еще много отдѣльныхъ стиховъ, но спѣть ихъ, не путая съ уже разъ пропѣтыми не можетъ: она безпрестанно мѣняетъ слова и даже цѣлые стихи, замѣняя ихъ другими и часто тутъ же и слагаетъ ихъ изъ своего обширнаго репертуара старинныхъ поэтическихъ словъ и оборотовъ. На мой вопросъ, не знаетъ ли она былинъ, она отвѣчала отрицательно. Въ заключеніе необходимо замѣтить, что въ похоронныхъ причитаніяхъ она имѣла въ виду и называла извѣстнаго ей недавно умершаго помѣщика барина, въ свадебныхъ же—имѣвшуюся въ ея деревнѣ *бѣдную* невѣсту, чѣмъ объясняются нѣкоторыя особенности въ воплях и причитаніяхъ. Напѣвъ ея похоронныхъ воплей, насколько позволяетъ заключить ея совершенно разбитый дрожащій, старческій голосъ, до извѣстной степени сходенъ съ напѣвомъ духовныхъ стиховъ Рябинина. *Ю. Г.*

Знать на тотъ на бѣлый свѣтъ сряжаешься, сподобляешься
Отъ своей родимой матушки?
Я спрошу тебя, мой батюшка, (имя)
Кто звалъ тебя, кто подговаривалъ?
Кормилецъ-ли звалъ батюшка?
Али вкупѣ всѣ сродцы и сродничи?
Такъ спрошу я тебя, батюшка,
Какъ подкралась къ тебѣ смерть прекрасная?
Не побоялась ни погодъ, ни вьюгъ, ни снѣговъ бѣлыихъ?
Какъ подошла да какъ подкралася она?
Тяжело было тебѣ съ домомъ благодатнымъ разставатися,
А еще тяжеле со твоею милой матушкой (имя матери и др. сродниковъ).,
Да еще то тяжелѣй было разстатися,
И еще то тяжелѣй было прощатися
Со бѣлымъ свѣтомъ со прекраснымъ,
Со житьемъ-бытьемъ (барскимъ) хорошімъ.
Пытали за тобой ухаживати:
Не жалѣла себя родима матушка,
Ужъ сокрушилъ же ты ее, кормилецъ батюшка.
Не ходили у ней ноженьки,
На твои глядя скорби-болѣсти.
Не посмотрѣла, видно, смерть прекрасная,
Пожалѣла, что у тебя несносныя скорби-болѣсти.
Пустымъ-пустехонько стало въ домѣ матушки,
Насилу ходитъ она при злодѣй-горѣ.
Только и видитъ она отхлянушки,
Коли съѣдетъ ко Божьей церквѣ,
Коли выйдетъ да взойдетъ на твой высокъ теремъ,
Только и въ покоицѣ бываетъ ретиво сердце.
А какъ вернется во твою во спаленьку—
Завернется у ней ретиво сердце,
Что пустымъ вездѣ пустехонько.
Что не думала она, не чаяла
Перенесть то злодѣй-горе.
Знать поддержалъ ее Господь Богъ
Твою матушку родимую (имя).
Тяжело было ей съ тобой разстатися,
Ужъ насилу подходила ко столамъ дубовыимъ,
Что не доживши вѣку, батюшка,
Молодехонекъ рѣшился житья (барскаго) прекраснаго,
Да хорошаго дому благодатнаго,
Успокоилъ свое ретиво ты сердце.

* * *

Подойду я, горюша-то горькая:
Ужъ и гдѣ же мой-то батюшка (имя)?

И стану я будить тебя тихохонько,
Разговаривать съ тобой легохонько,
Не поймешь ли мои рѣчи горькія?
Да не прѣснешься ли не пробудишься?
И не поговоришь ли со мной, не побаешь ли?
Какъ ты разставался со бѣлымъ свѣтомъ,
И съ твоимъ то домомъ благодатныимъ,
И со своимъ житьемъ бытьемъ хорошіимъ (барскимъ).
(И со службою-то царскою).
Ударилъ [1]) бы смерть прекрасную
Золотой казной несчетною:
Оставила бъ на сколь поры, на времячко,
Пожить бы тебѣ да повдлевать
На семъ на свѣту на вольноемъ,
Во житьѣ бытьѣ прекрасноемъ.
А теперь, кормилецъ батюшка,
Приходитъ пора времячко,
Что кретать [2]) тебѣ изъ дома благодатнаго.
Какъ пріѣдутъ отцы то духовные,
Тяжело тебѣ подняться со столовъ дубовыихъ,
Видно разставаться тебѣ съ домомъ благодатныимъ.
Поскопилися [3]) къ тебѣ люди добрые
Да и взяли тебя на бѣлы руки,
Положили тебя въ вѣковѣчный домъ,
Что безъ дверей то сдѣланъ безъ ходячіихъ
И безъ окошечекъ то сдѣланъ безъ свѣтлыихъ.
И поставятъ тебя, нашего батюшку,
Во сыру землю, во желты пески.
Да какъ укладутъ тебя, да какъ устроютъ,
Крѣпкимъ-на-крѣпко уминутъ сыру-то землю
И уровняютъ заступами вострыми,
Чтобь ни выходу не было ни выѣзду.
Мы упрашивали рыльщичковъ-копальщичковъ,
Чтобъ оставили они то путь дороженьку,
Хоть не ѣзжалую да пѣшеходную.
Вотъ какъ скопимся мы къ тебѣ, батюшка (имя),
Да придемъ на твой высокъ теремъ,
Кабы вышелъ ты къ намъ, батюшка,
Разговорился бы съ нами да разбаялся
Про свое то про свое житье,
Хорошо ли тебѣ тамъ со вольной волюшки,
Со житья-бытья хорошаго?

[1]) Одарилъ.
[2]) Вм. крятать—двигать, двигаться(?) *Ред.*
[3]) Собрались.

Аль тоскливо, аль тошнехонько?
Только бъ жить тебѣ до вȯлевать!
  Коль посулился быть въ дорогиі гости,
Коль назначишь пору-времячко,
Какъ зимой ходить то больно вью́жливо,
А какъ осенью ходить то больно мȯрозно,
А весною то ходить больно вȯдяно.
Такъ назначилъ бы ты пору-времячко
Посередь лѣта, посредь теплаго,
Посередь сѣнокосу краснаго.
Мы бъ удержали въ тѣ поры рабочіихъ,
Наварили бъ, припасли пива пьянаго,
И про тебя ли яства кусу сахарнаго,
И питья то медȯваго (медвянаго).
  И поскопились всѣ то да и съѣхались
На ту пору на времячко,
Встрѣтили бъ тебя посредь поля чистаго,
И посередь то пути по дороженькѣ,
И подхватили бъ тебя подъ бѣлы руки,
Да повели бъ во свой во благодатный домъ,
Посадили бы тебя за столы дубовые,
Стали бъ за тобой ходить, ухаживать,
Говорить бы стали, разговаривать,
Поспросили бы, не сердишься, не гнѣваешься ли?
Да и проводили бы тебя во чисто поле,
Да ужъ тутъ то и разстались и простились бы съ тобой (имя).
И поднялся бы опять ты на то мѣстечко
Что ко матушкѣ то ко Божьей церкви.

—

Что не дохнулъ, не разсказалъ про житье тамошнее?
Нѣтъ оттуда ни выѣздцовъ ни выходцевъ,
Ни письма-то нѣтъ отголь, ни грамотки,
И ни словесьаго то челобитьица.
Знать сажали крѣпкимъ-на-крѣпко,
Подъ замками подъ крѣпкіими,
Да за дверями за желѣзными.
Только и оставилъ ты одно званьице,
Что былъ нашъ кормилецъ батюшка (такой-то: имя).
  А теперь намъ никогда тебя не видывать
И голоску-то твоего не слыхивать,
Ни по походочкѣ, ни по обрядочкѣ,
Нигдѣ-то тебя не заприпримѣтити,
Ни въ добрыхъ людяхъ, ни въ торгахъ, ни въ ярмаркахъ,
Ни въ городахъ-то тѣхъ уѣздныихъ,
Ни во матушкѣ-то во Божьей церквѣ.

По солдатѣ.

Что мнѣ выйти на широку улочку,
Что мнѣ встрѣтить братца батюшку (такого-то: имя).
Чѣмъ тебя Богъ пообрадовалъ?
Какъ подъѣзжали вы къ пріемамъ ко высокіимъ,
Какъ входили вы по частымъ лѣсенкамъ,
По судьямъ да по начальникамъ,
Не подкосились ли у васъ скоры ноженьки?
Какъ поставили васъ подъ мѣрушку высокую,
Скатится съ плечъ буйная головушка.
И станутъ подводить васъ ко столамъ дубовыимъ,
Ко бутылочкамъ хрустальныимъ,
Затрясутся ваши бѣлы рученьки
Жеребья то вынимать строгіе,
Ужъ какъ поглядите, прочитаете,
Что попалъ жеребій-отъ близехонько
Въ тое ли линію солдатскую
Во службу то во царскую.
Какъ придетъ вамъ пора-времячко,
Посадятъ васъ на стулья на дубовые,
Посымаютъ съ васъ русы кудри
Да и крянутъ васъ съ своей сторонушки
Отъ родимаго отъ батюшки
Въ города-то тѣ уѣздные,
Во службу-то царскую,
Во ученье государское.
Тяжко будетъ жить трудитися
Со мужицкой вольной волюшки.
Не успишь и въ темну ноченьку,
Не угуляешь и въ Господни праздники,
Все въ заботушкѣ солдатской.
Мое милое ты дитятко,
Посиди на своей лавочкѣ,
Не усидѣть тебѣ въ неволюшкѣ,
Въ неволюшкѣ во солдатской.
Солдатъ-то посидя выспится,
А походя накушается.

Свадебные вопи.

Вечоръ пришла съ бесѣды невѣста и завыла:

Ужь я сяду молодехонька
На лавочку высучую,
Я спрошу тебя, родитель батюшка,
Что отколь подсыпалъ мнѣ злодѣй-горя?

Проводили меня голубушки подруженьки
Со веселой со бесѣдушки
Со веселыимъ со пѣсенкамъ.
У меня-то молодехоньки
Не шли скоры ноженьки.
Отколь прикочнулось мнѣ злодѣй-горе,
Что ты запоручилъ, родитель батюшка,
За порукой-то за крѣпкою,
За слова тѣ вѣковѣчныя.
Молодымъ бы еще я молодехонька,
Да знать побоялся ты, мой батюшка,
Что надоѣла мнѣ жизнь батрацкая,
Отдалъ молодехоньку да зеленёхоньку меня.
Поступать мнѣ видно во чужи люди, въ чужу сторону,
Ко чужому отцу къ матери,
Да къ чужому дородну добру молодцу.
Надо мнѣ держать головушку поклонисто,
А языкъ то держать ласковехонько;
Подъ скорой ногой воробья легкаго,
А во сахарныхъ устахъ соловья веселаго;
Говорить-то мнѣ надо ласковехонько
Да ходить-то надо мнѣ тихохонько;
А привыкать-то мнѣ будетъ тяжелехонько
Ко чужому дородну добру молодцу,
Со дѣвичьей-то вольной волюшки,
Со матушкиной нѣжной нѣгушки;
Тяжелехонько мнѣ будетъ да тошнехонько.
Такъ знать узаконено отъ Господа Бога,
Что подыматься-то во чужи люди,
На мѣсто вѣковѣчное, крестьянское
Привыкать надо старатися,
Заботиться ко дому благодатному.

Дѣвушки подымаются съ пѣснями и подходятъ къ дому невѣсты. Невѣста выходитъ къ нимъ на встрѣчу и вопитъ:

Иду я по полю по пиленому,
Переводинки то дубовыя.
Переводинки, не гнитеся,
Половинки, не ломитеся:
Не тяжела я молодешенька,
Тяжело на мнѣ злодѣй-горе.
Выходила я на улочку широкую,
На крылечко на висучее,
Встрѣчала я подруженекъ голубушекъ
Со веселыми со пѣснями.

Привела въ свѣтлицу свѣтлую
Къ родимому ко батюшкѣ
И стала говорить родимому:
Погляди-тко ты, родимый батюшка,
На моихъ голубушекъ подруженекъ,
Что стоятъ онѣ орядныхъ оряднехоньки,
Буйны головы попричесаны,
Русы косы позаплетены,
По русымъ косамъ ленты понавязаны,
Стоятъ онѣ веселехоньки.
А какъ я у васъ, родимый батюшка, сижу,
Позапачкавшись да позачукшившись,
Буйна головушка-то не причесана,
Бѣло личико не понамытое.
Сижу у васъ во злодѣй-горѣ,
Во злодѣй-горѣ во великіемъ.
  Тяжело мнѣ отставати-то
Отъ подруженекъ отъ голубушекъ,
Отъ веселой отъ бесѣдушки,
Привыкать да къ толпѣ женской (полку женскому)
Во чужой дальней сторонушкѣ;
Отставать отъ вашего житья-бытья,
Отъ житья-бытья хорошаго,
Отъ вольной своей волюшки
А и будетъ мнѣ тяжелехонько, тошнехонько.
Хорошо, коли дастъ Господь счастьице,
Не стану тогда пѣнять жалиться,
Что понаперла я идти во чужи люди,
Что бпасно идти въ чужедальну сторону,
И поступила въ житье крестьянское.

Батька станетъ пиво заваривать.

Къ чему ты завариваешь пиво пьяное,
Къ какому веселью ко праздничку?
Мое чадо, мое милое,
Ко твоей ли свадьбѣ веселоей.

Батька, сваты и женихъ сряжаться станутъ ѣхать на ярмарку (новый обычай пропивать невѣсту), невѣста зачнетъ вопить:

Поѣдете во торги, во ярмарки,
Не пейте тамъ пива пьянаго,
И вина-то зеленаго.
Вы глядите поглядывайте
За чужимъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,
Не напьется ли онъ до-пьяна,
Не станетъ ли бродяжничать.

Не испугайте мое ретиво сердце,
Какъ что замѣтите, увидите.

Пріѣдетъ сватъ за плетями (полотенцами).

Что же вы не погодили, не помѣшкали
Давать платы тальянскіе?
Что нѣту у насъ ясна сокола,
Ясна сокола братца батюшки,
А сидитъ она (невѣста) порасчесана,
Вся руса коса-то поразбанчена
И стоять коло нея голубушки,
Голубушки-то подруженьки.
Говоритъ красна дѣвица:
Подавай, родима матушка,
Подавай платы тальянскіе,
Пора ѣхать съ нашего дому
Сватамъ то чужестраннымъ.
Подымалась красна дѣвица
Со висучей со лавочки,
Подходитъ ко кормильцу батюшкѣ,
Она пала ему во скоры ноги:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Расплести-то мнѣ русу косу,
Распустить ее по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.
Подойду къ родимой матушкѣ:
Благослови, родима матушка,
Расплести-то мнѣ русу косу,
Распустить по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.
Благословите меня, люди добрые,
Сусѣды и сусѣдушки,
Расплести-то мнѣ русу косу,
Распустить по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.

Наканунѣ свадьбы:

Родима моя матушка,
Родимый мой батюшка,
Поглядите на меня на молодехоньку:
Пристало ли мнѣ безъ русой косы?
Какъ березочка безъ верхушки,
Такъ то я молодехонька
Безъ русой своей косы.
У васъ, кормилецъ батюшка,
Чадо милое разполоненое,

Руса коса расплетеная,
По могучимъ плечамъ распущеная;
Вѣдь мнѣ у васъ, кормилецъ батюшка,
Не годы вѣковать, не недѣли недѣливать,
Одна мнѣ темна ночка ночевать
Во вольной-то во волюшкѣ.

Въ день свадьбы:

Вставай-ко, батюшка, ранехонько
Да засѣки пути дороженьки,
Что ѣхать чужестраннымъ добрымъ людямъ,
Что за мной ѣдутъ за молодехонькой.
Что то я ровно поодумалась,
Не спалося мнѣ всю темну ноченьку.
Думы-думы побиваютъ,
Слезы-слезы помываютъ,
Что тяжело подняться во чужи люди,
Что два ума надо два разума,
Два обычья надо легкіе,
Чтобъ не было вамъ пеняльщичковъ,
Что стану худо жить я во чужихъ людяхъ,

Запис. *Ю. Готье.*

„Причёты" Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

1. Свадебные.

I.

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица,
Что повыть да мнѣ поплакати.
У меня-ль, у молодехоньки,
У меня-ли горя нѣтутки,
Ужъ мнѣ плакать-то да не объ чемъ?
Я во мѣстечкѣ-то сижу во печальномъ,
Во печальномъ-горемычноёмъ:
Прити печи-то печальныё [1]),
Прити устья-то камчатнаго,
Прити столба горемычнаго [2]).
Мнѣ недолго, молодёхонькѣ,
Красоваться-то у батюшки
И родимой своей матушки;
Мнѣ не лѣтечко поработати,
Не весна красна погу́ляти
Со своемъ да со подруженькамъ,
Со своемъ да со голубушкамъ,
Во своей да дивьёй кра́сотѣ.

---

[1]) Древній обычай садиться „въ горѣ", противъ печки соблюдается въ настоящее время въ очень рѣдкихъ случаяхъ: на свадьбѣ, наприм., на похоронахъ, на сборѣ рекрута.

[2]) Столбъ, на который кладутъ воронецъ,

Что моя-та дивья кра́сота
Что была да красовитая:
За три поля было видѣти,
За четыреста вёрстъ слышати.
Я не знала, молодехонька,
У родимаго у батюшки,
Гдѣ встаётъ да красно солнышко,
Гдѣ встаётъ да закатаётся,
Гдѣ зоря да занимаётся [1]),
Во чужихъ людяхъ незнамыихъ,
Незнамыхъ-незнакомыихъ
Я узнаю, молодёшенька,
Гдѣ стаётъ да красно солнышко,
Гдѣ заря да занимаётся.

II.

Вы подите, добро-жаловать,
Мои милыё подруженьки [2]).
Не осерчайте, мои матушки,
Что не вышла да не встрѣтила
Середь улицы широкіё,
Середь лесёнки брусчатыё
Середь мостику калинова;
Не брала я двери за скобу,
Не отворяла-жо ихъ на пяту;
Не брала васъ за бѣлы руки,
Не садила, мое матушки,
Подъ косящато окошечко [3]).
Не обезсудьте, мое матушки:
Я сижу да, молодехонька,
Что во горѣ во кручинушкѣ.
У меня-ль, у молодехоньки,
Горя три поля насіяно
И кручиной огорожено,
Горючимъ слезамъ полевано.

III.

Вы, цвѣты-ли мои, цвѣтики [4]),
Голубыё, васильковыё,
Было много нась посіяно,
Больно мало уродилося!
Что одна у насъ измѣньшица
И большая лицемѣршица:
Сказала, что замужъ не пойду,
Сказала, въ монастырь-городъ пойду,
Цвѣтно платье вкладу положу,
Передумала-замужъ пошла.
Ты послушай-ко, голубушка,
Наша милая подруженька;
Ужъ мы шли путёмъ-дорогою,
Намъ попала [5]) дивья кра́сота
Что твоя да красовитая,
Отъ насъ отворотилася,
И намъ не поклонилася;
Полетѣла дивья кра́сота
Во лѣса во темныё, во грязи во черныё,
Сѣла дивья кра́сота на горькую осинушку;
Осинушка качаётся,
Красна дѣвица спокаётся.
— „Ужъ ты, свѣтъ-кормилецъ батюшка [6]),
И родимая моя матушка,
Что нельзя-ли дѣло роздѣлата?“
— „Родимоё наше дитятко,
Дарами подарилися
И перстнямъ обручилися“ [7]).

---

[1]) Т. е. отецъ нѣжитъ дочку, не заставляетъ работать рано утромъ до солнышка и вечеромъ до заката и утренней зари.

[2]) Этимъ причётомъ встрѣчаетъ сговорёнка своихъ подругъ всякій разъ, какъ онѣ навѣщаютъ ее.

[3]) Самое почетное мѣсто.

[4]) Въ отвѣтъ на причёты сговорёнки, начинаютъ причитать подруги.

[5]) Повстрѣчалась.

[6]) Причитаетъ сговоренка.

[7]) Этими словами родители указываютъ на невозможность „дѣло роздѣлати“

2. По рекрутѣ.

I.

Ужъ ты, свѣтъ да соколъ милый братъ,
Ты куда же собираешься,
Хорошо такъ наряжаешься:
Не въ торги-ли, не во ярмарки,
Не въ веселыя-ль во гульбища?
Я сама да сдогадалася,
Собирается соколъ милый братъ
Что во службу-ту во царскую,
Что во службу государскую,
Что служить да царю Бѣлому
За Россію-ту за матушку.
Что ушлютъ да соколъ милый братъ,
Въ города ть да во дальные,
Что по край да свѣту бѣлаго.
Ты пиши да соколъ милый братъ,
Со чужой-дальной сторонушки
Скорописчатую грамотку,
Не перомъ, да не чернилами,
Ты пиши да горючими слезами
Ко своимъ да братьямъ милыимъ:
Не покинули-бы бѣднаго
На чужой-дальной сторонушкѣ.

II [1]).

Ужъ ты свѣтъ да соколъ милый братъ,
Снарядить то тебя есть кому,
Благословить-то тебя некому.
Попроси, соколъ милый братъ,
Что своихъ да братьевъ милыихъ,
Что сходили-бы братья батюшки
На высокую колоколёнку,
Что ударили-бы братцы милые
Во большой-отъ да во колоколъ,
Въ подбольшіё подголосочки,
Что-бы чуть да было слышати
Высоко да по поднебесью,
Глубокó да въ мать сыру землю.
Ты роздайся, мать-сыра земля,
Ты раскройся гробова доска;
Роспахнися, полотенечко,
Ты возстань, кормилецъ батюшко,
На свои-да на скоры ноги,
Благослови-ко сына милаго.

Сообщилъ *Я. Ильинскій.*

„Крики" Рязанской губ., Ряжскаго уѣзда.

„Крикъ" дѣвушки по вечерамъ за недѣлю до свадьбы.

Милыя мои подруженьки!
Подите ко мнѣ къ горькой, несчастной, провѣдайте меня.
Закабалили мою головушку во чужіе люди.
Во чужихъ людяхъ жить тошнехонько, грустнехонько,
Трудно угодить на чужого отца, матерь.
Во чужихъ людяхъ безъ солнышка сушатъ,
Безъ лютого безъ мороза сердце знобятъ.

---

[1]) Причитаетъ сестра, если рекрутъ сирота

Кормилица мамушка и кормилецъ батюшка!
Отжилася, оттостилася я у васъ.
Милые мои братцы, милыя мои сестрицы!
Не обижайтесь на меня, что я вамъ по глупости сказала,
Сочтите мою грубость за глупость.
Когда къ вамъ я горькой, несчастной приду,
Вы меня не поите, не кормите,
Ласковымъ словомъ приговорите.

Когда за столъ заводятъ.

Желанная моя мамушка-крестная!
Куда вы меня заводите?
Я думала, вы меня заводите во зеленый садъ,
А вы меня заводите за дубовый столъ, за бѣлую скатерть.
Желанный мой братецъ!
Поди, сходи, возьми востёръ топоръ,
Поди, сходи въ зеленую рощу,
Сруби бѣлую березу,
Перегородите всѣ пути дороженьки,
Не пущайте моихъ разлучниковъ,
Которые разлучить хотятъ съ отцомъ, съ матерью.
Кормилецъ мой батюшка!
Благодарю васъ за хлѣбъ, за соль,
Что вы меня кормили-поили, во чужіе люди вывели.
Желанный мой братецъ!
Благодарю тебя за хлѣбъ, за соль.
Любезная моя невѣстушка!
Не попомни мои грубы-досады.
Можетъ я вамъ по глупости нагрубила,
Почтите мою грубость за глупость,
Не покиньте меня горькую.
Приду я изъ чужихъ людёвъ къ вамъ горькая,
Вы меня не поите, не кормите,
Ласковымъ словомъ приговорите.
Пойду я отъ васъ сыта-сытёшенка,
Весела-веселехонька.
Желанный мой братецъ!
Сходите къ Божіей церкви,
Ударьте въ трижды въ большой колоколъ,
Разбудите родимую мамушку
На этотъ часъ-минуточку.

Когда благословляютъ.

Кормилецъ мой, батюшка!
Благословите меня горькую,
Благословите меня несчастную.

Ничего я отъ васъ не желаю:
Ни злата, ни сребра,
Только одно благословеньице.
Кормилица моя, матушка!
Благословите меня горькую,
Благословите меня несчастную.
Ничего я отъ васъ не желаю:
Ни злата, ни сребра,
Только одно благословеньице.

„*Кричать*“ *по мертвой.*

Кормилица ты моя, матушка!
На кого ты меня покинула горькую, несчастную?
Съ кѣмъ ты эту думушку думала?
На кого ты меня, горькую, покинула?
Я горькая, несчастная.
  Кормилица матушка,
Встань, проснися, открой очи ясныя,
Расхлесни руки бѣлыя
И возьми меня горькую, несчастную
Съ собой подъ правое крылышко.
Не давай мнѣ горя мыкать,
Много я безъ тебя горя увижу.
  Милая моя сестрица,
Гдѣ-же наша кормилица мамушка?
Куда мы ее проводили?
Въ какой сторонушкѣ будемъ поджидать?
  Кормилица, мамушка!
Ты бы намъ сказала, когда къ намъ придешь,
Мы всѣ двери отворили-бы,
А окна открыли бы для тебя.

Село Мостье.

Записалъ гимназистъ V класса *Алексѣй Виноградовъ.*

Къ легендамъ и повѣрьямъ о змѣяхъ.

а) Змѣиная мудрость (змѣиное мясо).

Въ «Кіевской Старинѣ» 1889 г. (кн. 5 и 6) мы сообщали, въ дополненіе къ «Культурнымъ переживаніямъ» Н. Ѳ. Сумцова, украинскій разсказъ о томъ, какъ человѣкъ, съѣвшій вываренное мясо змѣи, получаетъ не только особенную мудрость, которою такъ отличаются змѣи, а даже способность слышать и понимать говоръ животныхъ и растеній, узнавать цѣлебное значеніе послѣднихъ. Тотъ-же мотивъ развивается еще въ слѣдующемъ варіантѣ, записанномъ и сообщенномъ намъ учителемъ Тимоѳеевымъ изъ села Неклюдова Корочанскаго уѣзда, Курской губерніи.

«Посылае разъ панъ свого робитныка піймать ёму гадыну, змію, значить, гадюку, тай сказавъ, щобъ синъ приготовивъ ёму кушанья зъ неі. Той піймавъ гадюку, изжарывъ чи зварывъ, тай подае, а самъ такы оставывъ соби косточку, думае: якъ панъ буде йисты, той я зъимъ; мабудь вкусне, якъ панъ йисть. Поснидавъ панъ, даже косточкы не оставывъ, тай собираеться йихать. Отъ йидуть воны зъ тымъ робитныкомъ. Прыйшлось перейиздыть черезъ якусь лужу, чи що; перейихалы воны, а лошакъ (жеребенокъ) молодый и зоставcя на тымъ боци лужи. Колы кобыла крычить, рже, значить, до свого лошонка: «А чого ты тамъ зоставcя?»—Боюсь,— каже лоша,—воды багацько.—«Не бійсь,—рже ему зновъ кобыла,—аже я перейшла.» Той послухавъ, тай побигъ. А робитныкъ слухавъ, слухавъ, та якъ зарегоче,—ніякъ не удержиться. «Ты чего смиёшься?»—пытае панъ у робитныка. А той не говоре правды.—Та такъ, каже, чогось смишки взялы.—«Нѣтъ, врёшь!»—говоре панъ:—«а зачѣмъ ты смотришь на того лошонка? Ты что-то такое знаешь!» Той и признавcя. «Такъ отъ зачимъ оти паны йидять гадыну!»—подумавъ робитныкъ, и винъ, значить, ставъ понимать, якъ росказують одно зъ однымъ звирякы разни и скотына и даже навить трава. Якъ воны сталы йихать по лугу, то трава й каже: «Я отъ такои болѣзни... а я отъ такои». И багато ставъ знать той робитныкъ, усе ровно якъ панъ. Отъ панъ и каже: «Ну, колы ты теперъ усе знаешъ те, що и я, то не кажи-жъ никому, а бильше всего не передавай жинци, а то половыну забудешъ». Отъ уже той робитныкъ отъ пана й отстрявъ; прыйшовъ до дому, и дома куды не прыйде, усе розбира и усе понима, якъ скотына балака, якъ птыця. А винъ слуха, та все регоче. Жинка зами-

тыла тай прыстала до ёго: «чого тай чого ты, чоловиче, регочешъ»? Винъ значала отказувавсь, та ничого не мигъ подилать зъ своею жинкою, узявъ тай прызнався; а жинка тоже не втерпила, порознесла по всему свиту.

Теперъ того знанія ныма; ныма, значитъ, такого чоловика, щобъ знавъ усе, а кажный знае потрошку: одынъ зна про скотыну, другый, про траву, третій про що-небудь ще инче; а вже не знаю, чи е таки люды, щобъ понималы, про що пивни спиваютъ, чи нема. Це, мабудь, казка; було колысь въ старе времъя, а теперъ може де-небудь въ заводи звоны ллютъ, такъ роспускаютъ мову чи брехню, щобъ лучче колокола лылысь».

Сообщ. *М. К. Васильевъ.*

б) Летучіе, огненные змѣи.

1) Всѣ легенды объ огненныхъ змѣяхъ, слышанныя мною отъ крестьянъ Тальменской волости, Барнаульскаго округа, Томской губерніи, относятся къ давно прошедшему времени. Въ настоящее время никто уже не видитъ такихъ змѣевъ; но, вполнѣ вѣруя въ непогрѣшимость прадѣдовскихъ и дѣдовскихъ сказаній, народъ до сихъ поръ еще сохраняетъ убѣжденіе, что дѣйствительно были такія „чудовища". Въ общемъ всѣ легенды сходны между собою и сообщаютъ слѣдующее.

Огненные, летающіе змѣи были не что иное, какъ нечистая сила, „дьявольщина". Никто не видалъ ни одного змѣя днемъ или у своего хозяина, но всегда видѣли только ночью, летящимъ по небу къ тому дому, въ которомъ жилъ. Наружный видъ его описываютъ такъ: длиною онъ съ аршинъ, толщиною въ завить руки у мужчины; цвѣта огненнаго; полетъ его подобенъ падающей звѣздѣ, по дорогѣ отъ него сыплются искры, Подлетѣвши къ дому, гдѣ жилъ, онъ разсыпается по крышѣ искрами которыя тотчас же исчезаютъ.

Жили огненные змѣи у знахарей и, большею частію, у знахарокъ, потому что эти лица знали разные заговоры отъ нечистой силы и умѣли распоряжаться ею. Но не у каждаго знахаря или знахарки водились они, а только у тѣхъ, которые сами желали имѣть ихъ. Пріобрѣсти огненнаго змѣя возможно было двоякимъ способомъ: или взять у кого нибудь готоваго, или высидѣть изъ пѣтушьяго яйца. [1]) Высиживаніе производилось слѣдующимъ порядкомъ: брали пѣтушье яйцо подъ пазуху правой руки и носили до тѣхъ поръ, пока не выходилъ изъ него змѣй. [2]) Каждому хо-

[1]) Пѣтушьимъ яйцомъ наши крестьяне до сихъ поръ называютъ обыкновенное куриное яйцо, только не вполнѣ развившееся, маленькое, величиною съ голубиное. Они допускаютъ, что подобное яйцо можетъ снести молодая курица не достигшая года, но не вѣрятъ, что оно можетъ быть отъ старой курицы; поэтому всегда считаютъ такое уродливое яйцо не куринымъ, а пѣтушьимъ. По понятіямъ крестьянъ, пѣтушье яйцо предвѣщаетъ дому несчастье. Въ пищу его не употребляютъ.

[2]) Срв. литовскую легенду „Айчварасъ", въ „Этногр. Обозр." кн. X, стр. 231. *Ред.*

зяину нельзя было держать змѣя болѣе 3-хъ лѣтъ вслѣдствіе того, что послѣ этого срока онъ могъ принести какой-нибудь вредъ; поэтому слѣдовало или убить его, или передать кому-нибудь; вотъ при такомъ обстоятельствѣ и представлялась возможность пріобрѣсти готоваго змѣя.

Уходъ за змѣемъ не представлялъ ничего особенно труднаго: для него нужно было только гнѣздо и пища. Гнѣздо устраивалось подобно гусиному; пищу составляли яица и молоко. Держали змѣя, судя по всѣмъ разсказамъ, исключительно для наживы, такъ какъ онъ имѣлъ способность носить своему хозяину богатство, „животъ“. Богатство онъ бралъ тамъ, гдѣ оно было положено „не благословясь“. Носилъ змѣй богатства, повидимому, очень немного, такъ какъ по всѣмъ легендамъ оказывается, что лица, имѣвшія змѣевъ, не считались особенно богатыми, даже въ средѣ крестьянскаго населенія. Здѣсь замѣчается несходство воззрѣній народа на нечистую силу; по всѣмъ нашимъ народнымъ сказкамъ нечистая сила можетъ давать громадное богатство лицу, оказавшему ей какую-нибудь услугу; между тѣмъ змѣй, тоже какъ нечистая сила, не даетъ своему хозяину значительнаго богатства. Для того чтобы согласовать такое разногласіе воззрѣній, необходимо предположить, что огненный змѣй служилъ не исключительно только для наживы, а еще для другой какой-то цѣли.

Сообщ. *Н. Пузыревъ.*

(С. Павловское, Барнаульскаго у.)

2) Въ 1890 году я шелъ однажды въ церковь къ обѣднѣ. На паперти одна пожилая женщина подвела ко мнѣ другую, молодую, съ желтымъ лицомъ и мутными глазами, и, теребя ее за рукавъ, что-то ей говорила. Молодая женщина слабымъ голосомъ проговорила мнѣ: „Прости меня Христа ради, ко мнѣ летунъ летаетъ“, и поклонилась мнѣ. Какъ оказалось, это была крестьянка одной со мною волости, деревни Крутого, Афимья Маслова, которая влюбилась въ крестьянина своей деревни Камакина, не отвѣчавшаго ей взаимностью. Отъ этого она сильно заболѣла и въ горячкѣ бредила этимъ крестьяниномъ. Горячечный бредъ крестьяне объяснили тѣмъ, что къ женщинѣ летаетъ летунъ (летающій дьяволъ), и она съ нимъ разговариваетъ. Чтобы избавить ее отъ этого, крестьяне привели ее на паперть, гдѣ она каждому входящему въ церковь должна была говорить вышеприведенныя слова. Въ другихъ случаяхъ такихъ женщинъ лѣчатъ еще отчитываніемъ, заклинаніемъ. Подобныхъ фактовъ здѣсь бываетъ не мало.

Сообщилъ *Степ. Шаровъ.*

(Учитель с. Посиры, Таможниковской вол., Нижегор. губ.).

3) Въ Мерефянскій волостной судъ (Харьк. уѣз.) крестьянка Александра Буряковская обратилась съ такимъ прошеніемъ: „1893 года, марта 5 дня, крест. Татьяна Онищенкова оклеветала меня по всей Мерефѣ неслыхан-

нымъ позоромъ, совершенно несообразно съ человѣческою жизнью, ни съ нашей религіей, что будто бы ко мнѣ летаетъ змій какой-то, съ которымъ я состою въ дружескихъ отношеніяхъ. Подобная клевета меня до крайности оскорбляетъ. Я имѣю у себя мужа законнаго и дѣтей взрослыхъ и честно продолжала нашу семейную жизнь, какъ даже извѣстно и обществу и нашимъ сосѣдямъ, многіе десятки лѣтъ, а теперь неожиданно является такой позоръ"... Она просила далѣе вызвать свидѣтелей и наказать Онищенкову за клевету. Волостной судъ опредѣлилъ: „Татьяну Онищенкову за толкованіе подобныхъ нелѣпостей подвергнуть на общественныя работы на три дня, Александру Буряковскую за принятіе на себя подобныхъ нелѣпостей—на два дня, тоже на общественныя работы". (См. „Сынъ Отеч". 1893 г., № 175, 29 іюня).

Къ исторіи собиранія русскихъ былинъ.

I.

Въ 70-хъ годахъ скончался въ Нерчинскѣ купецъ *М. А. Зензиновъ*. Человѣкъ наблюдательный, съ живымъ интересомъ вглядывавшійся въ своеобразную жизнь Забайкалья, М. А. Зензиновъ часто дѣлился своими наблюденіями съ читающей публикой и напечаталъ, главнымъ образомъ въ «Трудахъ» Вольно-Экономическаго Общества, рядъ статей по торгово-промышленнымъ и этнографическимъ вопросамъ, скрывая обыкновенно свое имя подъ псевдонимами—Даурецъ, Даурскій пастухъ, Сомбирякъ и т. п.—Какъ этнографа, покойнаго Зензинова больше всего интересовали буряты, а особенно такъ называемая тибетская медицина бурятъ—ламаистовъ; въ свое время Зензиновъ пользовался по ту сторону Байкала извѣстностью большаго знатока этой медицины.

Въ настоящее время сынъ М. А. Зензинова, М. М. Зензиновъ, имѣя въ виду составить для трудовъ Читинской филіаціи Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества біографію своего отца, какъ выдающагося мѣстнаго дѣятеля, занялся разсмотрѣніемъ многочисленныхъ рукописей, оставшихся послѣ покойнаго. Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ М. М. Зензинова, я просмотрѣлъ тѣ рукописи, которыя содержатъ этнографическіе матеріалы.

Среди этихъ рукописей, заключающихъ вообще много любопытнаго (рядъ монгольскихъ сказокъ, описаніе нерчинской свадьбы, масса лирическихъ народныхъ пѣсенъ), нашелъ я отрывокъ былины о Ставрѣ. Къ сожалѣнію, вопросы о томъ, когда, кѣмъ и гдѣ былъ записанъ этотъ отрывокъ, могутъ быть рѣшены лишь предположительно. Даты записи въ нашемъ отрывкѣ не имѣется,—приходится, слѣдовательно, довольствоваться свѣдѣніемъ, что М. А. Зензиновъ производилъ свои этнографическія наблюденія съ 30-хъ годовъ до 73 года. Можно думать, что бы-

лина была записана изъ устъ сказителя не самимъ Зензиновымъ: ороографія рукописи, заключающей былину и писанной рукою Зензинова, слишкомъ не похожа на ороографію другихъ его рукописей; встрѣчающіяся въ рукописяхъ Зензинова указанія на корреспондентовъ, доставлявшихъ ему этнографическій матеріалъ, даютъ нѣкоторое право заключить, что имѣющійся въ моемъ распоряженіи отрывокъ былины есть копія съ доставленной Зензинову записи. Названіе деревни, въ которой записанъ отрывокъ, стоитъ въ заголовкѣ былины, но чернила выцвѣли настолько, что разобрать названіе я не могъ; изъ другихъ рукописей и дневниковъ М. А. Зензинова видно, что кругъ его этнографическихъ наблюденій ограничивался исключительно Забайкальемъ. Наконецъ, самый важный при изученіи былинной традиціи вопросъ—отъ кого записанъ нашъ отрывокъ,—не можетъ быть рѣшенъ даже и гадательно, такъ какъ никакихъ указаній на это у Зензинова нѣтъ.

Не смотря на отсутствіе въ записи Зензинова столь важныхъ указаній, какъ отмѣченныя выше, сохранившійся въ его рукописяхъ отрывокъ былины о Ставрѣ имѣетъ, по моему мнѣнію, значительный интересъ. Во-первыхъ, очень характерно заглавіе былины—«Старина деревни С.....», заглавіе, лишній разъ подтверждающее, что народное названіе для былины есть «старина»; во-вторыхъ, очень характеренъ зачинъ былины; въ-третьихъ, изъ содержанія былины, хотя и неоконченной, видно, что она примыкаетъ къ той редакціи былинъ о Ставрѣ, которую пр. В. Ѳ. Миллеръ называетъ сибирской; наконецъ, предполагаемая возможность записи нашего отрывка въ Забайкальѣ любопытна для вопроса о географическомъ распредѣленіи былинъ.

Вотъ самый текстъ отрывка со всѣми его ороографическими особенностями.

Старина деревни С.....

Благословижа меня Господи старину сказать
Старину сказать стару прежную
Стару прежную да старадавную [1]).
Какъ во славномъ было въ Городѣ во киевѣ,
Уласкова князя увладимѣра,
Ужъ было пированьицо почесной пиръ,
Какъ про многихъ про князей про бояриновъ,
И про сильныхъ могучей про богатырей
Ипровсю полѣницу Удалую,
Только нету напиру вѣть боярина Ставра,
Какъ Боярина Ставра Сына Годиновича,
Тутъ возговорилъ промолвилъ владимеръ княсь,

1) Зачинъ этотъ, вписанный между заглавіемъ и началомъ самой былины, сначала былъ, очевидно, пропущенъ: онъ вписанъ, по недостатку мѣста, мелкимъ и сжатымъ почеркомъ.

Ужъ вы гогей Слуги мои верныя,
Поезъжайтѣка Слуги За бояриномъ Ставромъ,
За бояриномъ Ставромъ Сыномъ Годиновичемъ,
Вы подайтѣ ка Ставру Мою Грамотку,
Позовитѣ вы Ставра навѣселой пиръ.
Какъ немного тому врѣмю миновалося
Приезжаетъ ко князю бояринъ Ставѣръ.
Онъ ступаетъ вополаты бѣлокамѣныя
Онъ Крестъ кладѣтъ пописаному,
Онъ поклоныто вѣдетъ поученому
Онъ кланяется да поклоняется,
Онъ навсѣ то начетыре настороночьки,
А владимѣру князю наособицу.
Онѣ Сяли Задубовыя Столы
А затѣжа вѣть, заскатѣрти Забраныя,
И затѣжа Есвы Сахарныя
Онѣ въ полъ питья бояра напивалися
Онѣ въ полъ сытья бояра наедалися,
И мѣжду Собой бояра призахвасталися
Хвалятца Златомъ Серебромъ,
Еще хвалятца Скатнымъ Земчугомъ,
Какъ возговоритъ промолвитъ бояринъ Ставеръ
Бояринъ Ставеръ Сынъ Годиновичъ,
Ужъ вы Глупыя Бояра неразумныя
Вы хвалитѣсь Златомъ Серебромъ,
Еще хвалитѣсь Скатнымъ Земчугомъ,
Ужъ какъ Есть умѣня убоярина Ставра
Убоярина Ставра сына Годиновича
Молода жена василиса васильевна
Она ростомъ доростомъ дороднѣ всехъ,
Красотою Лѣпотою она краше всехъ
Ее белое Лицо, бутьто белой Снегъ,
Ее черныя Брови, какъ у соболя,
Ее ясныя очи, какъ у сокола,
Умѣетъ она Истуга Лука Стрелять,
Въ Семисотную версту въ золотъ перстѣнь.
Тутъ возговоритъ промолвитъ владимѣръ knязь,
Ужъ вы гои еси Князья Мои боярави
Вы Сильныя могучия богатыри,
Еще вся полѣнiца вѣть удолая,
Не напрасна-ли Ставѣръ похваляется,
Вы возмитѣ Ставра Забѣлыя Ево ручьки
Отъ вѣдитѣко Ставра въ тѣмну тѣмницу.
Тутъ услышала Ево молодая вѣть жена
Молода дочь василиса васильевна,
Приказыватъ имать Своево добра коня,

На туже на уздицу на тѣсмяную,
Сѣдлаетъ Коня во черкацкое Седло
Какъ подътягиватъ 12 подъпругъ шелковыхъ
Подъпоясыватся тяской палицою,
И подъстѣ(ги)ваетъ Свой тугой Лукъ
Она тугой Лукъ вѣть разрывчетой.
Какъ негрозная туча подымалася
Какъ невихри Вополяхъ, давѣть Завѣели,
Подымается Ставрова Молода Ево жена
Молода дочь василиса васильевна
Подъезжаетъ додвору Князя владимѣра.
Она крикнула Громкимъ Голосомъ.
Засвистала она Свистомъ бутьто лютой звѣрь.
Ахъ ты Батюшка, владимѣръ князь,
Ты подайка мнѣ Ставра Сына Годиновича.
Ты почтожа натъ Ставромъ величатїся.
Отъшучу я тѣбѣ шуточьку немалиньвую
Ты заплотишъ Мнѣ пошлину вѣликую
Затакую вѣть обидушку несносную.
. . . .

Сообщилъ *Н. Мендельсонъ.*

II.

Въ виду интереса, который вызываетъ въ послѣднее время вопросъ о географическомъ распространеніи былинъ и другихъ формъ народнаго творчества, заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя въ VII т. біографіи Погодина (стр. 227—229) объ одномъ собирателѣ 40-хъ годовъ, *Н. Борисовѣ* изъ Шенкурска Архангельской губ. Этотъ Борисовъ былъ дѣятельнымъ корреспондентомъ Погодина, доставлявшимъ ему пѣсни, сказки и т. п. [1]). Посылая разъ Погодину матеріалъ, Борисовъ пишетъ: „Послѣднія (сказки), можетъ быть, плохи, но извините, я не успѣлъ переписать лучшихъ; въ скоромъ времени пошлю вамъ: Илью Муромца, Калина Календаровича, Марью Царевну и сказку о Курьей избѣ, трехъ платьицахъ и саночкахъ-самокаточкахъ—превосходныя сказки! Я нашелъ здѣсь крестьянина, сообщившаго мнѣ эти сказки, у котораго, кажется, вся голова только и наполнена сказками да пѣснями; онъ самъ говоритъ, что знаетъ „чортову пропасть эвтакихъ разныхъ побывальщинокъ; до трехъ сотъ!!“ Но вотъ бѣда: онъ такъ отчаянно пишетъ, что въ его каракулькахъ надо съ огнемъ искать смысла; со словъ же его писать нѣтъ возможности: онъ сказываетъ свои сказки, какъ будто читаетъ „Помилуй мя, Боже“; тише

[1]) Именемъ этого Борисова обозначены нѣкоторыя сказки въ собраніи Афанасьева, вѣроятно полученныя Афанасьевымъ изъ Географ. Общества, куда могли онѣ попасть отъ Погодина, по его связямъ съ Надеждинымъ. Имъ-же напечатана въ „Москвитянинѣ“ 1843, № 4, одна сказка („О Горѣ-горянинѣ Данилѣ дворянинѣ“), вошедшая въ собраніе Афанасьева.

не можетъ, сбивается. Извините меня, что посылаемыя пѣсни дурно переписаны; я торопился и въ хвостъ и въ голову; впрочемъ, я полагаю, что вы разберете мои іероглифы. Я не знаю, не напечатанъ ли *этотъ* самый Илья Муромецъ въ собраніи Кирши Данилова; этой книги у насъ не водится. У меня сказка такъ начинается:

Во славномъ городѣ, во Муромѣ,
Во селѣ Карачаровѣ
Жилъ былъ старикъ Иванъ Тимоѳеевичъ;
У него былъ сынъ Илья Муромецъ,
Онъ былъ на возрастѣ,
Какъ быть соколъ на возлетѣ;
Онъ просилъ у родного батюшки
Благословенья великова,
Навѣки нерушимова... и пр.

Я читалъ объ этомъ Ильѣ въ критикѣ „Отечеств. Записокъ" на Киршу Данилова; къ несчастью, изъ этой критики я ничего не понялъ о Муромцѣ и списываю его, полагая, что мой Муромецъ только однофамилецъ съ Муромцемъ Кирши Данилова, а въ ходѣ разсказа они различны".

У Кирши Данилова, дѣйствительно, нѣтъ варіанта этой былины съ такимъ началомъ, равно какъ и въ „Рус. былинахъ старой и новой записи", изданныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ.

Сообщилъ *А. Грузинскій.*

Народные толки 1897 г.

1.

Тысяча висимсотъ дывяносто дывятого года ны будутъ тургувать лавошныкы крамомъ: будутъ казьони лавкы, усе будутъ роздавать бызъ грошый, куму чого потребуйет(ь)ця; грошый не треба буды, воны будутъ валят(ь)ця по вулыцяхъ. У насъ, у Моловатци, [1]) йесть жинка торгуйе бызъ свидытыл(ь)ства дышевшы на половыну противъ лавошныковъ. Йийи бралы у допросъ: „Де ты берешъ"? Вона кáжы: „Я быру у лавкахъ"! Такъ воны, ти паны, и пойихалы, ничого и ны зробылы. Теперъ у Моловатци уси люды у суко(н)ныхъ кужухахъ тымъ, шо дешевшы сукно. Такъ вона тàкъ продайе: у день гроши возмы, а крамъ у ночи о(д)дайе. Йийи нбсы потчу чоловикъ кучырявый. Вона упередъ тургувала у свекра, а теперъ у ридного батька: йийи свекоръ прогнавъ, кàжы: „Де

---

[1]) Новомѣловатка, слоб. Богучарскаго уѣзда, въ семи верстахъ отъ мѣста жительства автора. М. Д.

ты берешъ крамъ"? а вона кàжы: „У садку у насъ багато, повынъ садокъ. Пидить, подывит(ь)ця"! Воны пидуть, подывлят(ь)ця—ничóго тамъ и ныма, а вона пиды та пренесе что(!)—зна скилкы краму. А свекоръ узявъ нийи и прогнавъ, бойит(ь)ця. Люды кажуть, що це Анцыхрестова маты, и кажного чоловика запысуйе, хто беры(!) у нейи крамъ. Такъ у насъ люды боят(ь)ця и брать у нейи краму: кажуть, вона позапысувала людей, такъ воны уси будуть Анцыхрыстовы. Та и подумать можно, що одъ Анцыхрыста продайе: таки сокнó(!), що тры цилковыхъ за аршынъ, а вона по цилковому продайе—скилкы вгодно быры, та боят(ь)ця люды брать того, що запысуйе. За цей крамъ будуть почàти(!) прыкладать. Того года, 99-го, ны буды сонця, заховайет(ь)ця; Царь утыче у чужу землю; люды змишают(ь)ця: туркы, чыркесы, кыргызы, комлыкы, а Царь одынъ буды на весь свитъ. И будуть ходы́ть пророкы и будуть казать: „Кайтысь, ото скоро бу́ды страшный судъ!" (Й)ихъ возмуть, и Царь прыкàжы убывать. Люды знатыму(ть), що одъ йихъ крови займыт(ь)ця зымля, такъ воны будуть настылать опанчивъ здоровый кругъ, щобъ ны брызнула кровъ на землю. Нашнуть быть, такъ кровъ такы брызны на землю и займыт(ь)ця уся зымля, съ того бу́ды страшный судъ.

2.

Воронежс(ь)кой губерни, Павловс(ь)кого города, волосты Михайловкы у слободи Пытривци йесть чоловикъ, салдатъ, такы(й), що самъ себе закувавъ479 залиэомъ уже одынадцять годивъ. (Й)ого бравъ становый, роскувавъ, а винъ упьйеть закувався. Теперъ уже на шыйи иззаду зарисъ чепъ, уже пырыросло тила якъ на долоню. Начипляно до чыпа замкивъ, тры збóныкы таки, що хунтивъ по пьять або по 6; высыть зализна палка, а чепъ отъ шыйи та до колинъ прыкованый питъ сорочкою; навхрыс(тъ) шыпы чырысъ плечи; поязъ (!) зализный исъ шыпы; на рукахъ, на кажному пал(ь)ци зализни кил(ь)ця повросталы, на ко-якыхъ пал(ь)цяхъ уже поспадалы, попырыйидалы, сами кисточкы осталысь; и (въ) вушахъ кил(ь)ця пороспылювани позаводыно (кил(ь)ця ти, що у у кинс(ь)кыхъ хомутахъ,—залито и кил(ь)ця). Никóлы ны ляга спать: винъ такъ спыть, ночуйе по кручахъ. У його ныма свойей хаты, винъ хóды по мыру; йому люды дають грошы, винъ грошы ти роздайе та закупуйе, та вишa на себы. Уже высыть на йому зализа пудивъ два, це мы бачылы свойимы очыма, а у роти у його пятакъ, винъ носы на те, шобъ ны балакать. Нихто його ны дозна, чы винъ святый, чы якый винъ йесть. Такъ це ны щытайты за выдумку, а це собстве(н)на правда.

(Оба №№ сообщилъ крест. слободы Попасной, Богучарскаго уѣзда, Трофимъ Антоновичъ Суббота, 12 лѣтъ)

М. Дикаревъ.

Критика и Библіографія.

А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей прив.-доцента *Н. А. Мѣдникова.* Томъ III, СПБ. 1896, стр. 448. Т. IV, СПБ. 1896, стр. 271. Цѣна 5 руб.

Въ свое время мы уже сообщали читателямъ «Этногр. Обозрѣнія» о выходѣ первыхъ двухъ томовъ этого изданія и тогда же отмѣтили всю необходимость появленія труда Мюллера на русскомъ языкѣ. Конечно, и трудъ Мюллера не свободенъ отъ нѣкоторыхъ поспѣшныхъ заключеній. Напр., въ т. III, стр. 212, суфизмъ Саадія характеризуется, «какъ кроткая и чистая, въ высшей степени разумная жизненная философія». Оставляя въ сторонѣ субъективный вопросъ о степени разумности, мы все же постѣсняемся видѣть кротость и чистоту у того писателя, который (наприм., во 2-ой половинѣ Голистана) произноситъ такія сентенціи: «Не держи себя волкомъ, но не держи себя и овцою, чтобъ тебя не съѣли волки», «Ни съ другомъ, ни съ врагомъ не доводи до крайней степени ни дружбы, ни вражды: быть можетъ, ты съ другомъ нѣкогда поссоришься, съ врагомъ помиришься», «Будь скрытенъ съ людьми и, даже говоря къ голой стѣнѣ, будь остороженъ: быть можетъ, за стѣною тебя подслушиваютъ». Едва ли можно назвать такія правила кроткими и чистыми... Однако, не смотря на подобные lapsus calami, трудъ Мюллера остается очень цѣннымъ, и появленію русскаго перевода нужно радоваться.

Къ сожалѣнію, переводъ далеко не всегда удовлетворителенъ. Очень часто онъ тяжелъ, а иногда прямо грѣшитъ противъ русской фразеологіи: „Полный остроумія и ума, ему все же въ умственномъ отношеніи недоставало глубины" (III, 73), «Хотя и будучи довольно независимъ», (III, 120), «Погашеніе возстанія» (III, (97), «его достойная (т. е. цѣнная) исторія» (IV, 198); съ подобными неуклюжими фразами можно, разумѣется, примириться, но въ другихъ случаяхъ прямо извращенъ смыслъ: «Чингизъ-ханъ *считался* монголомъ» (III, 294) вм. «былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ монголъ»; иной читатель подумаетъ, пожалуй, что Чингизъ-ханъ вовсе не былъ монголомъ. «Мы, нѣмцы, до сихъ поръ еще негодуемъ, когда наши дѣды разсказываютъ намъ о бѣдствіяхъ наполеоновскаго времени: но что значитъ это двѣнадцатилѣтнее *недовольство* въ сравненіи съ цѣлыми двумя столѣтіями (турецкихъ раздоровъ)?» (III, 209). У насъ нѣтъ подъ руками нѣмецкаго текста Мюллера (рецензія эта пишется въ одной

изъ отдаленныхъ деревень Ливана, куда нельзя было перевезти много книгъ съ собою), но, очевидно, тутъ произошло какое-то недоразумѣніе при передачѣ подлиннаго термина (Unfriede? раздоры) [1]. Послѣдняя строка т. III, стр. 121 содержитъ или грубую ошибку или (что вѣрнѣе) описку: «ученія» вм. «чтенія».

Нѣкоторыя изъ неточностей перевода не извинительны потому, что переводъ, повидимому, дѣлался людьми, свѣдущими въ восточныхъ языкахъ: восточные языки должны были бы помочь переводчикамъ въ уразумѣніи нѣмецкаго текста. Книга «Калила и Димна» названа *волшебными* сказками (III, 49). Неужели такъ и у Мюллера? [2] «Бахръ по-арабски—море, или большой *потокъ*» (III, 182),—не потокъ, а рѣка; по-нѣмецки и то и другое—«Strom» (рѣчь идетъ о Нилѣ). «Бустанъ—садъ увеселеній» (III, 213). Слово «бустанъ» значитъ просто «фруктовый садъ», и если у Мюллера написано «Lustgarten», то надо было перевести «пріятный садъ»; «садъ увеселеній» имѣетъ по-русски свое особое значеніе, не годящееся для заглавія творенію Саадія. Сочиненіе Низамія «Хамсе» объясняется какъ «пятерня» (III, 213). Для пяти поэмъ годится названіе «пятерица», а «пятерней» обыкновенно называютъ пясть руки. Девизъ Тимура: «расти—русти» переводится «право—сила» (III, 292) и называется лицемѣріемъ. Русскій читатель непремѣнно пойметъ «сила» въ смыслѣ подлежащаго, но будетъ недоумѣвать, въ чемъ же здѣсь лицемѣріе. На самомъ же дѣлѣ слово «расти» значитъ по-персидски «правда» или «правота», и у Мюллера, очевидно, написано «Recht» (срв. выраженіе: ich habe Recht—я правъ). Слово «факыхъ» обыкновенно переведено въ точности: «правовѣдъ», но на стр. 268, т. IV—«правовѣрный»; вѣроятно, это простая описка. Прозвище «Утрушъ» переведено «нѣмой» (III, 40), а оно значитъ «глухой».

Мюллеръ, составляя свою книгу, издавалъ ее выпусками. Иногда въ послѣдующихъ выпускахъ онъ поправлялъ ошибки предыдущихъ. Въ русскомъ переводѣ, да вдобавокъ въ такомъ, фирму котораго согласился взять на себя оріенталистъ-спеціалистъ, слѣдовало бы не повторять ошибокъ Мюллера, а сразу же ихъ исправлять. Между тѣмъ переводчики этого не сдѣлали. Бѣдный русскій читатель, изучая исторію Багдада (т. II), не догадается, конечно, что въ ней есть ошибки, очень серіозныя, отмѣченныя лишь въ исторіи Персіи (т. III, примѣч. къ стр. 25). Также едва ли догадается читатель, что свѣдѣнія, сообщенныя во II т. (стр. 336), объявляются въ т. III, стр. 264, какъ «непростительный lapsus calami, который, быть можетъ, можно извинить только его чудовищностью». Читателю и въ голову не придетъ сомнѣніе, потому что въ другихъ случаяхъ онъ видитъ примѣчанія редакціи, оспаривающія какое-

[1] Въ оригиналѣ Spanne: „was aber will diese Spanne von einem Dutzend Jahren sagen gegen zwei ganze Jahrhunderte?"—Дальнѣйшія догадки г. рецензента на счетъ отдѣльныхъ выраженій въ оригиналѣ вполнѣ справедливы. *Ред.*

[2] Въ подлинникѣ просто: Märchensammlung. *Ред.*

нибудь мнѣніе Мюллера, и по неволѣ подумаетъ: что не оговорено редакціей, то, значитъ, несомнѣнно.

Правописаніе собственныхъ именъ—вообще правильно, но иногда есть и ошибки. Мы оставимъ въ сторонѣ имена европейскія (въ томъ числѣ даже «Тиръ Вильямъ Муиръ» I, 263, вм. «Сэръ Уильямъ Мьюръ») и отмѣтимъ только нѣкоторыя восточныя. Нѣмецкое s породило у переводчиковъ неправильныя начертанія: «Исъ-аль-мулькъ» (III,127, вм. «Иззъ»), «Азисъ» (III, 159 вм. «Азизъ»), «Хассанъ» (III, 287—288, много разъ, вм. «Хасанъ»), «Сиръябъ» (IY, 51, вм. «Зиръ-ябъ»); Исмаилъ всегда называется Измаиломъ. Вм. «дж» написано «дш» въ «Синдшаръ» (III, 158). Къ прозвищу Нуреддина «аль-Меликъ ас-Сâлихъ» (т. е. «благой царь») добавлено примѣчаніе: «выговаривать х твердо, какъ въ словѣ: мохъ (III, 169)»,—ну и выйдетъ вмѣсто «благаго царя» «царь сдиратель шкуры» [1]). Мюллеръ, очевидно, написалъ «Sâlih» и долженъ былъ сдѣлать примѣчаніе насчетъ h,—не то нѣмцы совсѣмъ не произносили бы его. Наибольшій курьезъ вышелъ у переводчиковъ съ армянскимъ лѣтописцемъ Ѳомой изъ Медзопа [2]): они его называютъ «Томасъ фонъ Медцофъ» (III, 292, 314).

Самымъ существеннымъ недостаткомъ русскаго изданія мы считаемъ изобиліе хронологическихъ опечатокъ. Вотъ, напр., нѣсколько, которыя намъ бросились въ глаза *при самомъ бѣгломъ* чтеніи, откуда мы заключаемъ, что ихъ гораздо больше: Смерть Якуба Саффара 875 г. (III, 34—вм. 878); окончаніе «Шах-наме» Фирдоусіемъ 1001 г. (III, 70,—вм. 1011); взятіе Хорезма Сельджуками 1042—1043 г. (III, 87—вм. 1045—1046); принятіе атабекомъ азербейджанскимъ титула «султанъ» датировано по христіанской эрѣ вѣрно (1191), но годъ гиждры указанъ невѣрно: 581 вм. 587; нападеніе Тогрула III на Рей—1394 (III, 147,—вм. 1194); годъ смерти Нуреддина Махмуда, «пріобрѣтшаго неувядаемую славу и всемірно-историческое значеніе», показанъ 1179 (III, 158), а онъ умеръ въ 1174 г.,—значитъ, прибавлено пять лишнихъ лѣтъ неувядаемой славы; смерть Кылыджъ-Арслана II—1292 (III, 179,—вм. 1192); объ Альфараби сказано, что этотъ знаменитѣйшій изъ арабскихъ философовъ жилъ *гораздо позднѣе* эпохи сельджуковъ и хорезмшаховъ (III, 209), а онъ жилъ еще до наступленія ея; царствованіе Аргуна показано 1291—1295 (III, 275,—вм. 1284—1291); взятіе Багдада Тимуромъ—1491 (III, 332,—вм. 1401); Узунъ Хасанъ—1149 (III, 353,—вм. 1449).

Мы очень жалѣемъ, что г. Мѣдниковъ согласился дать свою фирму не вполнѣ удовлетворительному переводу.

А. Крымскій.

[1]) Что касается звука С вначалѣ, то будетъ ли онъ писаться съ буквою „сінъ" или „садъ", значеніе этого слова въ народномъ языкѣ остается неизмѣннымъ:—„сдиратель шкуры".

[2]) О немъ см. Etude sur Thomas de Medzoph et sur son histoire de l'Arménie au XV siècle, par F. Nève. Paris 1855.

Н. Я. Никифоровскій. Простонародныя примѣты и повѣрья. Суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ, 1897. 8° X+308+30.

Новый обширный трудъ извѣстнаго знатока Бѣлоруссіи Н. Я. Никифоровскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Стараясь охватить бѣлорусскую жизнь такъ, какъ она представляется суевѣрному сознанію бѣлорусса-витеблянина, собиратель охарактеризовалъ его міровоззрѣніе съ тою полнотою и объективностью, какая возможна лишь для человѣка, духовно сроднившагося съ окружающей средою и сосредоточившаго въ наблюденіяхъ надъ нею лучшія стремленія и чувства своей жизни. Глубокая наблюдательность и многолѣтній житейскій опытъ, снимающій верхніе пласты народной и общественной жизни и раскрывающій ея внутреннія, сокровенныя основы, удачно соединились въ собирателѣ для того, чтобы сдѣлать его книгу одинаково интересной и для этнографа, который подойдетъ къ ней съ историко-культурными цѣлями, и для народника-беллетриста, которому она дастъ богатѣйшую канву для всевозможныхъ узоровъ народнаго быта и духа.

Личность собирателя совершенно отсутствуетъ въ книгѣ, (исключая, конечно, предисловія); нигдѣ онъ не говоритъ о себѣ съ активной точки зрѣнія, ничего не объясняетъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ объясненіе дается самимъ народомъ, нигдѣ не полагается на предположенія и догадки. 2300 слишкомъ отдѣльныхъ наблюденій и замѣтокъ, собранныхъ въ его книгѣ, представляютъ собою, безъ всякой подмѣси, настоящія извлеченія изъ бѣлорусской жизни: она дробится и отражается здѣсь въ безконечномъ разнообразіи деталей матеріальнаго и духовнаго быта и производитъ впечатлѣніе поражающаго своимъ реализмомъ подлинника, по которому не прошлась ничья прихотливая кисть. Этотъ реализмъ, это безпристрастіе т. н. сырого матеріала есть въ то же время крупная научная заслуга, и ее засвидѣтельствуетъ не одинъ изслѣдователь, который остановитъ любознательную мысль на той или другой сторонѣ этого характернаго матеріала.

Обращаясь къ содержанію, мы видимъ, что въ этой книгѣ выразилось все, доступное мысли и слову невѣжественнаго, некультурнаго, но пытливо отыскивающаго истинную дорогу человѣка, еще скованнаго путами вѣкового предразсудка и нужды, но инстинктивно чувствующаго, что правда и свѣтъ когда-нибудь заглянутъ и въ его убогую, жалкую обитель. Это чувство поддерживаетъ въ немъ глубокую вѣру въ полухристіанскаго, полуязыческаго бога, окруженнаго сонмомъ добрыхъ и злыхъ геніевъ, которые ведутъ споръ за человѣка отъ перваго дня его рожденія до могилы. Послѣдній долженъ быть очень осмотрителенъ въ жизни: каждый его поступокъ, каждое слово и взглядъ должны быть строго согласованы не только съ кодексомъ общежитейской практики, но и съ предначертаніями и волей «силы нездѣшней»: иначе человѣку со всѣхъ сторонъ угрожаетъ болѣзнь, несчастье и смерть. Характеръ этой «нездѣшней силы», по своему дѣйствію на людей, опредѣлился вполнѣ, опредѣлились ея симпатіи и антипатіи, и вѣковой опытъ раскрылъ цѣлую сѣть примѣтъ и предзнаменованій, которыя могутъ обратить ея дѣй-

ствія на благо или вредъ. И среди богатѣйшаго матеріала, характеризующаго это двоевѣрное настроеніе умовъ бѣлорусской крестьянской массы, духовенство нерѣдко, повидимому, становится въ положеніе знахарей, этихъ присяжныхъ стряпчихъ въ дѣлѣ защиты человѣческихъ интересовъ отъ посягательствъ на нихъ лукаваго, темнаго божества. Насъ не удивляетъ, когда мы читаемъ о частныхъ случаяхъ превращенія чародѣйскою силою людей въ волковъ или «волколакъ», и когда послѣдніе, послѣ обратнаго превращенія, разсказываютъ о своей волколаческой жизни, напримѣръ, слѣдующее. «Образъ жизни «волколáковъ» разнится отъ обыкновеннаго волчьяго. Такъ, волколаки воютъ на востокъ, или въ сторону своихъ деревень, когда ложатся спать и встаютъ—это молитва; подъ головою устраиваютъ изголовье изъ мха, травы, хвороста, или обрубка дерева и камня; утромъ умываются, поводя мордою по росистой травѣ; повинуясь привычкѣ, въ первую весеннюю пору они разгребаютъ землю—пашутъ». Но странно встрѣчать въ числѣ симпатическихъ и механическихъ средствъ, которыя должны облегчить появленіе младенца на свѣтъ Божій, обращеніе къ священнику не за молитвой, не за нравственной поддержкой во время страданій, но за тою же чародѣйской символикой, въ которую входятъ лишь церковные обряды и предметы. Когда не помогаетъ родильницѣ ни отваръ изъ сухого чернобыльника, ни ея девятикратное переступаніе черезъ мужа, который въ это время покорно лежитъ у порога избы съ внутренней стороны, тогда въ крайности обращаются въ священнику: «старшій въ семьѣ мужчина проситъ священника *расчинить* царскія врата: тогда и для *новорожэнца* откроются ворота материнской утробы». Или: «въ крайнемъ и послѣднемъ случаѣ *родúтку* опоясываютъ тѣмъ поясомъ, который употребляется священникомъ при церковномъ облаченіи, при условіи, чтобы этотъ поясъ ни прежде, ни послѣ не употреблялся подобною страдалицею». При крещеніи священникъ участвуетъ въ суевѣрномъ гаданіи и тоже на церковной подкладкѣ. «Срѣзанные при *Кстѣ* волосы, читаемъ мы въ п. 135, священникъ мнетъ съ кусочкомъ свѣчного воска и бросаетъ въ купель. Если восковой комочекъ немедленно потонетъ, дитя скоро умретъ; будетъ плавать на поверхности купельной воды—дитя долго проживетъ». «Если не смерть, такъ рядъ болѣзней постигнетъ то дитя, которое чихнетъ, кашлянетъ, вздохнетъ или сблюетъ подъ *Кстомъ*» (133).

Эти примѣры показываютъ достаточно наглядно, какъ мало привилось къ бѣлоруссу христіанство своей внутренней, идеальной стороной.

Такого рода примѣты встрѣчаютъ рожденіе и крещеніе ребенка; ими окружено его раннее дѣтство; онѣ усыпаютъ весь его жизненный путь, и онѣ же провожаютъ его въ послѣднее жилище. Реальныя условія быта, связанныя съ вопросами о томъ, гдѣ, какъ и чѣмъ живетъ человѣкъ, выразились въ нихъ съ гораздо большой полнотой и рельефностью, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано въ лирической или даже эпической пѣснѣ. Уже не говоря о множествѣ суевѣрныхъ примѣтъ, относящихся къ предсказаніямъ погоды, земледѣльческому труду во всѣхъ его видахъ, къ жизни семейной и общественной, однѣ примѣты и указанія, касающіяся болѣз-

ней, представляютъ собою не только интересный въ научномъ отношеніи, но и поучительный въ общественномъ смыслѣ матеріалъ. Острыя желудочныя боли мать взгоняетъ у ребенка тѣмъ, что сѣчетъ его прутьями по животу, дѣлаетъ ему «паринку по пузи», «съ явнымъ намѣреніемъ причинить боль» (274). «Когда наступитъ особенно сильный припадокъ родимца, нужно надрѣзать мизинецъ правой руки больного крестообразно и кровью помазать лобъ, глаза, носъ, ротъ и грудь его» (279). «Почти всѣ горловыя дѣтскія болѣзни успѣшно излѣчиваются водою, три раза перелитою чрезъ волчье горло, которое сберегается отъ убитаго волка» (291). «Когда у малолѣтняго дитяти выпадаютъ кишки, нужно взять его за ножки и, перевернувъ головкою внизъ, встряхнуть три раза. Но если то же приходится сдѣлать съ болѣе возрастнымъ дитятей, то въ дверной косякъ вколачивается крѣпкій гвоздь, и дитя привѣшивается ногами на полчаса приблизительно. Это нужно повторить не менѣе трехъ разъ» (284). «Много помогаетъ отъ *суроцывъ* вода, добытая именно со дна колодца,—для чего слѣдуетъ нырнуть на дно колодца съ бутылкою. Послѣ каждаго пріема такой воды нужно бросать въ этотъ колодезь по одному холодному углю, и это средство будетъ помогать тогда *осуроченнымъ* людямъ всѣхъ возрастовъ» (245). Такія средства употребляетъ народно-медицинская практика въ Витебской Бѣлоруссіи, и средства, надо сознаться, радикальныя, рѣшительныя, если не въ одну, то въ другую сторону; множество другихъ средствъ отличается, правда, болѣе невиннымъ характеромъ, но зато эти средства и менѣе дѣйствительны.

Краю нужна не одна врачебная организація, но и школа. Эта потребность сознается населеніемъ, и нерѣдко выражается на страницахъ разбираемаго труда. «Передъ вторымъ купаньемъ, разсказываетъ собиратель въ п. 99, новорожденному дается въ руку книга, или лоскутокъ печатнаго листа, и перо, чтобы дитя впослѣдствіи было *письме́ннымъ* и умнымъ». Въ числѣ предметовъ, полагаемыхъ у порога избы, черезъ который должны переступить кумовья, рядомъ съ топоромъ, пилой, долотомъ и т. д. кладется и книга, въ надеждѣ, что впослѣдствіи дитя будетъ мастерски владѣть этими предметами (126). Такъ, пуповину мальчика бабка отрѣзаетъ или на дубовой плахѣ, чтобы онъ былъ крѣпокъ, или на книгѣ, чтобы былъ грамотнымъ. И подобныхъ примѣровъ много. Жизнь дѣлаетъ свое дѣло, и понемногу, незамѣтно протѣсняются въ житейскій кругозоръ новыя понятія, клиномъ входящія въ старину и поселяющія въ ней расколъ. Старое крѣпко, «съ нимъ проходится считаться», «пока еще не подоспѣло коренное преобразованіе суевѣрно-предразсудочнаго кругозора простолюдина», но и новое, если поддаться оптимистическому тону автора ниже цитируемыхъ словъ, имѣетъ не мало шансовъ для успѣшной борьбы «Юная пока-что, говоритъ г. Никифоровскій, но имѣющая всѣ задатки просвѣтительнаго роста народная школа, расширившаяся до захолустій, мрачныхъ закутъ, безостановочно льетъ туда свѣтъ, истину и трезвый взглядъ». А если это такъ, и если «текущая жизнь воочію подтверждаетъ, что и уцѣлѣвшимъ остаткамъ старины предстоитъ конечное исчезновеніе», то мы должны быть особенно благодарны собирателю за

то, что онъ сберегъ для этнографической науки относительно-полную картину міросозерцанія до — и послѣ-реформѣннаго бѣлорусса, отразившагося въ записяхъ собирателя, старѣйшія изъ которыхъ помѣчены шестидесятыми годами.

И въ этихъ записяхъ, непосредственно примыкающихъ къ извѣстнымъ уже «Очеркамъ простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи» и занявшихъ въ настоящемъ томѣ болѣе 300 страницъ четкой, убористой печати, собиратель неразсчетливо въ множествѣ разсѣялъ драгоцѣнный матеріалъ заговоровъ, заклинаній, легендъ, пословицъ, поговорокъ, крылатыхъ словъ и выраженій, изъ которыхъ каждая группа, будучи выдѣлена въ самостоятельный трудъ, уже имѣла бы цѣну и заслуживала бы поощренія. Въ самомъ дѣлѣ, того, что даетъ книга г. Никифоровскаго, съ успѣхомъ хватило бы на серію выпусковъ, изъ которыхъ въ первый вошли бы примѣты и предзнаменованія, сопрождающія человѣка, отъ рожденія до смерти, во второй, напримѣръ, болѣзни, ихъ лѣченье, народно-медицинскіе средства и пріемы, заговоры и заклинанія, въ третій легенды, которыхъ очень много и между которыми не мало любопытныхъ, вродѣ легендъ о превращеніи въ кукушекъ или тѣхъ, что помѣщены въ отдѣлѣ «Дополнительныхъ сказаній» (напр., о ростѣ бывшихъ людей, «осилки», происхожденіе болотъ, заростающія озера, возникновеніе горы и проч); далѣе могли бы быть выдѣлены демонологическія представленія, нечистики, вѣдьмы, вѣдьмари, знахари и знахарки. наконецъ, пословицы, поговорки, гадательныя формулы и мѣткія слова могли бы представить также весьма почтенный матеріалъ для сужденія не только о силѣ и экспрессіи устной рѣчи витебчанъ, но и объ особенностяхъ говора, извѣстнаго собирателю въ совершенствѣ и передаваемаго съ тою точностью, какую только можетъ передать наша еще не установившаяся и искусственная транскрипція.

Н. Я. Никифоровскій расположилъ свои наблюденія и замѣтки по извѣстнымъ группамъ, которыя даютъ возможность читателю оріентироваться послѣ небольшаго знакомства со сборникомъ, но далеко не сразу раскрываютъ все богатство заключеннаго въ немъ матеріала — и потому при поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ получается впечатлѣніе, значительно менѣе выгодное, чѣмъ то, которое соотвѣтствуетъ ему по существу. Вотъ на какія крупнѣйшія рубрики дѣлитъ г. Никифоровскій свою книгу: А. Дитя «одъ спычатку» до конца «блазноцтвы». Б. Молодые люди обоего пола; брачущаяся чета. В. Будничная жизнь дома и внѣ дома. Г. Животныя ископаемыя и явленія природы. Д. Святочная жизнь дома и внѣ дома. Е. Къ вечеру—не рано (Болѣзни, старость, всяческія недомоганія и кончина человѣка). Ж. Дополнительныя (смѣшанныя) сказанія. «Въ посильной систематизаціи разнообразныхъ сказаній, говоритъ по этому поводу собиратель, пришлось дать имъ предметное распредѣленіе: что тѣснѣйше относится къ человѣку, то расположено примѣнительно къ теченію жизни послѣдняго, и въ семъ случаѣ всѣ сказанія сообща передаютъ суевѣрно-предразсудочный кругозоръ простонародья о человѣкѣ отъ колыбели до могилы, или, точнѣе — отъ того неуловимаго мгновенія, когда чуть-чуть

опредѣлилось земное бытіе его, и до того опять же теряющагося времени, когда у отдаленныхъ сродниковъ исчезаетъ памятованіе о немъ, когда онъ обращается въ безличное имя «дядовъ». Остальныя сказанія, не относящіяся непосредственно къ человѣку, группируются при основной нити сказаній о земномъ владыкѣ, какъ положительные и отрицательные спутники». Несомнѣнно желательно было бы видѣть въ такомъ обширномъ сборникѣ подробный предметный указатель, который помогъ бы оріентироваться въ собранномъ матеріалѣ. Расположеніе послѣдняго по рубрикамъ дѣло чрезвычайно трудное: вотъ почему мы не споримъ съ собирателемъ относительно принятаго имъ порядка. Но отсутствіе указателя—единственный сколько-нибудь существенный недостатокъ. Интересы науки во всемъ прочемъ въ достаточной степени гарантируетъ научная подготовленность собирателя, уже извѣстнаго въ этнографической литературѣ многочисленными трудами этого рода, ясное сознаніе преслѣдуемыхъ имъ научныхъ цѣлей, обусловливающее и его техническіе пріемы, и внутренній характеръ его наблюденій. «Въ какой простотѣ послѣдняя (т. е. повѣсть, сказаніе, мелкое сообщеніе) выходила изъ устъ сказателя, въ томъ видѣ она, по подлиннымъ словамъ собирателя, поступила въ настоящій сборникъ». «Гдѣ оказалось возможнымъ и гдѣ для вящшаго оттѣнка нужно было, въ текстъ сказаній внесены типичныя реченія передатчиковъ», при чемъ въ 390 выноскахъ и примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ, дается объясненіе тѣхъ рѣченій, «кои не отысканы въ словаряхъ или коимъ на мѣ тѣ придается новый лексическій оттѣнокъ». Если добавить къ этому, что почти каждое отдѣльное сказаніе сопровождено указателемъ мѣста и времени записи, а въ приложеніи помѣщенъ общій топографическій указатель, то станетъ ясно, что въ книгѣ г. Никифоровскаго мы встрѣчаемъ не только обширный и усердный, но и солидно обставленный въ научномъ отношеніи трудъ, объективность котораго не можетъ подлежать сомнѣнію.

Евг. Ляцкій.

А. Е. Бурцевъ. Сказки, разсказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края. Спб. 1897.

Г. Бурцевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ библіомановъ, которые заботятся лишь объ увеличеніи числа библіографическихъ рѣдкостей. Въ виду этого не слѣдуетъ удивляться примѣчанію на оборотѣ заглавнаго листа настоящей книги: «Печатано въ количествѣ 40 экземпляровъ не для продажи».

Къ счастью для занимающихся этнографіей и народной поэзіею, вновь вышедшая библіографическая рѣдкость лишена всякаго значенія. Трудъ составленія для г. Бурцева не былъ тяжелъ: главная часть №№ сборника перепечатана имъ изъ «Живой Старины», изъ изданій Афанасьева Рыбникова, Барсова, Славянской, Харузина (о лопаряхъ,) одинъ № даже изъ сборника Кирши Данилова; кое-что (не имѣющее никакого отношенія къ нашему сѣверу) взято изъ лубочныхъ книжекъ недавняго времени, между прочимъ «Англійскій Милордъ Георгъ» и «Францыль Венеціанъ»; само-

му г. Бурцеву принадлежитъ лишь нѣсколько разсказовъ, коротких и мало интересныхъ по содержанію. Ни объясненій, ни библіографических указаній нѣтъ.

Внѣшняя сторона книги—изъ заурядныхъ заурядная: посредственная печать, почти полное отсутствіе орнаментаціи, плохая корректура.

А. Соболевскій.

Н. А. Смирновъ. Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени. Этнографическій очеркъ. СПБ. 1895. 26 стр. ц. 60 к.

Небольшая книжка г. Смирнова, уже отмѣченная мимоходомъ въ «Этногр. Обозрѣніи» (XXXIII, 93), представляетъ собою попытку охарактеризовать русскую пѣсню «новѣйшей формаціи». Приступая къ своей работѣ, авторъ упрекаетъ собирателей народныхъ пѣсенъ въ томъ, что они руководствуются только личнымъ вкусомъ и, вслѣдствіе этого, совершенно игнорируютъ новѣйшія народныя пѣсни, находя ихъ пошлыми и грубыми. Напомнивъ читателю, что Костомаровъ еще въ 1872 году говорилъ, что не должно пренебрегать и новой пѣсней народа, онъ указываетъ на то, что приведенныя слова до сихъ поръ еще не находятъ себѣ отзвука. Правда, въ послѣдніе два, три года стали раздаваться отдѣльные голоса, говорящіе какъ бы въ защиту новой пѣсни (Перетцъ), но едва ли можно сказать многое при отсутствіи въ литературѣ новаго пѣсеннаго матеріала». Матеріалъ этотъ скуденъ, разбросанъ по провинціальнымъ изданіямъ; собиратели по большей части «люди случайные»; мѣста собиранія—большею частью окраины Россіи.

Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что упреки, высказанные г. Смирновымъ по адресу собирателей народныхъ пѣсенъ до нѣкоторой степени справедливы и что не лишнее было напомнить имъ слова Костомарова; но все это даетъ намъ право ожидать, что г. Смирновъ вполнѣ изучилъ все то, что было написано о современной народной пѣснѣ, всѣ тѣ «отдѣльные голоса, говорящіе какъ бы въ защиту новой пѣсни», которые стали раздаваться въ послѣдніе годы. А между тѣмъ, какъ намъ кажется, г. Смирновъ не совсѣмъ внимательно отнесся къ литературѣ интересующаго его вопроса. Въ его книжкѣ упоминается лишь работа Перетца (Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. СПБ. 1893) и ни слова не говорится ни о статьѣ г. Успенскаго «Новые народные стишки» [1]). (Сочиненія т. III. СПБ. 1891), ни объ очеркѣ С. М. Пономарева «Что поетъ про себя Приуралье» (Сѣверн. Вѣстн. 1887. XI, XII), ни о книжкѣ И. Я. Львова «Новое время, новыя пѣсни» (Устюгъ 1891), о которой была подробная рецензія въ „Вѣстникѣ Европы" за 1892 г. (октябрь) [2]). Каждый изъ упомянутыхъ авторовъ работалъ надъ имѣющимся у него лично рукописнымъ матеріаломъ, въ

[1]) Это именно та статья изъ „Русск. Вѣдомостей", которая не точно обозначена нами въ „Этногр. Обозр." XXXIII 93 (въ выноскѣ). *Ред*

[2]) См. еще „Этногр. Обозр." XXXIII, 176, подъ № 4. *Ред.*

составъ котораго входятъ пѣсни Новгородской, Вологодской гг., Пріуралья; тѣми изъ этихъ пѣсенъ, которыя обнародованы въ указанныхъ нами статьяхъ, могъ бы воспользоваться и г. Смирновъ и дополнить то, что онъ извлекъ изъ просмотрѣнныхъ имъ сборниковъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Очеркъ его отъ этого выигралъ бы въ полнотѣ и выводы были бы болѣе обоснованы.

Упрекая собирателей и изслѣдователей народныхъ пѣсенъ въ пристрастіи, г. Смирновъ приводитъ слова Костомарова, что «никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ: если для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, то для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ все-таки драгоцѣнные памятники народнаго творчества. *При этой точкѣ зрѣнія, видимая безсмыслица для насъ иногда не бываетъ лишена смысла*». Намъ кажется, что г. Смирновъ и самъ не вполнѣ остался вѣренъ точкѣ зрѣнія, установленной Костомаровымъ. Онъ не придаетъ никакого значенія «частушкамъ», которыя, по его мнѣнію, «представляютъ по большей части безсмысленный наборъ словъ»; къ этой безсмыслицѣ однако слѣдовало бы отнестись повнимательнѣе; можетъ быть, тогда авторъ не говорилъ бы объ нихъ съ такимъ презрѣніемъ. Въ упомянутой статьѣ Г. Успенскаго мы находимъ такія слова объ этомъ типѣ современной пѣсни:

«Не изъ чего собрать и сложить пѣсню, но сочинить «стишокъ», откликнуться на разнообразнѣйшія явленія обыденной жизни, этого даже и утерпѣть нельзя народу. И вотъ онъ сочинилъ такъ называемую частушку, т. е. куплетъ, и этими частушками откликается на каждую малость жизни... Собравъ эти частушки съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ мелкихъ подробностяхъ хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ, и разработавъ ихъ соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онѣ касаются, мы имѣли бы точное представленіе о нравственной жизни народа» (Сочиненія. т. III стр. 655). Тотъ же взглядъ проводился и въ недавней статьѣ г. Балова: «Коротенькія пѣсни, или «припѣвки» («Этногр. Обозр.» XXXIII, 93).

Книга г. Смирнова основана почти исключительно на появившихся уже въ печати сборникахъ, на которыхъ онъ остановился, пересмотрѣвъ литературу по интересующему его вопросу за 70-е и 80-е годы. Только три пѣсни записаны лично авторомъ: одна описываетъ желѣзную дорогу, другая рисуетъ разгульное житье фабричнаго парня, третья, очень грустная,—разсказъ дѣвушки о ея паденіи въ Петербургѣ. Всѣ три пѣсни записаны въ Петербургской губ.

Какъ мы уже замѣтили, очеркъ г. Смирнова не даетъ полной характеристики современной народной пѣсни, да и самъ авторъ не претендуетъ на это, сознавая, что матеріала, имѣвшагося въ его распоряженіи слишкомъ мало для этого. Подробно касается онъ отраженія въ пѣснѣ внѣшняго вліянія городской культуры, вліянія ея на взаимныя отношенія мужской и женской молодежи деревни и на положеніе деревенской женщины;

пѣсни, касающіяся фабричнаго быта и отхожихъ промысловъ вообще, а также арестантскія пѣсни или совсѣмъ не затронуты имъ или затронуты слегка.

Подводя итоги своей работѣ, авторъ говоритъ, что «содержаніе новѣйшей народной пѣсни слишкомъ бѣдно въ сравненіи со старою пѣснею, которая открывала передъ нами обширнѣйшій горизонтъ миѳическихъ воззрѣній народа или рисовала старинные обычаи его жизни». Современная пѣсня распѣваетъ про «колошицы», «конверты», «штафеты», желѣзныя дороги и т. п. предметы цивилизаціи, хотя не оставляетъ безъ вниманія, какъ мы видѣли, и интересовъ семейной жизни, но только новой, а не старой, сдѣлавшейся для народа теперь и мало интересной, и непонятной. Намъ кажется, что мнѣніе г. Смирнова о бѣдности содержанія современной народной пѣсни не совсѣмъ вѣрно. «Колошицы», «конверты», «штафеты» являются скорѣе, такъ сказать, аксессуарами пѣсни, а не предметомъ ея; содержаніе ея по прежнему берется изъ народной жизни и едва ли теперь бѣднѣе, чѣмъ въ старыя времена. Далѣе авторъ и самъ смягчаетъ свой приговоръ, совершенно справедливо говоря, что «современная народная пѣсня... не такъ ничтожна, какъ ее считаютъ: въ ней есть и смыслъ, и иронія, иногда даже болѣе глубокая, чѣмъ въ старой пѣснѣ, однимъ словомъ, она по-прежнему остается отраженіемъ народной жизни. Если получается некрасивое отраженіе, то слѣдовательно некрасивъ предметъ, который отражается». «Современная народная пѣсня—по вѣрному замѣчанію г. Смирнова—лучшее доказательство того, что для нашего народа наступило переходное время, настала другая эпоха—эпоха личныхъ интересовъ, личнаго творчества, могущаго совершенствоваться только при условіи развитія образованности».

Въ общемъ, не смотря на нѣкоторые недостатки, книжечка г. Смирнова представляетъ интересъ, какъ по указаніямъ на литературу 70 и 80-хъ годовъ (не совсѣмъ впрочемъ полнымъ), такъ и по разработкѣ извлеченнаго авторомъ пѣсеннаго матеріала. Но главное достоинство этой книжки заключается собственно въ ея, такъ сказать, публицистической сторонѣ, въ томъ, что авторъ еще разъ напоминаетъ нашему образованному обществу о значеніи тѣхъ «фабричныхъ» «лакейскихъ» пѣсенъ, къ которымъ очень многіе относятся съ полнымъ пренебреженіемъ.

Д. С.

Труды VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 г. т. III. (*Подъ ред. гр. П. С. Уваровой. М. 1897. 4° стр. 341 съ 28 табл. рис.*).

Значительное большинство статей, помѣщенныхъ въ обширномъ и роскошно изданномъ 3-мъ томѣ «Трудовъ» VIII-го археологическаго съѣзда, посвящено разработкѣ и выясненію археологическихъ вопросовъ, бывшихъ предметами докладовъ и обсужденій на Московскомъ съѣздѣ 1890 г. Нѣкоторыя статьи представляютъ однако и чисто этнографическій интересъ; на нихъ-то мы и позволимъ себѣ остановиться.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе статья *В. А. Городцова: Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки.* Чрезвычайно интересная работа г. Городцова—результатъ его продолжительныхъ, произведенныхъ съ замѣчательной детальностью и тщательностью, изслѣдованій въ долинѣ р. Оки слѣдовъ культуры неолитическаго человѣка. Основные выводы, къ которымъ пришелъ г. Городцовъ, отчасти уже извѣстны изъ его реферата, читаннаго В. И. Сизовымъ въ засѣданіи Имп. Моск. Археологическаго Общества и напечатаннаго въ «Археологич. Извѣст. и Замѣткахъ» (1895 г. № 4). Изслѣдованія г. Городцова обратили на себя заслуженное вниманіе въ виду того, что они касаются одного изъ крайне интересныхъ, но оставшагося до послѣдняго времени темнымъ вопроса о типѣ жилищъ, которымъ пользовался человѣкъ неолитической эпохи р. Оки—мѣстности особенно богатой слѣдами долговременнаго пребыванія въ ней человѣка въ періодъ т. н. каменнаго вѣка. Естественно, что этотъ вопросъ не можетъ быть чуждъ этнографіи, которая для установленія процесса развитія въ разныхъ сферахъ человѣческой культуры, вынуждена дополнять и иногда провѣрять свои выводы данными археологіи. Между тѣмъ о жизни населенія Россіи во «внѣметаллическій періодъ» наука обладаетъ лишь крайне скудными свѣдѣніями: древности каменного вѣка сравнительно мало привлекаютъ вниманіе нашихъ археологовъ. Г. Городцовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сравнительно немногочисленныхъ въ Россіи лицъ, которыя посвящаютъ свои силы спеціально изученію этого далекаго періода. Насколько неожиданными и цѣнными для науки могутъ быть подобныя изысканія, доказывается результатами, добытыми г. Городцовымъ: изслѣдованіе дюнъ, при которомъ онъ нашелъ остатки сгорѣвшаго, повидимому коническаго шалаша, далѣе находка очажныхъ ямъ и наконецъ землянки-ямы (на плотинѣ Черепково)—проливаютъ яркій свѣтъ не только на вопросъ о типахъ жилищъ неолитическаго періода въ долинѣ Оки, но позволяютъ судить и объ образѣ жизни первобытныхъ обитателей, оставившихъ многочисленные памятники своего быта въ видѣ орудій изъ камня, черепковъ посуды и т. п. Шалаши служили, повидимому, лѣтнимъ, ямы-землянки—зимнимъ жилищемъ. Выводы г. Городцова вполнѣ сходятся съ выводами этнографіи, видящей въ этихъ двухъ типахъ эмбріоны дальнѣйшаго развитія жилища у разныхъ народовъ и въ частности среди современныхъ инородческихъ племенъ Россіи. Предположеніе автора, что землянка на Окѣ явилась на смѣну пещерному жилищу, требуетъ, на нашъ взглядъ, бо́льшихъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ находка жилищъ двухъ типовъ у неолитиковъ на Окѣ ставитъ вопросъ, находившій себѣ болѣе или менѣе гадательное рѣшеніе, на прочную почву фактическихъ данныхъ и даетъ лишній интересный фактъ для этнографа. *Ѳ. Ѳ. Чекалинъ* въ статьѣ: *Мещеры и буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ*—старается установить, что подъ тѣмъ и другимъ названіемъ слѣдуетъ видѣть одну и ту же народность. *И. Н. Смирновъ* въ небольшой замѣткѣ: *Бесермяне Вятской губ.*—старается пролить свѣтъ на другую неопредѣленную еще наукой съ историко-антропологической точки зрѣнія народность бесермянъ. Авторъ старается отмѣтить

антропологическія и этнографическія черты сходства и различія между бесермянами съ одной стороны и вотяками и татарами—съ другой; въ результатѣ проф. Смирновъ приходитъ къ предположенію, что «бесермяне, не будучи ни вотяками, ни татарами, являются овотячившимися потомками какого-то тюркскаго племени, ранѣе татаръ жившаго въ бассейнѣ Чепцы. Что это было за племя, остается пока для насъ загадкой». Если въ отношеніи вопроса о буртасахъ наука вынуждена ограничиваться собираніемъ скудныхъ историческихъ и архивныхъ свѣдѣній, то въ отношеніи мещеры или бесермянъ изслѣдователи находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: изученіе языка и антропометрическія измѣренія могутъ дать прочную почву для рѣшенія вопроса о принадлежности обѣихъ народностей къ той или иной племенной группѣ. Для рѣшенія вопроса о мещерякахъ накоплено со временъ VIII-го археологическаго съѣзда извѣстное количество матеріаловъ, между прочимъ благодаря дѣятельности Общества Археол., Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ; антропометрическія измѣренія (надъ небольшимъ количествомъ мещеряковъ) были произведены между прочимъ проф. Зографомъ. Дальнѣйшее накопленіе матеріала о мещерякахъ дастъ, надо надѣяться, достаточно основаній, чтобы съ одной стороны рѣшить вопросъ о происхожденіи мещеряковъ и опредѣлить районъ ихъ обитанія, а съ другой подкрѣпить или ослабить предположеніе о тождествѣ ихъ съ буртасами. Бесермянамъ не посчастливилось въ той-же мѣрѣ, какъ мещерякамъ: въ предположеніи г. Смирнова о происхожденіи бесермянъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но только дальнѣйшія изслѣдованія дали-бы возможность если не рѣшить, то по крайней мѣрѣ поставить на болѣе прочную почву вопросъ о происхожденіи бесермянъ. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи, уже много потрудившееся надъ изученіемъ Волжско-Камскихъ инородцевъ, обратило вниманіе и на небольшую группу бесермянъ и оказало своими изслѣдованіями содѣйствіе къ рѣшенію вопроса объ ихъ происхожденіи и историческихъ судьбахъ. Другая, болѣе обширная замѣтка проф. *И. Н. Смирнова* посвящена вопросу обывшемъ нѣкогда каннибализмѣ у вотяковъ—*Воспоминанія объ эпохѣ каннибализма въ народной поэзіи вотяковъ*. Матеріалами для возстановленія этой эпохи служатъ автору вотяцкія сказки. Произведенія народной словесности могутъ служить источникомъ для возстановленія прошлаго быта народности только тогда, когда само произведеніе не оказывается заимствованнымъ: намъ кажется поэтому нѣсколько страннымъ, что г. Смирновъ на ряду съ сказками и преданіями, отражающими моментъ существованія эпохи каннибализма у вотяковъ и принадлежащими, повидимому, къ циклу національныхъ произведеній вотяковъ, счелъ возможнымъ, для доказательства своего положенія, еще привлечь записанный имъ варіантъ извѣстной сказки, очевидно заимствованной вотяками у русскихъ. «Солдатъ принесъ изъ лѣса чудную птицу: человѣкъ, который съѣлъ-бы ея голову, могъ сдѣлаться царемъ,—сердце—высокимъ сановникомъ. Провѣдалъ это знакомый солдату купецъ и условился съ солдаткой: съѣдимъ птицу; я буду царемъ, ты «сапатомъ». Уго-

воръ этотъ подслушалъ солдатовъ работникъ и скормилъ птицу двумъ сыновьямъ солдата. Пріѣхалъ купецъ, узналъ, что случилось, и говоритъ: нужно зарѣзать ребятъ; когда мы ихъ съѣдимъ, мы все таки будемъ—я царемъ, ты санатомъ[1]). Не останавливаясь на возбуждающей многія сомнѣнія статьѣ г. *Прозоровскаго*: О *славяно-русскомъ до-христіанскомъ счисленіи времени*, отмѣтимъ слѣдующія работы, имѣющія косвенное отношеніе къ нѣкоторымъ этнографическимъ вопросамъ: *Н. Е. Бранденбурга*: *Къ вопросу о камснныхъ бабахъ*, *Н. Θ. Бѣляшевскаго*: *Слѣды первобытнаго человѣка на берегахъ р. Днѣпра*, вблизи Кіева, и *Г. Л. Скадовскаго*: *Бѣлозерское городище Херсонскаго у.*

Н. Х.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. 1896. Томъ IV-й. № 1 (янв.). *Клеменцъ*, *Д*, Отдѣльная Экскурсія въ Восточную Монголію (докладъ, читанный 6-го сент. 1895 г.).

№ 2 (февр.). Въ отчетѣ по физ.-мат. и истор.-фил. отдѣленіямъ: о смерти Д. А. Ровинскаго; о смерти византиниста Гавр. Спир. Дестуниса; о смерти классика и археолога проф. Бреславльскаго унив—та Мартина Гёрца; о смерти біолога и знатока первобытныхъ древностей проф. Базельскаго унив—та Людвига Рюттимейера.—*фонъ-Леммъ*, *О*, *д-ръ*. Дополненіе къ мемуару: «Коптскіе отрывки къ исторіи патріарховъ александрійскихъ» (докладъ 29 ноября 1895 г.).

№ 3 (мартъ) Въ «извлеченіяхъ изъ протоколовъ»—сообщеніе *А. А. Куника* о татарскомъ періодѣ русской исторіи.—Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. за 1895 г., составл. *А. Θ. Бычковымъ*: вышелъ III вып. Словаря русскаго яз. на букву Д, начатаго *Я. К. Гротомъ* и продолженнаго *А. Θ. Бычковымъ*,—продолженіе возложено на *А. А. Шахматова*; собирается матеріалъ для областного словаря русскаго яз.; напечатанъ четвертый вып. Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, собр. покойнымъ *И. И. Срезневскимъ* (буквы Л, М, Н); печатается, подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова, Словарь олонецкаго нарѣчія, сост. *Г. И. Куликовскимъ*; напечатанъ 1-й вып. Литовско-русско-польскаго словаря *бр. Юшкевичей*, подъ ред. проф. Ф. Θ. Фортунатова (А — Dz); *А. А. Шахматовымъ* составлена программа сѣверно-великорусскихъ говоровъ; подъ ред. ак. М. И. Сухомлинова изданы 7 и 8 томы Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ; ак. *И. В. Ягичъ* издалъ 7-й томъ Изслѣдованій по русскому яз.: «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ», извлеченія болѣе чѣмъ изъ 60 рукописей; *онъ же*, задавшись цѣлью составить критическое обозрѣніе богатаго матеріала объ употребленіи разныхъ тайныхъ языковъ у сла-

[1]) Въ полномъ видѣ сказка помѣщена въ монографіи автора „Вотяки". Ср. Аѳанасьевъ, Сказки, II, № 115, Сборн. свѣд. для изуч. быта крестьянск. населенія Россіи, II (матеріалы Н. А. Иваницкаго).

вянъ, выпустилъ сочиненіе: «Die Geheimsprachen bei den Slaven» (здѣсь, между прочимъ, русскій тайный языкъ офеней, старцевъ, шаповаловъ и шерстобитовъ); *онъ же* напечаталъ: «Ruska Književnost u osamnaestom stoljecu (помѣщено въ «Матицѣ Хорватской»); *онъ же* въ изданіи Вѣнской Академіи Наукъ помѣстилъ: «Anzeiger der philosophisch—historischen Classe»; *ак. А.* Н. *Веселовскій* въ Журн. Мин. Нар. Просв. помѣстилъ отрывокъ изъ приготовляемой имъ исторической поэмы, а именно, статью: «Изъ исторіи эпитета», тамъ же *его* замѣтка: «Молитва св. Сисинія и Верзилово коло» (привлечены эѳіопскіе тексты молитвы, давшіе новое соображеніе); адъюнктъ *А. А. Шахматовъ* во іюнѣ и іюлѣ отчетнаго года совершилъ поѣздку въ Калужскую губ. для изученія мѣстныхъ говоровъ; въ результатѣ изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что врядъ ли гдѣ найдется этнографическая граница между бѣлоруссами и южно-великоруссами: тѣ и другіе, по его мнѣнію, одно общее племя; напечатана рецензія ак. *А. Ѳ. Бычкова* на соч. Р. М. Зотова, «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время»; *его-же* на соч. В. С. Иконникова «Опытъ русской исторіографіи»; рец. *И. В. Ягича* на соч. А. Карнѣева, «Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога»; *его-же* на кн. П. А. Кулаковскаго, «Иллиризмъ, Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія»; рец. *А. Н. Веселовскаго* на трудъ Ѳ. И. Леонтовича «Очерки исторіи литовско-русскаго права, Образованіе территоріи Литовскаго государства»; въ отчетномъ году Академія содѣйствовала проф. Филевичу въ его путешествіи въ Прагу, Вѣну, Будапештъ, Колошъ (Клаузенбургъ), Сибинъ (Германштадтъ) и Черновцы для пополненія и обработки матеріаловъ по изученію Карпатской Руси; Академія содѣйствовала чешскому этнографу Л. Кубѣ для собиранія народныхъ напѣвовъ и пѣсенъ въ Сербіи; напечатанъ трудъ Д. *А. Ровинскаго*: «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вѣковъ»; продолжались печатаніемъ: 1) сочиненіе *Д. А. Ровинскаго*, Черногорія, въ ея прошломъ и настоящемъ,—*П. В. Шейна*, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края,—*Ѳ. А. Брауна*, Разысканія въ области Гото-Славянскихъ отношеній,—II-й томъ онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ; Отдѣленіе Русс. яз. и Слов. приступило къ воспроизведенію фотографіей хранящейся въ Люблянскомъ музеѣ извѣстной Супрасльской рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ мартовскую минею четію; смерть Н. Н. Булича и П. И. Савваитова и біографическія справки о нихъ.—Ломоносовская премія присуждена *Б. К. Ульянову* за сочиненіе: «Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско славянскомъ языкѣ».—Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого: первая медаль—*Вал. Ал. Журавскому* за соч.: «Древности Закаспійскаго края, Развалины стараго Мерва». Спб. 1894.; вторая медаль—проф. *В. А. Лебедеву* за соч.: «Финансовое право»; третья медаль—*А. Н. Харузину* за соч.: «Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892—1894 гг». Ревель 1895.—Отчетъ о присужденіи преміи

имени Императора Александра II, учрежденной Симбирскимъ дворянствомъ: полная премія—*Ѳ. А. Щербинѣ* за соч.: «Воронежское земство 1865—1889. Историко-Статистическій Обзоръ. Ворон. 1891».—Отчетъ о присужденіи преміи А. М. Сибирякова: присуждена *Н. Н. Оглоблину* за соч.: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа».

№ 4 (апр.). Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ по Отдѣленію Русск. яз. и Слов. находятся слѣдующія свѣдѣнія: въ Академію представленъ 1-й томъ болг.-русскаго словаря, составленнаго *Н. Геровымъ* (будетъ печататься въ изданіяхъ Отдѣленія); сборникъ великорусскихъ пѣсенъ *П. В. Шейна* принятъ Академію для изданія; ак. *А. А. Шахматовымъ* изготовлена «Первая глава исторической грамматики русскаго языка» (будетъ напечатана); отпечатана составленная *А. А. Шахматовымъ* «Программа для собиранія особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія» (Спб. 1895); по предложенію А. А. Шахматова и А. Ѳ. Бычкова, при Отдѣленіи рѣшено издавать отъ 4 до 6 разъ въ годъ «Извѣстія Отдѣленія Р. Я. и С. И. А. Н.» (въ числѣ 400 экз.); помѣщена записка *А. А. Шахматова* по вопросу объ изданіи Словаря русскаго языка, согласно которой опредѣлено не исключать словъ областныхъ и вообще словъ изъ живого разговорнаго языка въ устахъ великорусскаго племени; подобраны матеріалы для II тома «Изслѣдованій по русскому языку».—*В. Васильевъ*, Записка о надписяхъ, открытыхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ Тыръ, близъ устья Амура. Долож. 14 февр. 1896. (стр. 366—367).—*И. Я. Спрогисъ*, Литовскій языкъ въ памятникахъ юридической письменности (415—420 стр.).

№ 5 (май). Касающагося этнографіи нѣтъ ничего.

Томъ V № 1 (іюнь). Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ находимъ: по представленіи ак. В. К. Ернштедта, издается рукопись съ греческимъ текстомъ «Повѣсти о семи мудрецахъ» (Сантипа); помѣщены записки ак. *В. Г. Васильевскаго* о русско-французскомъ предпріятіи по изученію памятниковъ церковной исторіи и искусства на Аѳонѣ.—*Н. Кащенко*, О нахожденіи остатковъ мамонта около Томска (31-я стр.).

№ 2 (сент.). *В. Кордтъ*, Отчетъ о занятіяхъ въ голландскихъ архивахъ лѣтомъ 1895 г. (143—148 стр.).

№ 3 (окт.) Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1895 г. (179—207 стр.). Отчетъ о 38-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова (мал. премія): 1) *Н. П. Собко*—за «Словарь русскихъ художниковъ съ XI по XIX вѣкъ», т. I, вып. 1 и т. II, вып. 1. 2) *П. В. Голубовскому* за соч: «Исторія Смоленской земли съ начала XV вѣка». Кіевъ 1895. 3) *И. Н. Смирнову* за соч.: «Восточные финны. Историко-этнографическій очеркъ». Т. I (ч. 1 и 2) и II (ч. 1 и 2); 4) *Фр. Авг. фонъ Кейслеру* за соч.: «Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи» (рукопись).

№ 4 (ноябрь). Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ находимъ: постановлено печатать представленный въ рукописи сборникъ Шейна (см.

выше); А. А. Шахматовъ взялся сличить представленный въ Академію словарь бѣлорусскихъ идіотизмовъ *О. Г. Бородинца* съ словаремъ Носовича; Академія содѣйствуетъ изданію трудовъ А. А. Потебни (Изъ записокъ по русской грамматикѣ); *В. И. Юшкевичъ* представилъ краткій очеркъ о поѣздкѣ въ Велёну и матеріалы бр. Юшкевичей (лит.-русскій словарь); сообщеніе *А. А. Шахматова* о ходѣ работъ по собиранію матеріаловъ для словаря русскаго языка; въ Академію представлены «Матеріалы для словаря техническихъ морскихъ и рѣчныхъ словъ, собранныхъ чинами Министерства Путей Сообщенія по мысли Ѳ. Ѳ. Веселаго»; вдовѣ извѣстнаго собирателя П. Н. Рыбникова—А. А. Рыбниковой (изъ Калиша) обѣщано содѣйствіе при 2-мъ изданіи «Сборника былинъ»; отпечатана составленная *А. А. Шахматовымъ* «Программа для собиранія особенностей южно-великорусскаго нарѣчія» и начата печатаніемъ составленная *Е. Ѳ. Карскимъ* «Программа для собиранія особенностей бѣлорусскаго нарѣчія»; свѣдѣнія объ изслѣдованіи *В. Н. Щепкина* объ языкѣ древнѣйшаго памятника Кирилловской письменности—Саввинской книги; поступили «Матеріалы для словаря мѣстнаго нарѣчія Нерчинскаго края—подполк. *Н. А. Поневича*; свѣдѣнія о работахъ по словарю русскихъ писателей (400,000 записей) *С. А. Венгерова*, подъ заглавіемъ: «Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія» (опредѣлено напечатать въ 4 года); записка прив.-доц. *В. М. Истрина* о печатаніи его изслѣдованія апокрифа: «Откровеніе Меѳодія Патарскаго» и связанныхъ съ нимъ «Видѣній Даніила»; свѣдѣнія о найденной Е. В. Петуховымъ рукописи XVIII в. съ проповѣдями *Гавріила Бужинскаго*; свѣдѣнія о присланныхъ *К. Ф. Филимоновымъ* его статьяхъ: «Этнографическіе матеріалы: 1) Коштугское нарѣчіе; 2) Слова и выраженія, употребляемыя жителями Коштугской волости въ разговорной рѣчи» (въ оттискахъ) и въ рукописи—дополненія къ печатнымъ его статьямъ.—Записка *П. В. Шейна* (объ изданіи его великорусскаго сборника: система распредѣленія пѣсеннаго матеріала, обрядовъ, игръ и проч. и проч.).

№ 5 (дек.). Докладъ *А. А. Куника* о работахъ его и *Вестберга*: «Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ» (печатается въ «Зап. Ак.») *Гутъ*, *Г. д-ръ*, Замѣтка о разборѣ Нью-чжиской надписи въ Янь-таѣ.

Извѣстія Восточно-Сибирск. Отдѣла И. Русск. Географ. Общества. Т. XXVI, № 4—5 (1896) г. *А. А. Кауфманъ*: Сложныя формы землевладѣнія въ Сибири по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1887—1892 гг. Авторъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ земельной общины въ Сибири, сообщаетъ различныя формы, которыя принимаетъ земельная община въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Въ виду того, что въ послѣдней встрѣчаются самыя разнообразныя формы землевладѣнія, начиная отъ захватнаго пользованія землей, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходитъ выдѣленіе сельской общины изъ волостной, что пользованіе различными угодьями, въ зависимости отъ условій каждой данной мѣстности, представляетъ зна-

чительное разнообразіе,—статья г. Кауфмана представляетъ серьезный интересъ для изученія исторіи развитія земельной общины вообще. *Ф. Конъ*: Хатынъ-Арынское скопческое селеніе. Описаніе экономическаго быта скопцовъ; культурное воздѣйствіе ихъ на сосѣдей-якутовъ. *П. Е. Кулаковъ*: Буряты Иркутской губ.: обстоятельный очеркъ хозяйственнаго быта бурятъ; развитіе ихъ матеріальной культуры; воздѣйствіе на нихъ русскихъ; движеніе бурятскаго населенія въ зависимости отъ экономическихъ, бытовыхъ и культурныхъ факторовъ. *М. Кроль*: Предварительный отчетъ о работахъ по изслѣдованію Забайкальскихъ бурятъ за періодъ 1892—95 гг.: общественный строй; обычное право (охотничье, пастушеское, семейное, наслѣдственное); исторія разселенія Забайкальскихъ бурятъ и экономическій ихъ бытъ). Надо замѣтить, что всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Кроль, кратки и отрывочны. Это объясняется конечно характеромъ самой статьи. *Н. Геккеръ*. Три якутскія могилы. Въ этой небольшой статьѣ авторъ довольно подробно описываетъ произведенныя имъ раскопки трехъ якутскихъ могилъ. Одна изъ нихъ была произведена въ урочищѣ Туран-нахъ, на юго-западѣ отъ небольшого поселка «Ытыккуőл», другая въ урочищѣ «Нілагатта», верстахъ въ 3-4 отъ того-же поселка, и третья во 2-мъ Жехсогонскомъ наслегѣ. При описаніи вышеупомянутыхъ могилъ авторъ приводитъ цифры ширины, длины могилы, разстояніе ея отъ уровня земли, расположеніе въ ней скелета; описываетъ также найденные въ могилѣ различные предметы. Въ связи съ этимъ онъ касается вопроса о способахъ погребенія, указываетъ на два: 1) посредствомъ зарыванія въ землю и 2) въ арангасѣ, т. е. въ выдолбленной изъ толстаго дерева колодѣ или же срубѣ, которые вмѣстѣ съ покойникомъ подвѣшивались на вѣткахъ дерева въ лѣсу, и склоняется къ мысли, что въ древности былъ распространенъ только второй способъ. Въ результатѣ онъ приходитъ къ тому заключенію, что эти три могилы болѣе поздняго происхожденія, а найденные въ нихъ скелеты болѣе ранняго. Объясняется это, по его мнѣнію, отчасти распространеніемъ христіанства, подъ вліяніемъ котораго якуты снимали съ деревьевъ арангасы и предавали ихъ землѣ, отчасти-же распоряженіями начальства о зарытіи арангасовъ.—*В. С. Е.* Якутскій родъ. Статья эта является отвѣтомъ на статью «Памятной книжки Якутской области» о якутскомъ родѣ до прихода русскихъ. Не смотря на полемическій и даже задорный тонъ статьи, она является интересной въ научномъ отношеніи въ виду тѣхъ вопросовъ, которые затронуты ею. Прежде всего авторъ разъясняетъ вопросъ о власти отца и мужа и приходитъ къ заключенію, что эту власть въ якутской родовой организаціи нельзя характеризовать чертами абсолютизма, простирающагося до права жизни и смерти надъ всѣми домочадцами. Далѣе онъ разбираетъ положеніе женщины въ добрачный періодъ и характеризуетъ его, какъ періодъ свободныхъ половыхъ отношеній. Въ связи съ этимъ онъ приводитъ много фактовъ въ пользу прохожденія якутами стадіи матріархата. Въ заключеніе авторъ, во-первыхъ, выставляетъ положеніе, что родовая власть, какъ организація, носитъ республиканскій характеръ, защищаетъ его примѣрами изъ якутскихъ сказокъ и

жизни якутовъ; во-вторыхъ описываетъ общественный бытъ якутовъ подъ господствомъ русскихъ.

Кавказская Жизнь. Художественно-литературный сборникъ. Тифлисъ, 1896. Ш. Э. Давидовъ предпринялъ въ Тифлисѣ новое иллюстрированное изданіе, имѣющее цѣлью знакомить русскихъ читателей съ народностями Кавказа. Содержаніе первой книжки даетъ представленіе о той программѣ, по которой будетъ издаваться «Кавказская Жизнь». Сюда вошли: Гость (изъ осетинскихъ нравовъ), *Куртатинца*; Обрядъ коронованія грузинскихъ царей. *Ш.* Арагва, стихотвореніе (съ грузинскаго, изъ поэмы кн. Ильи Чавчавадзе «Ачрдили»), *Иванъ-да-Марья*; Грузинскій театръ 1850—1895 гг. *А. Хаханова*; Вечеръ, стихотвореніе *П. Опочинина*; Гумно, сцена изъ кахетинской жизни, *Не онъ*; Строптивный Аракелъ, быль (съ армянскаго), *А. Адельяна*; Изъ Златоуста, изреченія, *Ив. Тхоржевскаго*; Шавшети и Имерхеви, этнографическіе наброски *Ш. Давидова* и, наконецъ, *Ре-ро*, имеретинская пѣсня (для хора съ оркестромъ, въ переложеніи на фортепіано) *Н. С. Кленовскаго*. «Ре-ро» съ успѣхомъ было исполнено въ Москвѣ, на первомъ этнографическомъ концертѣ, устроенномъ подъ управленіемъ Н. С. Кленовскаго. Замѣтимъ, что почтенному автору, по словамъ кавказскихъ газетъ, удалось лѣтомъ прошлаго года записать много новыхъ мотивовъ въ Кахетіи у извѣстныхъ знатоковъ старинныхъ пѣсенъ.

Anthropologie. 1896. I. *Ed*: *Piette*: Etudes d'ethnographie préhistorique (прод. въ № 4). Изученіе флоры переходнаго отъ палеолитическаго къ неолитическому періоду на основаніи раскопокъ въ Mas-d'Azil. Въ промежуточномъ слоѣ Піеттомъ найдена масса небольшихъ плоскихъ камней, поверхность которыхъ покрыта рисунками, отдѣланными минеральной краской, добываемой изъ горныхъ породъ около мѣста раскопокъ. Окраска камней происходила при помощи кисти, палочки или пальца; «палитрами» служили раковины и камни; рисунки сдѣланы преимущественно розовой или красной краской. Изслѣдователь относитъ ихъ къ періоду, когда, по исчезновеніи сѣвернаго оленя, населеніе постепенно забыло искусство рѣзьбы и скульптуры и перешло къ окрашиванію предметовъ. Рисунки на камняхъ, въ противоположность культурѣ послѣдней эпохи дилювія, не представляютъ подражанія природѣ; это грубо сдѣланныя линіи и геометрическія фигуры (круги, элипсисы, кресты и пр.). Часть рисунковъ Піеттъ считаетъ пиктографическими знаками, изображеніями змѣй, деревьевъ, орудій производства охоты, животныхъ и пр., часть представляетъ, по его мнѣнію, символическія изображенія (напр. солнца), наконецъ, значительную долю изображеній слѣдуетъ отнести къ цифровымъ и алфавитнымъ знакамъ: «это своего рода письмо, смыслъ котораго остается для насъ тайной». Сравнивая найденныя изображенія со знаками, иногда встрѣчаемыми на рисункахъ, относящихся къ эпохѣ распространенія сѣв. оленя въ Зап. Европѣ, и со знаками древней письменности Кипра, Эгеи и Троады, авторъ высказываетъ предположеніе, что зачатки

письменности, появившись впервые въ Зап. Европѣ (въ частности въ Пиринеяхъ) были занесены миграціями съ запада на востокъ. Далѣе сравненіе финикійскаго алфавита съ знаками изъ Mas-d'Azil приводитъ г. Піетта къ предположенію, что финикіяне восприняли рядъ знаковъ изъ Пиринейской цивилизаціи, а это, въ виду того, что древнѣйшая греческая цивилизація уже пользовалась одинаковыми знаками письменности, облегчило воспріятіе греками финикійской азбуки. Финикіяне измѣнили значеніе, но не форму древней азбуки изъ Mas-d'Azil. Находка Піетта безусловно представляетъ большой интересъ, такъ какъ открываетъ новую сторону художественнаго творчества доисторическаго обитателя Зап. Европы, но выводы его имѣютъ значеніе лишь очень смѣлой и недостаточно доказательной гипотезы. Къ статьѣ приложены рисунки и кромѣ того (къ № 4) большой альбомъ изображеній этихъ камней въ краскахъ.

Dr. Maclaud: Notes sur les Pakhala (Африка); исторія, географическія границы ихъ распространенія, внѣшность, одежда, вооруженіе, жилище.

L. Lapicque: Documents ethnographiques sur l'alimentatoin minérale; употребленіе соли, способы добыванія и приготовленія ея у разныхъ некультурныхъ народовъ.

2. *E. T. Hamy*: Les races malaiques et américaines. Антропологическіе очерки; вступительная лекція къ курсу антропологіи, чит. въ Muséum d'hist. naturelle.—*R. Verneau*: De la pluralité des types ethniques chez les négrilles. Антропологическій очеркъ карликовъ племенъ Африки, среди которыхъ авторъ отличаетъ два основныхъ типа: брахи-и долихоцефальный; мѣстами оба типа смѣшаны.—S. *Reinach*: La sculpture en Europe avant les influences gréco-romaines (см. Antropologie 1894 и 1895 гг.). Авторъ заканчиваетъ свою интересную работу изученіемъ изображеній животныхъ, птицъ и сложныхъ сюжетовъ въ доисторическомъ искусствѣ Европы; основной выводъ г. Рейнаха сводится къ признанію мѣстныхъ, самостоятельно развившихся элементовъ искусства въ средней Европѣ, безъ вліянія на него восточныхъ цивилизацій. Недостаткомъ труда можетъ считаться сопоставленіе предметовъ безъ достаточнаго распредѣленія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

3. *R. Collignon et J. Deniker*: Les maures du Sénégal. Антропологич. очеркъ берберскаго населенія, смѣшаннаго съ неграми.—*S. Reinach*: Découvertes récentes en Attique et à l'Égine. Находка при изслѣдованіи могильниковъ и городищъ предметовъ микенской и до-микенской культуръ; открытіе домовъ, относящихся къ эпохѣ до-микенской.

4. *Piette*. Etudes etc. (см. № 1) *G. Paroisse*: Notes sur les peuplades autochtones de la Guinée française. Нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія о туземныхъ племенахъ.—*Dr. Tautain*. Sur l'anthropophagie et les sacrifices humains, aux Iles Marquises. Антропофагія въ указанной мѣстности вышла изъ употребленія въ новѣйшее время. Случаи ея проявленія были отмѣчены еще въ 80-хъ годахъ текущаго столѣтія. Антропофагія связана на Маркизскихъ островахъ со слѣдующими причинами: жертвоприношенія (кормленія боговъ), корм-

леніе человѣч. мясомъ вождей, считавшихся земными представителями божества, представленія о воспріятіи качествъ съѣденнаго человѣка; далѣе мотивомъ антропофагіи является желаніе обезвредить, уничожить умершаго: маори вѣрятъ, что покойники продолжаютъ жить почти что физической жизнью послѣ смерти, и могутъ отомстить за убійство: съѣденіе убитаго прекращаетъ загробное существованіе мертваго. Мотивами антропофагіи являются далѣе чувство мести, любовь къ человѣческому мясу вообще и, наконецъ, голодъ при долговременныхъ передвиженіяхъ въ лодкахъ. Авторъ останавливается далѣе на человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, способахъ умерщвленія жертвъ, на устройствѣ жреческой касты и положеніи другихъ жрецовъ, касается затѣмъ случаевъ употребленія въ пищу мертвыхъ и употребленія человѣческаго мяса и женщинами. Болѣе часто встрѣчающіеся случаи употребленія въ пищу дѣтей и женщинъ авторъ объясняетъ не гастрономическими соображеніями, а способомъ охоты за людьми, когда партія охотниковъ старалась овладѣть болѣе слабымъ элементомъ населенія. Въ періоды голоданія встрѣчались случаи употребленія въ пищу стариковъ, родителей, женъ и собственныхъ дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ, однако, господствуетъ экзоканибализмъ. Людоѣдство, въ виду своей обыденности, не сопровождалось празднествами. Интересенъ обычай, согласно которому родня убитаго и назначеннаго для съѣденія лица, имѣла право, съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ (обнаженіе тѣла и окраска тѣла углемъ), приходить во вражескій лагерь, чтобы проститься съ умершимъ, не опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны убійцъ[1]).

5. *W. Z. Ripley*: Notes et documents pour la construction d'une carte de l'indice céphalique en Europe. Между прочимъ значительное количество библіограф. указаній по вопросу о головномъ указателѣ среди населенія Европы.—*P. d'Enjou*: L'appendice caudal dans les tribus Moï. Авторъ во время своего путешествія по Индокитаю въ 1890 г отмѣтилъ у одного изъ индивидовъ, принадлежащаго къ племени мои ясно выраженный хвостовидный отростокъ. По преданію самихъ мои только скрещиваніе съ другими племенами привело къ утратѣ у большинства изъ нихъ хвостовиднаго отростка, которымъ они, по преданію, въ древности отличались и которымъ гордились. Авторъ ставитъ вопросъ о возможности существованія въ прошломъ хвостатыхъ людей и склоненъ къ рѣшенію его въ положительномъ смыслѣ; это была раса, составляющая звено между человѣкомъ и антропоидами. Онъ склоненъ считать мои, нѣкогда занимавшихъ весь Индокитай, потомками такой расы. Одинъ субъектъ, котораго могъ наблюдать изслѣдователь, и преданіе мои служатъ впрочемъ единственной опорой его предположенію. *S. Reinach*. La Crète, l'Illyrie et l'Italie méridionale. Культурная связь указанныхъ мѣстностей въ до-историческій періодъ.—*Dr. Tautain*: Notes sur l'ethnographie des îles Marquises. Божества, вѣра въ ду-

[1]) Статья подробно изложена д-р. Эразмомъ Маевскимъ въ варшавскомъ „Tygodnik illustrowany" 1897, № 18. *Ред.*

ховъ умершихъ. Отношенія къ дѣтямъ, культъ предковъ, возраждающихся въ новорожденныхъ, усыновленіе, представленіе о загробномъ мірѣ—Havaiki, Burotu: авторъ обращаетъ вниманіе, что въ царство мертвыхъ Havaiki—на Маркизахъ, Burotu—на Тонгѣ, могли, по вѣрованіямъ, сохранившимся до послѣдняго времени, переселяться только души привилегированнаго класса. Остальная масса населенія послѣ смерти оставалась на мѣстахъ, гдѣ они жили и умирали. Это даетъ автору поводъ высказать предположеніе, что съ Гаваи (Сандвичевы о-ва) въ прежнее время населеніе Маркизскихъ о-въ находилось въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ и что впослѣдствіи воспоминаніе о Гаваи постепенно утратилось, и названіе его перешло въ названіе царства мертвыхъ, которое иными помѣщается подъ землей, но иными указывается на сѣверъ, т. е. по направленію къ Сандвичевымъ о-вамъ.

6. *Zaborovski.* La circoncision, ses origines et sa réparition en Afrique et à Madagascar: обзоръ географическихъ границъ распространенія обычая обрѣзанія въ Африкѣ и на Мадагаскарѣ. Авторъ отрицаетъ мнѣніе о происхожденіи обрѣзанія изъ фаллотоміи и приводитъ въ доказательство вѣскій фактъ сосуществованія обоихъ обычаевъ у разныхъ народовъ. Далѣе онъ старается доказать, что въ обрѣзаніи слѣдуетъ видѣть одинъ изъ обрядовъ, употребительныхъ при испытаніяхъ, которымъ освѣщается переходъ къ зрѣлости: оно является посвященіемъ въ половую жизнь; это доказывается тѣмъ, что обрѣзаніе совершается надъ взрослыми и лишь впослѣдствіи (какъ напр. у евреевъ) переходитъ въ обрѣзаніе младенцевъ. Въ Африкѣ обрѣзаніе распространилось частью благодаря вліянію др. Египта, евреевъ и народностей, двигавшихся отъ восточныхъ областей материка на западъ и югъ; они приносили вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ и культуру риса, и какъ и послѣдняя—обрѣзаніе во многихъ мѣстностяхъ Африки явленіе недавнее.

Globus. 1896. Изъ статей этнографическаго содержанія обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. **Bd. LXIX. 1.** *Zemmrich.* Deutsche u. Slavenen (съ картой). Географическое распространеніе обѣихъ національностей. *W. Horák.* Irrlichter in Mähren. Вѣрованіе, что блуждающіе огни—души умершихъ некрещенными дѣтей. *Mason.* Uebereinstimmung einer amerikanischen u. einer finnischen Webervorrichtung (съ 2 рис.). *Schaubert.* Hochzeitsgebräuche der kurdischer Chaldäer. Краткій очеркъ свадебныхъ обрядовъ. **2.** *Rhamm.* Die tchecho-slavische Ausstellung für Volkskunde in Prag 1895. **3.** *Iguchi.* Japonische Märchen. *H. Zondervan:* Neue Arbeiten über Niederländischen Ost-Indien. **4.** *Hoffman.* Die Shoshoni-u. Banak-Indianer; историческія свѣдѣнія, географическое распредѣленіе, занятія, одежда. *Th. Achelis.* Ethnologie. Geographie u. Geschichtsschreibung; авторъ дѣлаетъ попытку опредѣлить границы между указанными науками. **5.** *R. T. Kaindl:* Neue Beiträge zur. Ethnologie und Volkskunde d. Huzulen. Жилища, повѣрья (м. пр. о животныхъ), воззрѣнія на бракъ. Schilde u. Panzer bei d. amerikanischen Bevölkerung. **6.** *R. T. Kaindl* (оконч.) Вѣрованія въ предзнаменованія, обрядъ при погребеніи, отношенія брачныя, одежда и

пр. у гуцуловъ. 7. *G. Kossina*. Die geschichtliche Entwickelung d. germanischen Volksgrenzen in Ost und West. 8 *Hrolf Vanghan Stevens*. Der Cholera Zauber bei den Temia auf d. Halbinsel Malaka. *A. Oppel*. Das Museum f. Natur-Völker u. Handelskunde in Bremen. По поводу открытія музея. 9. *H. V. Stevens* (окончаніе). *H. Vambéry*. Bilder aus China. *W. Joest*. Läuse Essen u. Eau de Cologne-Trinken. Распространенность этихъ обычаевъ у разныхъ народовъ. 10. *G. Radde*. Besuch auf Buton u. Süd-Celebes. *Ambrosétti*. Die Grotten-Bilder v. Carahuasi (Argentinien) съ табл. въ краскахъ. *A. Vierkandt*. Der Ursprung d. Haustierzucht u. die Wirtschaftsformen; по поводу кн. Hahn'a: Haustiere. 11. *Blumentritt*: Die Mangianenschrift von Mindoro. Новое свидѣтельство о сохранившейся до настоящаго времени туземной азбукѣ. *Lapiques* Forschungsreise auf d. Andamanen. (этногр. свѣдѣнія). *Radde* (продолж.). 12. *C. Keller*: Reisestudien in den Somoliländern. *Radde* (оконч.). *Bülow*: Das ungeschriebene Gesetz d. Samoaner (обычно-правовыя нормы, обществ. устройство, угол. право, отношенія между супругами, положеніе женщинъ, гостепріимство и пр.). *Prsyborski*: Totengebräuche beim rumänischen Landvolke in Südungarn (положеніе съ умершимъ платковъ, форма траура и пр.). 13. *R. Hansen*: Die Bauernhäuser in Schleswig. *Keller*: Reisestudien (прод.). *Krahmer*: Ueber jukagirische Briefe (извлеч. изъ статьи Шаргородскаго въ «Землевѣдѣніи», 1895, 2 и 3). 14. *P. Sartori*. Die Sitte d. Namensänderung. *Gardes* Forschungsreise in Südwestgrönland. *P. Stenin*: Die Kirgisen d. Kreises Saissansk im Gebiete v. Semipalatinsk (свад. обычаи, разводы, нѣкот. свѣдѣнія о системѣ штрафовъ за обиды и проч.) 15. *Gardes* Forschungsreise (прод.). *Sartori*: Namensänderung (прод.) 16. C. *Hahn*: Kaukasiche Dorfanlagen und Haustypen. *G. v. Buchwald*: Atebar u. Uhu im germanischen Elementargedanken. *Kellen*: Neue Beiträge z. elsässischen Volkskunde (обычаи, обряды). *Mogess*: Erforschung von Papagueria und Seriland, am oberen Teile des Meerbusens v. Kalifornien.—Neue Schnitzereien u. Masken von Bismark-Archipel und Neu-Guinea. 17. *Hahn*: Kaukasiche Dorfanlagen (прод.). *Buchwald*: Atebar u. Uhu (прод.). *H. Seidel*: Ethnographisches aus Nordost-Kamerun (mit Nachrichten über Seelenmehrheit u. Seelenessen) (бытъ, образованіе, погреб. обряды). 18. *F. G. Schultheiss*: Die geschichtliche Entwickelung d. geographischen Begriffes „Deutschland."—Ein Aufenhalt bei König Menelik v. Abessinien. 19 *F. G. Schultheiss*: Die geschichtliche Entwickelung etc. (прод.) 20. *G. Radde*: Besuch im Amboina. *Bülow*. Samoanische Sagen. 21. *E. Seelman*. Das Deutschtum in Artois. *E. Goebeler*: Die Forschungsreise des abbé Le Camus nach Klein-Asien. *H. Meyer*: Muschelhügel (Sambaki) u. Urnenfelb bei Laguna (Brasilien). 22. *G. Radde*: Besuch v. Mankassar. *E. Goebeler*: Forschungsreise (прод.). *H. Seidel*: Aus Französisch-Indochina (торговля, города и проч.).—Selbstmorde unter den Schwarzen im Gebiete v. Lorenço Marques (частые случаи самоубійства, причины и способы ли-

шенія себя жизни со стороны туземцевъ). Warum arbeiten die Naturvölker nicht? (отвѣтъ—на основаніи психологіи дикаря.) **23**. *C. Keller*. Reisestudien etc. (прод.) *E. Seler*: Götzendienerei unter d. heutigen Indianern Mexikos (съ изобр. идоловъ). *C. M. Pleyte*: Die Kwakwabank d. Buschneger Surinams (религіозныя празднества). *R. Andree*: Das Kreiselspielen u. seine Verbreitung (свѣдѣнія изъ разныхъ странъ объ игрѣ въ волчекъ). *G. A. Krause*: Merkwürdige Sitten d. Haussa (празднества, семейные обычаи и обряды, свадьба.) *G. Kampfmeyer*: Ein alter Bericht über litauische Totengebräuche (свѣдѣнія отъ конца XVI в.). **24**. *R. F. Kaindl*: Viehzucht u. Viehzauber in den Ostkarpaten.

Bd. LXX 1. Zum 70-ten Gebursttage Bastians. *A. Oppel*: Die altmexikanischen Mosaiken (съ 15 рисунками древн. мозаическихъ масокъ и др. предметовъ). *Fr. Müller*: Die Fortschritte d. amerikanischen Linguistik. **2**. *M. Buchner*: Zur Anatomie u. Aesthetik bei d. Japanern. *C. Hahn*: Die grusinische Militärstrasse (путевые очерки). **3**. *E. Förstemann*: Neue Mayaforschungen. Продолженіе статей Buchner'а и Hahn'а.—Die Verbreitug von Mythen unter den Indianern Nordwestamerikas (легенда о воронѣ, основанія миѳологіи народности). **4**. *O Finsch*. Aus Neu-Guinea. *F. Grabowsky:* Rükenthals Forschungen im malaischen Archipel. *B. Laufer*: Zur Geschichte des Schminkens in Tibet. **5**. Näpfchensteine in der Schweiz (описаніе и рис. „чашныхъ камней"). **6**. *Kisak Tamai*: Die Erforschung des Tschiwangebietes auf Formosa durch die Japaner (обряды, празднества, матер. культура). **7**. *C. M. Pleyte*: Ein arakanesischer Hausgötze (съ изобр.). **8**. *J. Hoffman*: Die Pit River Indianer in Kalifornien (образъ жизни, жилища, оружіе). **9**. *R. Hansen*: Ueber Wanderungen germanischer Stämme auf der Cimbrischen Halbinsel. *H. Vambéry*: Bilder aus Bochara. *W. Joest*: Nochmals Läuse-Essen und Eau de Cologne-Trinken. **10** *T. Maler*: Neue Entdeckung von Ruinenstädten in Mittelamerika. *F. Grabowsky*: Semons Forschungen in Australien, Neu-Guinea u. den Molukken. *S Yagi u. Shinomura*: Zur Prähistorik Japans (съ рис. предметовъ, добытыхъ изъ раскопокъ). *C. Keller*: Reisestudien in d. Somaliländern (прод.) *A. Vierkandt*: Eine Probe wissenschaftlicher Ethnologie (по поводу замѣтки Frobenius'а въ Arch. f. Ethnogr. IX, 3). **11** *M. Hœrnes*: Bosnien u. die Hercegovina in Vergangenheit u. Gegenwart. *C. Keller*: Reisestudien etc. (оконч.). *L. Jacobowski*: Das Weib in der Poesie d. Hottentotten. *H. Samter*: Noch einmal die Pleijaden (объясненіе названія созвѣздія). *H. Seidel*: Ein Wahrsagegerät aus Kamerun. **12**. *O. Lerch*: Eine Fahrt auf dem Princepulca u. Banbaflusse (Nordost-Nicaragua). *M. Hörnes*: Bosnien etc. (прод.) *R. Karutz*: Ohrdurchbohrung u. Ohrschmuca **13**. Продолженіе статей M. Hörnes'а u. R. Karutz'а. **14**. Die armenischen Frauen (съ 6 рис.; положеніе женщины). *Stenin*: Die Wurden des gouv. Eriwan (образъ жизни, постройки, одежда, семейное устрой-

ство, бракъ и свадьба, погребеніе, религіоз. воззрѣнія; легенды о животныхъ, происхожденіе обезьяны, медвѣдя, кошки, кукушки). *Fr. Figura.* Das Schwirrholz in Galizien (употребленіе его пастухами). **15.** *F. Tetzner*: Die Kaschuben am Lebasee (мѣстожительство, занятія, жилище, внѣшность и характеръ, пища, одежда, могила и надгробные памятники). *H. Grothe*: Ein Besuch in Bengasi (Cyrenaïka). *I. Goldziher*: Ueber Kannibalismus aus orientalischen Quellen. **16.** *F. Tetzner*: Die Kaschuben (продолж.). Die orientalische Frage in d. Anthropologie. *C. Davidsohn*: Das Nackte bei den Japanern. **17.** *G. Lamprecht*: Die Schaukel der Tochter Potikitanas, Nga-Upoko-E-Rua (переводъ пѣсни маори). *F. Tetzner*. Die Kaschuben (прод. пѣсни, пословицы, сказанія). *T. A. Ambrosetti*: Jaguareté-Äba. Der Uerwolfglauben bei den Südamerikanischen Indianern (сказаніе объ ягуарахъ). *A. Vierkandt*: по поводу книги Гроссе. Die Wirtschaftsformen u. die Formen d. Familie. **18.** *F. Tetzner*: Die Kaschuben (оконч.: сказанія, празднества, свадьба). *P. Dittrich*: Schlesischer Hausbau und schlesische Hofanlage. Das Vordringen der Finnen im südwestlichen Finnland. **19.** *J. Hoops*: Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere (излож. кн. R. Loewe подъ указаннымъ заглавіемъ).—Die Forschungen von Dutreil de Rhins in Centralasien. **20**. Die Forschungen v. Dutreil de Rhins (оконч.). *G. Minkevitch*: Reise nach Mesched in Persien. Die ungarischen Zigeunerkonskription vom Jahre 1893 (число всѣхъ цыганъ за исключеніемъ Будапешта опредѣлено въ 274940, изъ нихъ осѣдлыхъ 243432, полуосѣдлыхъ—20406, неосѣдлыхъ 8938*). **21.** *Kisak Tamai*: Japanische Blutrache gegen die Koreaner. *C. Keller*: Reisestudien in den Somaliländern (прод.). *G. Minkevitch*: Reise nach Mesched (оконч). **23.** *K. Th. Preus*. Die Totenklage im alten Amerika (vom Standpunkte d. Völkerpsychologie) *C. M. Pleyte*. Seltene ethnographische Gegenstände von Kisar идолы, божницы). *C. Keller*. Reisestudien (оконч). Nansens eigener Bericht über seine Polarreise. **22.** *F. G. Schultheiss*: Das Haberfeldtreiben in Oberbayern (разсматривается съ историко-этнографической точки зрѣнія судебное разбирательство по обвиненію 48 лицъ за устройство суда нравовъ—остатокъ средневѣковой старины). *L. Wilser*: Die bemalten Kiesel von Mas-d'Azil (по поводу находокъ Piette'a, см. выше Anthropologie 1896 г.). *H. Seidel*: Transvaal u. seine Goldausblute. *Preuss*: Die Totenklage im alten Amerika (прод). **24** *Zimmermann*: Die Entwickelung v. Britisch-Indien —Die Eunuchen im kaiserlichen Palast zu Peking. *A. Oppel*: Die Herkunft d. Bevölkerung von Madagaskar. *Halbfass*: Saley und Ager, zwei kleine deutsche Sprachinseln in Piemont.

Internationales Archiv f. Ethnographie 1896. Bd. IX. 1. *C. Sapper*. Alterthümer aus d. Republik San Salvador. *F. S. Krauss*: Bojagié

*) Тутъ вкралась какая-то ошибка, потому что общая цифра не сходится съ итогомъ подраздѣленій. *Ред.*

Alile's Glück und Grab; zwei moslemiche Guslarenlieder (къ исторіи сюжетовъ юго-славянскаго эпоса; текстъ, переводъ, объясненія). Мелкія замѣтки Schmelz'a: 1) Antike südamerikanische Keulen. 2) Ein alterthümliches Signalinstrument (употребленіе въ Курляндіи и Венгріи др оружія въ средніе вѣка и въ современности; доп. къ статьѣ о Hille-bille (т. VIII, 121). 3) Begräbnisgebräuche in Japan (погребеніе въ сидячемъ, скорченномъ положеніи, сожженіе. 4) Ueber geflochtene Kragen v. Westafrika; 5) Aberglaube im XIX Jahrh (въ Гамбургѣ въ 1895 г. полиція привлекла къ отвѣтственности женщину, спеціально занимавшуюся, какъ ремесломъ, указаніемъ суевѣрныхъ средствъ женщинамъ и дѣвушкамъ для освобожденія мужей и возлюбленныхъ отъ всевозможныхъ пороковъ). 6) Die Schlangen in der Volksmedizin (употребленіе настойки на гадюкахъ, какъ лѣкарств. средства, въ Пруссіи). 7) Ueber das Anspucken erstverdienten Geldes (распространеніе этого обычая въ Германіи). 2. *Ling Roth*: Alleged Native Writing in Borneo. *M. C. Schadel*. Bijdrage tot de Kennis van de Ethnographie der Westerafdeeling van Borneo. Мелк. зам.: 1) *H. Kern*: Ein çivaïtisches Heiligthum auf Borneo. 2) Zur Ethnographie der Matty-Inseln. 3) Hunde u. Naturvölker (собака въ нар. вѣрованіяхъ). 4) Blaserohrpfeile mit Haizahnspitze v. Borneo. 3. *Schmelz*: Beiträge zur Ethnographie von Neu-Guinea. *L. Frobenius* Stilgerechte Phantasie (объ основаніи міросозерцанія у дикарей). Мелк. зам.: 1) Skizzen aus West-Borneo (взиманіе долговъ, гипнозъ и внушеніе. 2) Ein Fisch als Aphrodisiacum (употребленіе въ пищу рыбы Fistularia serrata въ случаѣ безплодныхъ браковъ). 3) Prudery in scientific Matters (о фаллическомъ культѣ). 4. *S. K. Kusnezow*: Ueber den Glauben vom Jenseits und den Todtencultus der Tscheremissen (прод. статьи г. Кузнецова, начат. въ томѣ VIII. Погребальные обряды, изложенные чрезвычайно детально). K. *Hagen*. Chinesische Prunkwaffen. *Мелк. зам.* 1) Neuere Beiträge zur Ethnobotanik (вѣрованія и обряды, сопряженные съ представленіями о разныхъ растеніяхъ). 2) Hunde u. Naturvölker (собака въ нар. вѣрованіяхъ). 3) Pin-wells and ragbusches (въ Японіи). 4) Hameçons en bois employés près de Bordeaux. 5) Исчезновеніе первобытной культуры въ Аляскѣ, на основ. *Dall'я*. Alaska as it was and is, 1865—1895. 5. G. *Schlegel*. La fête de fouler le feu (Китай). *R. Parkinson*, Beiträge z. Ethnographie der Matty-und Durour-Inseln. *Мелк. зам.* 1) Firedrill and Chopsticks from New-Guinea. 2) Das Hakenkreuz in Afrika (употребленіе севастики въ Африкѣ въ качествѣ орнамента). 3) Zur Ethnographie der Matty-Inseln. 4) Bestrebungen z. Erhaltung und Neubelebung alter Volksgebräuche, Trachten u. Sitten (Швеція, Австрія, Франція, Голландія, Германія). 5) Ueber die ethnographischen Elemente der Millennium-Ausstellung in Budapesth (изл. реф. Herman'a въ Вѣнскомъ антропологич. Обществѣ). 6) Nashornvogelschnäbel als Schmuck. Eine neue Schildform (Kaiser-Wilhemsland). 7) The invention of the Net. 8) Eine Reinigungsopfer in Pahang. 9) Объявленіе о смерти путемъ передачи частя

платья умершаго на Целебесѣ. 10) Frauenleben in Korea. 11) Das Theater in Japan. 12) Ein neuer Beitrag z. Kenntniss des Höhen-Kultus (Kangéan-Archipel). 13) Ueber die Tätowirungen der Prostituirten (въ Европѣ). 14) Trepanation bei den Ureinwohnern der Canaren (съ рис.). 15) Деформированные черепа изъ Перу. 16) Die Kenntniss der Sprachen und der Schrift der eingebornen Stämme de Philippinen. (обзоръ новыхъ трудовъ по этому вопросу). 6. *H. Schurz.* Zur Ornamentik der Aino. *Мелк. зам.*: 1) Ueber die Negritos von Mindanao oder die Mamanuas. 2) Ein Teponazli im ethnographischen Museum d. Universität Basel (рис. орнамента) 3) Ueber die Vertheidigungswaffen der Eingebornen Amerikas (по поводу труда W. Hough'a, Primitive amerikan Armor). 4) Anthropophagie in prähist. Zeit in Böhmen (по пов. статьи Matiegka[1]), въ Památky archaeol. XVI). 5) Ueber Menschenopfer in Serbien (для полученія клада). 6) Die chinesische Mauer. 8) Pleistocene Man in Amerika. 9) Die tschecho-slavische Ausstellung (въ Прагѣ, 1895 г.).

Mittheilungen d. Anthropologischen Gesell. in Wien. Bd. XXVI. 1896. I: *R. S. Steinmetz.* Endokannibalismus (см. отдѣлъ критики въ XXXI кн. «Этн. Об.») *O. Herman*: Ethnographische Elemente der Milenniums-Ausstellung Ungarns, mit besonderer Berücksichtigung der Urbeschäftigungen. *L. H. Fischer*: Paläolitische Fundstelle im Löss von Willenhof (Niederösterreich). Между прочимъ находка костей мамонта совмѣстно съ каменными орудіями.—II. *W. v. Schulenburg*: Ein Bauernhaus im Berchtesgadener Ländchen (съ 118 рис.) Чрезвычайно подробное описаніе дома, утвари и орудій. *A. Makowsky*: Beiträge z. Urgeschichte Mährens. Находка могилъ съ инвентаремъ бронзоваго вѣка и предметовъ культуры la-Tène. Рец.: 1) на „Этногр. Обозр." 1890 г., г. Bugiel'я. 2) K. Skrzyńska: Kobieta w. pieśni ludowej (женщина въ польскихъ пѣсняхъ. Варш. 1891). *H. Зографъ.* Некрологъ А. П. Богданова.—III. *G. Bancalari*: Forschungen und Studien über das Haus. I Курная изба, очагъ, печь, труба, каминъ (съ 55 рис.) *H. Matiegka*: Antropophagie in der prähistorischen Ansiedelung bei Knovize u. in der prähistorischen Zeit überhaupt. Переводъ статьи Матейки, помѣщ. въ Památkach archaeologických (1893, т. XVI). *J. E. Pisko*: Gebräuche bei der Geburt und Behandlung d Neugeborenen bei den Albanesen. Обычаи и обряды при рожденіи ребенка, способы лѣченія. *K. v. Inama-Sternegg*: Interessante Formen d. Flurverfassung in Oesterreich. Формы распредѣленія земельныхъ участковъ въ нѣсколькихъ деревняхъ и попытка объяснить ихъ историческими и культурными условіями.—IV и V: *R. Fr. Kaindl*: Haus u. Hof der Huzulen (съ 228 рис.) Жилыя помѣщенія и утварь. Суевѣрія, связанныя съ различными частями дома. *S. K. Kusnesow*:

[1]) См. „Этногр. Обозр." кн. XXV. Статья Матейки переведена также въ вѣнскихъ „Mittheilungen" и пр. (см. ниже).

Fund eines Mammuthskeletes und menschlicher Spuren in der Nähe d. Stadt Tomsk.. Описаніе обстоятельствъ находки скелета мамонта совмѣстно съ каменными орудіями около Томска въ апрѣлѣ 1896 г., по изслѣд. проф. Кащенко.

Периодическо Списание на българското книжовно дружество въ Срѣдецъ. **Кн. XLIV** *Аргировъ, С.* Одна болгарская рукопись XVII вѣка въ Пражскомъ музеѣ.—*Сарафановъ, М. К.*, Населеніе княжества Болгаріи по тремъ первымъ переписямъ (оконч.; см. „Э. О." кн. XX). Народныя болгарскія произведенія. (Нар. пѣсни, записанныя въ с. Преславѣ Таврической губерніи, въ Россіи, Преславскимъ учителемъ *Тан. Върбанскимъ*).—*Шапкаревъ, К. А.*, Нѣсколько поправокъ (къ матеріаламъ для болгарскаго словаря изъ г. Прилѣпа).—Д-ръ Франьо Рачки † Сообщ. *В. Д. Стояновъ.*

Кн. XVL. *Дмитріевъ*, Солунь въ своемъ прошломъ.—*Ивановъ, М.*, Къ изученію болгарскихъ діалектовъ (Замѣтки о говорахъ въ области Срѣдногорскаго нарѣчія).—*Доневъ, Б.*, Юго-славянская Академія наукъ и искусствъ въ Загребѣ.—*Дацовъ, С. Ж.*, Отъ Софіи до Пранги. (Путевыя замѣтки и воспоминанія).— *Плачковъ, И. П.*, Окончаніе -е во множ. числѣ существит. муж. р. въ новоболгарскомъ языкѣ.—Народныя болгарскія произведенія (изъ Горно Джумайска, въ Македоніи), запис. *А. П. Стоиловъ* [1]).

Кн. XLVIII. *Занетовъ, Г.*, Болгарскія колоніи въ Россіи.—*Бълковскій, Гр. А.*, Денежная система въ Болгаріи. Юридическо-экономическій этюдъ. — *Аргировъ, С.*, Къ болгарской библіографіи до 1877 года. Авторъ, имѣя въ виду трудъ А. Теодорова: „Български книгописъ" (1 ч.: со времени первой новоболгарской печатной книги до послѣдней русско-турецкой войны 1641—1877. София 1893. 8°. 176 стр.), дополняетъ его библіографическимъ указателемъ 122-хъ изданій.—*Начовъ, Н.*, Экскурсъ въ нашу народную поэзію. Авторъ, ознакомившись съ трудами своихъ и иностранныхъ любителей и изслѣдователей болгарской народной поэзіи, которые касались, главнымъ образомъ, содержанія и отчасти формы народныхъ пѣсенъ, рѣшается внести въ эту область изученія творчества свои небезынтересныя свѣдѣнія. „Ний ще се опитаме", говоритъ онъ: „да кажемъ нѣщо отъ туй, което тѣ не сѫ казали." Вся его статья состоитъ изъ трехъ частей: 1) Пѣсня и пѣніе въ нашей народной поэзіи, 2) Музыка и музыкальное исполненіе, 3) Виды музыкальныхъ инструментовъ (продолж. и оконч. въ кн. XLIX—L и LI).— Болгарскія народныя произведенія: пѣсни, собранныя *А. П. Стоиловымъ* (жатвенныя, лазарскія, богоявленскія („водички пѣсни"), юрьевскія) изъ Горно-Джумайска и Прилѣпа.—*Стоиловъ, А. П.*, Матеріалъ для болгарскаго словаря изъ Горно-Джумайска.—*Шапкаревъ, К. А.*,

---

[1]) Кн. XLVI и XLVII см. въ „Этн. Об." XXIV, стр. 161. Содержаніе XLIV и XLV кн. „Пер. Спис." даемъ по оглавленію, помѣщенному въ концѣ XLIII кн.

Еще нѣкоторыя поправки къ сообщеннымъ г. А. П. Стоиловымъ словамъ изъ гор. Прилѣпа, какъ матеріалъ для болгарскаго словаря.— Изъ рецензій можно отмѣтить: *Н. А. Н.* О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ. *М. Дриновъ*, Византійскій Временникъ, вып. 2.; ? Лекціи по славянскому языкознанію Тимоѳея Флоринскаго.—Климентъ епископъ словенскій. Трудъ В. М. Ундольскаго, съ предисловіемъ П. А. Лаврова), Алфа (Рѣчникъ на българскыя языкъ. Найденъ Геровъ.)

Кн. XLIX—L. *Балабановъ, Марко Д.*, Борьба за отечество и вѣру, или Скендербей, албанскій герой (1444—1467).—*Начовъ, Н. А*, О побратимствѣ. I. Чинъ братотворенія; особая молитва при братотвореніи; апокрифическая легенда о томъ, какъ Провъ назвалъ Христа братомъ, въ видѣ источника братанія; когда побратимство достигло церковнаго узаконенія? II Церковное побратимство и его виды: побратимство, освѣщаемое чиномъ братотворенія; побратимство молитвой; п. евангеліемъ; п. клятвой; п. крещеніемъ въ одной и той же водѣ; п. купаніемъ въ Іордани; п. совмѣстнымъ хожденіемъ по святынямъ (Св. Иванъ Рыльскій, Св. Гора, гробъ Господень); п. по уговору для испрошенія милости Божіей; п.по званію (напр., священники между собой).—III. Народное побратимство: п. по крови; п., устанавливаемое надъ домашнимъ очагомъ („вѣруютъ ли во имя О. и С. и Св. Д. и въ Евангеліе? вѣруютъ ли въ огонь?"—вопросы священника); п. хожденіемъ на „росенъ" (пахучій цвѣтъ—Dictamnus albus); п. поцѣлуемъ; п. обѣщаніемъ. Виды и поводы случайнаго побратимства: побратимство съ ровесникомъ или близнецомъ; п. молокомъ (молочное братство). (Неок.)—*Начовъ, Н.*, Экскурсъ въ нашу народную поэзію (продолж.; см. выше).—*Бѣлковскій, Гр. А.*, Денежная система въ Болгаріи (прод.).

Кн. LI. *Палаузовъ, Н. Х.* По поводу статьи: «Болгарскія колоніи въ Россіи».—*Уста-Генчовъ.* Нѣсколько словъ о народномъ ваяніи.— *Начовъ, Н.* Экскурсъ въ нашу народную поэзію (продолж.).—*Начовъ, Н. А.* О побратимствѣ (продолж.).—Рец. *А. П. Стоилова* на «Сборникъ отъ македонски български народни пѣсни. Събралъ Н а у м ъ К. Т а х о в ъ. София. 1895 стр. 220. Ц. 2 л. 50 ст.

Кн. LII—LIII. *Начовъ Н. А.* О побратимствѣ. **IV.** Вѣрность, чистота нравственныхъ отношеній; религіозный синкретизмъ; отношеніе къ полу и возрасту; коллективность; нерасторгаемость; родство; права наслѣдства; всенародность и торжественность обычая. V. Эпическое побратимство: побратимство съ стихіями природы; п. въ животномъ эпосѣ; посестримство съ вилами; побратимство въ легендарныхъ сказаніяхъ: съ Богомъ, со святыми, съ ангеломъ и дьяволомъ; побратимство въ свадебномъ ритуалѣ; военно-разбойническое (гайдуцкое) побратимство; п. въ быту: широкое употребленіе названія «побратимъ» не въ первоначальномъ смыслѣ. **VI.** Побратимство—общеславянскій обычай; византійская ἀδελφοποιΐα и ея славянское происхожденіе; причины долговѣчности южно-славянскаго побратимства; заключеніе.—*Начовъ, Н.* Изслѣдованіе о стихосложеніи нашихъ

народныхъ пѣсенъ. I. Строфы. II. Число слоговъ въ стихѣ. III. Цезура. IV. Припѣвы. V. Вольные стихи. VI. Дополненіе: какъ создаются народныя пѣсни; создаются-ли теперь народныя пѣсни у насъ; нѣкоторыя новыя народныя пѣсни; подражаніе у нашихъ стихотворцевъ нашимъ народнымъ пѣснямъ. *Флоринскій Т. Д.* Д-ръ Францъ Рачки, первый предсѣдатель Югославянской академіи. Критико-біографич. очеркъ. Перев. И. Миларовъ.

Кн. LIV. *Златарскій В. Н.* Очеркъ болгарской исторіи.—*Аргировъ С.* Календарь-рабошъ (деревянная палка съ «чертами и рѣзами»).—Критика. *Дриновъ М.* Рец. на кн.: Найденъ Геровъ. Рѣчникъ на блъгарскій языкъ съ тлъкование рѣчитѣ на блъгарскѣ и на русскѣ. Часть I. А—Д. Пловдивъ. 1895. LII+396 стр., 8°. (перев. съ русск. см. Т. I кн. 2 «Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ.)

Газеты и Журналы.

Владимірскія Губ. Вѣд. 1897. 1. Какъ встрѣчали Рождество русскіе цари. Былое святочныхъ вечеровъ. Рождество Христово у сибирскихъ переселенцевъ.—**4.** Географія Владим. губ., сост. Смирновымъ (библ. зам.).—**6.** *Добрынкинъ.* Вновь возникшіе промыслы въ Муромскомъ уѣздѣ. I сборъ тальниковыхъ прутьевъ.—**8.** То же. II. Вылущиваніе желудей.—**19.** *Сперанскій.* Объ упадкѣ народнаго пѣсеннаго творчества (приведено много новѣйшихъ „куплетовъ").—**22.** *Добрынкинъ.* Производство мочала въ Меленковск. уѣздѣ.—**26.** *Свящ. Ильинскій.* Александрова гора близъ гор. Переяславля-Залѣсскаго, какъ мѣсто хоромъ Александра Невскаго.—**28.** *Нефедовъ.* Причитанія Владим. уѣзда (сообщено 7 причитаній похоронныхъ дочери по отцѣ и жены по мужѣ).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1897. 20. *К. В. Виргуля.* Краткое описаніе Гродненской губ. (продолженіе, между прочимъ, глава: населеніе и его занятія). N. Изъ Мстибовской вол. Волковскаго уѣзда. (О ворожбѣ цыганки).—**30.** *Кобринецъ.* Изъ Кобринскаго уѣзда. Трасца (повѣрія о лихорадкѣ).—**29, 33, 34.** *М-въ.* Путевыя замѣтки по Кобринскому уѣзду. III. Пять дней на сѣнокосѣ.—**66.** *Ѳ. Л-вичъ.* Темныя силы въ деревнѣ (знахарство въ Слонимскомъ у.).—**74.** *А. Г.* Мѣльникъ, заштатный г. Грод. губ. (Условія жизни и занятія).—**70.** Способы обработки земли въ Бѣлоруссіи 300 лѣтъ тому назадъ („Вил. Вѣст".).

Духовный Вѣстникъ грузин. экзархата. 1897. 11, 14. Хлысты (обрядовая сторона секты). Свящ. *I. М.*—**12, 15.** Обозрѣніе церквей экзархомъ Грузіи Владиміромъ. *И. К.* (приводятся сказанія и свѣдѣнія о построеніи церквей).—**14.** Кахсубанскій монастырь Пресв. Богородицы, свящ. *П. Карбелова.*

Иверія. 1897. 103. Описаніе манускрипта XVII в. съ лѣчебникомъ и „киклосомъ".—**114, 115.** Истор. справка о сношеніяхъ армянъ съ грузинами.—**134.** Кликуши въ дер. Борбало.—**144.** Тяжба двухъ деревень мохевцевъ.—**155.** Землевладѣніе въ Кизикіи.—**165.** Баградъ-мирза (истор. повѣсть). *Пари.*—**191.** Конгрессъ оріенталистовъ въ Парижѣ. *А. Хаханашвили.*—**199.** О воинскихъ надписяхъ. *Татарканъ Дадешкеліани.*—**203.** Шав-набада (легенда). *Н. Асламазишвили.*—**227.** Мингрельскій языкъ въ обществѣ и литературѣ. *А. Хаханашвили.*—**246.** Образованность у словаковъ (перев. съ рус.).—**240.** Индійскія женщины (изъ Revue encyclopédique).—**258, 261.** Древняя груз. рукопись „Служба Іакова". *М. Джанашвили.*

Кавказское Сельское Хозяйство. 1897. 183. Хозяйство мингрельцевъ. *Н. Курпали.*—**187.** Изъ Озургетскаго уѣзда (экономич. очеркъ).

Кавказъ. 1897. 143. „Землевѣдѣніе" съ приложеніями под. ред. Д. Н. Анучина. Библ. *А. Хах-ова.*—**160.** О дворянскомъ землевладѣніи въ Кизикіи. *Д.*—**161.** Нѣсколько словъ о нашемъ военно-историческомъ музеѣ. *В. Потто.*—**172.** „Батонеби" (геніи болѣзни) въ Кутаис. губ. *П. Петрова.*—**176.** Изъ практики сельскихъ судовъ. *А. Кипшидзе*—**178.** Нравы и обычаи хевсуръ. *А. Никитина*—**185.** Осетинскіе бѣсноватые. *Кесаева.*—**199.** Свадебные обычаи у молоканъ. *Ѳ. Д.*—**204.** Библ. Матеріалы по исторіи Грузіи. *Э. Жорданіа.*—**206.** Письма изъ Кизикіи. *А. Натроевъ.*—**210.** Погребеніе у мусульманъ. *Свящ. Иваницкаго.*—**228, 245.** Древняя исторія Кавказа по клинообразнымъ надпи-

сямъ Вана. *М. Дж.*—**312**. Судъ присяжныхъ на Кавказѣ.—**314**. Библ. „Землевѣдѣніе“ за 1897 г. Кн. I—II. *А. Х-ва.*—**316**. А. А. Марлинскій (Бестужевъ) *В. Потто.*—**1898. 6**. Царица Тамара въ народной легендѣ и у Лермонтова *А-ндръ Веселовскій*.

Казбекъ. 1897. 63. Надежда и разсудокъ. Легенда *Осика Шубина* (съ нѣмецкаго).—**101**. Можно-ли вѣрить женѣ. Казачья сказка.—**109, 110, 113**. Горы и ущелья отъ Теберды до Большого Зеленчука.—**118**. Пастухъ и бѣсъ (осетин. сказаніе). *Кесаева*.

Калужскія Губ. Вѣд. 1897. 33. Ливонская сага о происхожденія Чудского озера. (Изъ „Прав. В.“)—**35**. Важная археол. находка. (Барельефы въ г. Турѣ, во Франціи; изъ „Нар.“).—**50**. Древнее кладбище (болѣе 200 лѣтъ тому назадъ въ Житомірѣ; изъ „Н.“)—**66—69**. Сіамскій король и его страна (изъ „Н. В.“).—**73**. Почаевъ. Открытіе большого клада. (Найдено оружіе, польскіе и голландскіе дукаты и пр. Изъ „Р. С.“)—**83** Археологическая находка въ погостѣ Дворцахъ, Псковской губ., Новоржев. у. (2 колокола XVI в. и котелъ съ мѣдными монетами. „Пск. Г. В.“)—**105**. Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ въ г. Казани.—О хлыстовской сектѣ.—**116**. Внутр. изв. Суевѣріе относительно убитаго молніей въ Абхазіи (изъ „Р. С.“).

Квали. 1897. 34, 35. Народное преданіе о временахъ XVII в. (господство турокъ въ Имеретіи).—**23, 37**. Тушинскія пѣсни.—**30**. Нѣкоторые обычаи японцевъ.—**38, 39**. Историко-археологическое описаніе дер. Удэ (Ахалцыхск. уѣзда, Тифлис. губ.).—**41**. Философскія сочиненія католикоса Антонія I. *А Хаханашвили.*—**50—52**. Два акта („гуджары“), касающіеся экономическаго быта тушинъ. *Д. Алжанели.*—**50**. Грузин. рукописный словарь С. С. Орбеліани, хранящійся въ Гелатѣ.

Ковенскія Губ. Вѣд. (Прибавленіе). **1897. 52—56**. Общественное призрѣніе у крестьянъ.

Міровые Отголоски. 1897.—46. Находчивый человѣкъ: посредничество между жителями того свѣта и земными обитателями. (Изъ „Самар. Вѣст.“)—**47**. *Е. Шмурло*. Сибирскія письма.—Малороссія. Отношеніе къ переписи: она истолкована въ смыслѣ ревизскихъ сказокъ, имѣющихъ цѣлью закрѣпленіе недвижимости. (Изъ „Кіев. Слова“).—**48**. Сибирь. Замѣтка о новоселахъ въ Бѣловодскомъ участкѣ Маріинск. окр. (Изъ „Сибир. Вѣст.“)—Отношеніе сибирскихъ крестьянъ къ переписи: мнѣніе о томъ, что описанный будетъ зачисленъ по мѣсту его записи. (Изъ „Енисея“).—**49**. Періодическая печать. Замѣтка о вѣрѣ китайцевъ въ загробную жизнь. (Изъ ст. Краснова въ „Книжкахъ недѣли“).—**50**. Сибирь. Замѣтка о жизни инородцевъ въ Вилюйскомъ округѣ (Изъ „Нижегород. Листка“).—**52. 58. 65. 79**. *И. Е. Шевченко-Красногорскій*. Отъ Каспія до Аму-Дарьи. (Рисунки къ № 79 въ № 80, къ № 52—въ № 53).—**53**. *Теофрастъ Ренодо*. Парижскій карнавалъ.—Западный край. Розыски пропавшего человѣка при помощи указаній гадалки. (Изъ „Смолен. Вѣст.“),—**58**. Ялтинское побоище. Описаніе побоища между русскими и турецкими рабочими въ Ялтѣ (см. также въ № 64 изъ „Южн. Края“).—**59**. Екатеринославскій Соломонъ. Воръ выдаетъ себя подъ вліяніемъ угрозы, что соломенка, находящаяся у того, кто укралъ, должна увеличиться.—**60**. Шполянскій погромъ. Описаніе еврейскаго погрома въ мѣстечкѣ Шпола.—**61**. Приднѣпровье. Мнимая святая и ея вліяніе на деревенскую молодежь. (Изъ „Смолен. Вѣст.“)—**63. 66. 67. 69 70. 76. 80. 82. 84. 85. 92. 94**. *Юр. Кази-Бекъ*. Письма изъ Константинополя.—Періодич. печать. Выдержка изъ статьи „Генералъ Кирѣевъ о штундистахъ“, помѣщ. въ жур. „Revue internationale de Théologie“. **65**. Выгодныя невѣсты. Слухъ о томъ, что преступленіе дѣвушекъ, отрѣзавшихъ голову мужику, можетъ загладиться и дѣвушки будутъ освобождены отъ наказанія, если онѣ выйдутъ замужъ.—**66**. Охота на тура въ Кавказскихъ горахъ (съ рисункомъ).—Смѣсь. Бракъ между умершими—обычай, существовавшій прежде среди татаръ.—Поволжье. Выдержка изъ помѣщеннаго въ „Нижегородск. Листкѣ“ отчета о состояніи Васильево-Слободской библіотеки (Балахн. у.); данныя объ отношеніи крестьянъ къ книгѣ (см. также № 76)—**71**.

Изъ данныхъ германской уголовной статистики. (Изъ ст. В. Срезневскаго (въ март. кн. Журн. Мин. Юст.) Наблюденія изъ практики Мирового Судьи. Изъ ст г. Тулуба въ той же кн.).—72. *С. Рыбаковъ.* Состояніе просвѣщенія среди нашихъ инородцевъ и коренного населенія.—74. Изъ Туркестанскаго края. Замѣтка о туркестанскомъ виноделіи; о травѣ артемизіи („дармина").—75. Періодическая печать. Описаніе карнавала въ Ниццѣ (Изъ „Москов. Вѣд.").—Деревенская газета. О газетѣ, издающейся въ с. Павловѣ, Нижегород. г. (Изъ „Волгаря").—Изъ Туркестанскаго края. О санитарныхъ условіяхъ жизни сартовъ и отношеніи ихъ къ русскимъ врачамъ.—Поволжье. Женщина въ качествѣ повѣреннаго на мировомъ судѣ. (Изъ „Казанск. Тел.").—Слухи среди крестьянъ о войнѣ съ турками; мнѣніе ихъ о цѣли построенія жел. дор. въ Сибири и о переписи. (Изъ „Саратовск. Дневн.").—Югъ. Замѣтка о несогласіяхъ среди старообрядцевъ Кіевск. г. (Изъ „Кіевск. Слова")—О землевладѣніи нѣмецкихъ колонистовъ въ Крыму. (Изъ „Новороссійск. Тел.").—79. Поволжье. Самарскій заклинатель бѣсовъ (Изъ „Саратовск. Газ.").—81. Антоніо Консельейро—черный пророкъ. Мнимый пророкъ новой религіи (о ея сущности не говорится), составившій себѣ отрядъ изъ 10.000 послѣдователей и наводящій ужасъ на Бразилію своими разбоями.— *Нилъ Бронскій.* Лондонскіе отголоски. Здѣсь, между прочимъ, есть краткая замѣтка объ исторіи развитія пьянства въ Англіи и его statu quo (по ст. Arthur'a Shadwell'я „Исторія пьянства въ Англіи" и ст. Джона Мунро „What London Drinks" въ янв. кн. 1897 г. „Cassells Family Magazine".— 82. Новый народъ карликовъ, открытый на Памирѣ датскими офицерами Олуфсенъ и Филипсенъ.—83. Сибирь. О земледѣліи у киргизовъ (изъ „Сибирск. Вѣстн."). — *Ек. Уманецъ.* Успеньевъ день въ Бахчисараѣ.—86. Поволжье. Погребеніе самоубійцы на кладбищѣ, какъ причина засухи у крестьянъ Сергачск. у. (изъ „Нижегор. Листка").—87. *Н. Рѣпнинъ.* Современная деревня. I. Исканіе правды. Исторія одной покупки земли всей деревней, раскрывающая внутреннія деревенскія отношенія.—Юго-запад. край. Замѣтка о чехахъ-колонистахъ (изъ „Волыни").—Сѣрный эфиръ, какъ суррогатъ водки (изъ „Екатерин. Г. В.").—Югъ. Транспортъ переселенцевъ въ Приамурскій край (изъ „Нов. Обозр.").—87. Восточная фантазія (легенда).—Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Краткая замѣтка о его дѣятельности; тутъ же его портретъ.—90. Изгнаніе домовыхъ въ Мюнхенѣ (изъ „Münchener Neueste Nachrichten").—91. Изъ малайскихъ нравовъ. Фактъ, характеризующій отношенія между супругами.—*Д. К—ій.* Типы современной культуры.—Техническое образованіе въ Японіи.—Кавказъ. Замѣтка о переселенцахъ на Кавказѣ (изъ „Нов. Обозр.").—Туркест. край. О мусульманской сектѣ, напоминающей нашихъ хлыстовъ (изъ „Окраины").—О сближеніи между русскими и кочевниками магометанами (изъ „Киргизск. Степн. Газ.").—92. Засѣданія ученыхъ обществъ. Замѣтка о докладѣ П. Козлова о его трехлѣтн. путешествіи по центр. Азіи, совершенномъ вмѣстѣ съ В. П. Роборовскимъ въ 1893—95 гг.—Сѣверъ. О съѣздѣ беспоповцевъ (изъ „Вятск. Г. В.").—Поволжье. Лѣкарство „киндеръ-бальзамъ", какъ суррогатъ водки (изъ „Нижегор. Листка").—Сибирь. Выкормка пушныхъ звѣрей на дому—промыселъ тобольскихъ инородцевъ (изъ „Юян. Кр.").—94. Поволжье. Эксплоатація потайной милостыни съ преступной цѣлью.—95. *И. М. Рубиновъ.* Кулачный бой (Письмо изъ Америки). Состязаніе боксеровъ и отношеніе къ нему американцевъ.—96. *Нилъ Бронской.* Англійскія предпріятія въ Персіи. Изложеніе ст. Эдуарда Кроу „English Entreprise in Persia", помѣщенной въ „The Nineteenth Century".—97. *Ал. Федоровъ.* Мирная задача арміи. Армія, какъ школа народа.—Школьный вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ.—97. Польскій край. Дѣло о продажѣ дѣвушекъ въ гаремы („Волынь").—Кавказъ. Паника въ Баку вслѣдствіе ожиданія чумы. („Сар Дн."). — 98. 106 113. 132. 134. 137. 140. 145. 146. 147. 149. 154. *Юрій Кази-Бекъ.* Письма изъ Константинополя.—98. *Ш—рцъ.* Рецензія о книгахъ Милля „О подчиненіи женщины" и Фаррара „Женщины у домашняго очага".—99. Сѣв.-зап. край. Стремленіе къ переселенію среди крестьянъ

Витебск. г. („Смол. Вѣст.").—**100. 127. 146.** *И. Шевченко-Красногорскій.* Отъ Каспія до Аму-Дарьи.—**101.** Нашла коса на камень. Восточная сказка. **103.** Період. печ. Объ исторіи завоеванія Сибири (изъ ст. Дѣдлова въ „Книжкахъ Недѣли"). — **104.** *Из. Ал—скій.* Кіевскіе отклики (здѣсь, между прочимъ, свѣдѣнія о положеніи дѣла народнаго образованія въ Кіевѣ и о санитарн. состояніи Кіева).—*А. К.* Изъ Ферганской области. О мѣстныхъ разбояхъ.—Черноземн. полоса. О бѣдственномъ положеніи переселенцевъ во время пути („Орл. В".).—Малороссія. Фактъ, свидѣтельствующій объ усиленіи интереса крестьянъ къ книгамъ („Жизнь и Искусство"). —**107.** *Д—тъ.* Волки и овцы. Возраженіе на статьи „Нов. Вр.",относящіяся отрицательно къ армянамъ въ Россіи.—Сибирь. О знахаряхъ въ Сибири („Томск. Л.").—**108.** *Nick.* Письма изъ Германіи. О дѣлѣ д-ра Петерса, бывшаго имперскаго комиссара африканскихъ земель, находящихся подъ протекторатомъ Германіи.—*Н. Левитскій.* Два слова къ вопросу о пересмотрѣ законодательства объ артеляхъ.—Черноземная полоса. Стремленіе къ переселенію у крестьянъ черноземной полосы („Калужск. Вѣстн.")—**110.** Соврем. лѣтоп. Посѣщеніе могилокъ родныхъ на Ѳоминой недѣлѣ въ Петербургѣ. *Нилъ Бронской.* Лондонскіе отголоски. Иллюстраціи къ современному пьянству высшихъ классовъ англійскаго общества и его прекраснаго пола въ особенности.—Статистич. данныя по поводу переселенч. дѣла Курск г. („Курск. Лист.").—**111. 119.** По Окѣ. Изъ путевыхъ впечатлѣній.—**111.** Туркестанскій край. Корреспонденція, рисующая положеніе промышленности въ Туркестан. кр.—*А. Осиповъ.* Эксплоатація религіознаго чувства (сборы пожертвованій на аѳонскіе монастыри) („Иверія"). **112.** Замурованные фанатики. Заживо погребенные въ Тираспольскомъ у. („Одесск. Лист.").—*Лѣтописецъ.* Литературная лѣтопись. Указывается на отношеніе населенія къ переписи и приводится рядъ выдержекъ изъ провинц. газ., рисующихъ впечатлѣнія счетчиковъ.—*Вас. Разиньковъ.* Воробьиная ночь. Ночныя грозы въ Малороссіи и отношеніе къ нимъ населенія. — **113.** Поволжье. Статистич. данныя о крестьянскомъ землевладѣніи въ Нижегородск. г. („Нижегородск. Л.").—**114.** Рисунокъ къ ст. „Отъ Каспія до Аму-Дарьи".—*Z.* Шведскій изслѣдователь Азіи Свенъ Хединъ (Sven Hedin) (съ портретомъ).—*Philharmonius.* Побѣги и Арабески. Здѣсь, между прочимъ, замѣтка о поэмѣ Свѣтозара Гурбана-Ваянскаго „Иродъ", въ которой описываются страданія словацкихъ сиротъ, похищенныхъ мадьярами съ политической цѣлью.—**116.** *А. Черскій.* Норвежскія саги о чумѣ. I. Куропатка въ Инстедалѣ. II. Церковь въ Бальдерѣ.—**117.** Увеличеніе морскихъ и военныхъ силъ Японіи и ея финансы („Times").—**119.** *Из. Ал—скій.* Кіевскіе отголоски. Здѣсь, между прочимъ, о вліяніи городской культуры на малороссовъ.—Корреспонд. изъ Туркестанскаго края. Народная школа у мусульманъ.—Поволжье. Слухи, возстановляющіе крестьянъ противъ интеллигенціи („Сар. Дн".).—**122.** Царство пигмеевъ въ Азіи. Объ открытыхъ датскими путешественниками, Олюфсенъ и Филипсенъ, странахъ на Памирѣ съ населеніемъ очень небольшого роста.—Европейскія дуэли (статистика ихъ).—Ежегодныя самоубійства въ Европѣ (статистика ихъ).—Упадокъ рыбной промышленности.—Закаспійская область. Текстъ прошенія, поданнаго жителями тохтамышскаго района, Мервск. у., рода Векиль, на имя начальника области, объ оставленіи у нихъ навсегда ихъ начальника („Закасп. Обозр.").—**124.** Макѣевскіе безпорядки. Безпорядки въ слоб. Макѣевкѣ, вызванные тѣмъ, что арендаторъ земли, на которой происходила ярмарка, взималъ съ продававшагося на ней скота особый сборъ въ свою пользу. („Приаз. кр "). Еврейскій погромъ въ Херсонской г. („Волгарь")—**126.** Періодич. печать. Случай изъ исторіи сибирск. суевѣрія („Русск. Старина").—Новыя жертвы фанатизма. Новыя данныя о заживо погребенныхъ въ Тирасп. у. („Одесск. Нов.").—**127.** Американскій азартъ. Случай увлеченія азартными играми. — Засѣданія ученыхъ обществъ. Замѣтка о докладѣ Свенъ-Гедина въ отд. геогр. И. Р. Г. О.—*Ал. Ф.* „Хлѣба и сильныхъ ощущеній". О стремленіи современнаго культурнаго человѣчества къ сильнымъ ощущеніямъ („Изложеніе ст. „Crime in current literature" въ „Westmin-

ster Review").—128. Пріуралье. Санитарное состояніе мѣстныхъ городовъ („Уралъ").—Черноземн. пол. Экономическое положеніе крестьянъ сельца Шевелева, Орловск. у. („Недѣля").—Случай крестьянскаго самосуда („Сар. Дн.")—Рисунокъ къ 12 гл. ст. „Отъ Каспія до Аму-Дарьи").—*Л. Черскій.* Жениха Нигары (Ай-Тодорская легенда).—129. *М. Верновъ.* Письма кругосвѣтнаго путешественника. — 132. *Скиталецъ.* У скандинавовъ. — Поволжье. Несчастный случай вслѣдствіе свадебнаго обычая запирать спальню новобрачныхъ („Сар. Дн.").—133. Черноземн. полоса. Сопротивленіе властямъ при взысканіи недоимокъ („Южн. Кр").—Югъ. Новыя данныя о тираспольскихъ сектантахъ („Одесск. Л.").—134. Внутр. почта Земельныя недоразумѣнія у крестьянъ съ помѣщиками („Калужск. Вѣстн.")—136. Періодич. печать. Описаніе китайскаго суда надъ хунхузами („Развѣдчикъ").—137. *Нилъ Бронской.* Лондонскіе отголоски. Новая женщина въ Англіи.—Примѣры крестьянскихъ попоекъ („Сельск. Вѣстн.").—138. *Robert Donald.* Какъ живетъ французская деревня. —139. Англичанинъ о Сибири. Свѣдѣнія о путешествіи по Сибири подполковника Уотерса.—140. Телефонъ и суевѣріе. Крестьяне въ окрестностяхъ Бѣлицъ-Бялы (Австрія) думаютъ, что электрическіе проводники привлекаютъ тучи.—Статистика безработицы.—140. Внутр. почта. Сопротивленіе властямъ („Одесск. Нов."). — 141. Внутр. почта. Приговоръ крестьянск. обществъ, отмѣняющій обществ. могарычи при наймѣ пастуха и. т. п. сдѣлкахъ („С. Л.").—143. *И. М. Рубиновъ.* Письма изъ Америки. Воскресный отдыхъ и американское духовенство.—144. Древность массажа.—Къ свѣдѣнію русскихъ членовъ предстоящаго женскаго конгресса съ Брюсселѣ. Библіографія женскаго вопроса.—Сельскохозяйственные очерки Забайкалья. Станица Могойтуевская, Акшинск. окр.—Краткое описаніе древняго клада, найденнаго близъ дер. Сокъ, Опатовск. у.—144. 145 *Н. С***. Новый видъ обскурантизма. Рецензія на ст. Людовика Кржививцкаго „Генезисъ идей" („Міръ Б.", май, 1897 г.). — 145. Англичане и библія. Краткое изложеніе ст. о дѣятельности Британскаго и иностраннаго Библейск. Общ. въ „Me Clure's Magazine".—145. 152. *А. И. Б—нъ.* Среди моря и скалъ. Изъ путешествія по Финляндіи. — 145. Бабій бунтъ. — 146. *Е. А—ди.* Абиссинія, какъ будущая часть православнаго міра. — Послѣднія извѣстія. Сопротивленіе переписи со стороны татаръ. Слухи о томъ, что перепись производится съ цѣлью обращенія татаръ въ православіе и распространенія среди нихъ русской грамотности, при чемъ во всѣхъ татарскихъ деревняхъ построятъ аптеки и повѣсятъ возлѣ мечетей колокола („Волжск. Вѣстн.").—147. Послѣднія изв. О цыганахъ въ Бессарабіи („Бессараб.").—148. Посл. изв. о Ѳедорѣ Ковалевѣ („Бессараб.").—149. 150. 151. 153. *Д. Райскій.* Наши задачи на дальнемъ Востокѣ.—149. Религіозная война въ Бразиліи (О сектѣ Антоніо Консельера (Масіеля то-жъ). —150. *Ч.* Въ Палестину и Сирію Изъ путевыхъ писемъ натуралиста. — 151. Послѣд. изв. Статистическія свѣдѣнія о Кавказѣ по послѣдней переписи.—152. Пос. изв. Нищенство, какъ промыселъ въ Пензенск. г. („Сар. Л.").—153. Торговля въ Абиссиніи.

„**Моамбэ**". (Вѣстникъ, грузин. ежемѣсяч. журналъ). **1897. I, VI.** Самурзакано. Письма туриста. *Ѳ. Сахокія.*—**I.** Новый годъ („Каландоба") въ Мингреліи. *Его-же.*—**II, IV, V, VII, IX, X XI.** Ложныя мѣста въ поэмѣ „Барсова Кожа" („Вепхисъ Ткаосати"). *А С—швили.*—**I. II, III, IV.** Тушинскія пѣсни, собранныя *Д. Ростомашвили.*—**III.** Бюрократія въ грузинскомъ царствѣ. *А. Хаханашвили.*—**II, III, IV.** Рамайяна. Переводъ съ нѣмецкаго. *А. С—швили.*—**II, V, XI.** Абхазцы. Этнографическій очеркъ. *Н. Джанашія.*—**X.** Мингрельскія пословицы. *Ѳ. Сахокія.*—Гурія-Аджара. Письма туриста. *Его же.*—**VIII.** Народныя пѣсни. *Его-же.*—**XII.** Извѣстія арабскихъ и персидскихъ писателей о Грузіи. Переводъ.—**XII.** Грузины-католики. *Л. Исарлова.*—Картинки изъ сельской жизни. *Дав. Кадіашвили.*

Наука. 1897. 4, 5. *В. М. Козарищукъ.* Жертва и жертвенныя дѣти. (Гуцульская сказка, стр. 283—290; она носитъ на себѣ слѣды литературной обработки, по крайней мѣрѣ, въ слогѣ, хотя сказано, что она записана въ

с. Плоской).—Библіографія: „На верблюдахъ“ Уралова; „Наши родичи“, Желиховской.—6, 7, 8. *Н. Захарьина* (*Якунина*). Каменная баба. (Дѣтская легенда).—*В. М. Коварищукъ*. Капшукъ (кошелекъ, гуцульская сказка, зап. въ с. Чёрногузъ съ такими же особенностями въ слогѣ).—Всячина. Похоронные обряды индѣйцевъ („Моск. Вѣд.“).

Новое Обозрѣніе. 1897. 4620. Положеніе армянъ въ Грузинскомъ царствѣ. *А. Хах-ова*.—**4626.** Скотокрадство у горцевъ. *Гаппо Б.*—**4622.** Грузины и грузинки. *М. Д-ми*.—**4679.** Истор. справки (патр. Нерсесъ V. Татар. литографія въ Тифлисѣ). *А. Ерицовъ*.—**4677.** Безземелье въ Осетіи. *Г. Цаголовъ*.—**4685.** Венгерцы и кавказскія племена.—**4719.** Сванетія. (Экономическій очеркъ).—**4725.** XI конгрессъ оріенталистовъ въ Парижѣ. *А. Хах-ова*. **4719, 4731, 4759.** Сванеты. (Экономич. очеркъ). *К. Николадзе*.—**4725, 4731.** XI Международн. съѣздъ оріенталистовъ въ Парижѣ. *А. Хах-ова*.

Оренбургскія Губ. Вѣд. 1897. 36. Смѣсь. Перепись. Отношеніе къ ней нѣкоторыхъ образованн. обывателей.—Эскимосскія постройки въ Оренбургѣ. Чумы изъ снѣга, выстраиваемые извозчиками для защиты отъ холода и вѣтра.—**37, 43, 50**. *Н. А скій*. Очерки Приуралья.—**37.** Смѣсь. Рамазанъ или рамаданъ. Краткое описаніе его.—**38.** *Ѳ. Г.* Мѣновой дворъ въ 1896 г.—Островъ Критъ (изъ „Правит. Вѣстн.“).—**39.** *А. Кузнецовъ*. О времени основанія селъ и деревень. Краткая замѣтка, указывающая на то, что на основаніи данныхъ переписи можно судить о времени основанія селъ и деревень.—**40.** Оренбургскій казачій полкъ въ Харьковѣ. Взятіе городка. Описаніе казачьяго праздника, на которомъ происходитъ взятіе снѣгового городка и джигитовка (изъ „Харьк. Г. В.“).—**41.** Мысли и факты. Извлеченіе изъ статьи Тилле (въ „Nord und Süd“): „Борьба за обладаніе земнымъ шаромъ“ (попытка отвѣтить на вопросъ, „какая раса и какое племя одержитъ верхъ въ борьбѣ за міръ“, изъ „Русск. Вѣд.“).—Засѣданіе Оренбургск. Отд. И. Р. Геогр. Общ.—**44** Взятіе снѣжныхъ городковъ.—**45.** Рецензія на ст. Чернавскаго „Слобода Куртамышъ“ („Оренб. Еп. Вѣд.“).—**46.** Разсказы счетчиковъ („Приаз. кр“.).—**47.** *Н. Ивановъ*. Откуда появился медвѣдь. Стихотворное переложеніе литовскаго преданія.—Письмо урядника Моршинскаго, переселившагося въ 1895 г. въ Уссурійск. казачье войско, къ своимъ оренбургск. землякамъ.—**48, 49, 50.** Изъ парижскихъ писемъ. Масляница въ Парижѣ.—**48.** Смѣсь. Неумѣстное остроуміе. Отношеніе къ переписи нѣкоторыхъ образованн. людей.—**51.** *Ф. Г.* Хлѣбная торговля въ Оренбургѣ.—*W.* Ахыръ заманъ китаби (ученіе о кончинѣ міра). Рецензія на ст. Е. А Малова (въ XIV т. Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этногр.) объ этой книгѣ, очень распространенной у татаръ, башкиръ и киргизовъ.—Засѣданіе Оренб. Отд. И. Р. Г. Общ.—**52** Русская жизнь. О преувеличенномъ страхѣ чумы, распространившемся среди рабочаго населенія (изъ Ек. Г. В.)—О дѣятельности И. Р. Г. Общ. и Антрополог. Общ. въ изученіи „Востока“ (изъ „Правит. Вѣстн.“ и „Московск. Вѣд.“).—Смѣсь. Происхожденіе слова „тостъ“.—**53.** Побоище русскихъ съ турками въ Ялтѣ (изъ „Моск. Вѣд.“).—Интересная семья. Изъ наблюденій сельскаго счетчика.—**58.** Смѣсь. Греческія пословицы.—**65.** Русская жизнь. О жолудовомъ промыслѣ въ Владимірск. г. (изъ „Влад. Г. В.“).—Стороннее сообщеніе. О собираніи и изданіи народныхъ русскихъ сказокъ (отъ Отд. Этн. И. Р. Г. Общ.).—Смѣсь. Чума и шафранъ. Обычай индійскихъ шіитовъ обсыпать покойниковъ шафраномъ (изъ нѣмецк. газ. „Врачебное Обозрѣніе“).—**67.** Изъ парижскихъ писемъ. „Ми-каремъ“—половина поста, парижскій праздникъ.—**69.** Отчетъ Оренб. Ученой Архивн. коммиссіи за 1895—96 г.).—**70.** *Н. Ивановъ*. Въ Слободкѣ. Изъ записной книжки оренбургск. счетчика (отношеніе раскольниковъ къ переписи).—**71.** Засѣданіе Оренбургск. Учен. Архивн. коммиссіи.

Орловскія Епарх. Вѣд. 1897. 16—18. Пашковцы и ихъ ученіе (прод. и оконч).

Отголоски. 1897. 67. Судъ и преступленія. Дѣло о насиліяхъ по поводу всенародной переписи. (Слухъ, что перепись имѣетъ въ виду обращеніе населенія въ барскихъ крестьянъ). Изъ „Камско-Волжск. края“.—**70.** Еврейскій погромъ; ложные слухи объ евреяхъ (изъ „Одесск. Нов.“).—Случай доб-

ровольнаго погребенія заживо девяти человѣкъ раскольниковъ на берегу Днѣстровскаго лимана (изъ „Одес. Нов.“).—72. Дополнительныя свѣдѣнія объ заживо погребенныхъ.—80. Японія и японцы. Выдержки изъ корреспонденціи въ „Новомъ Вр.“ и изъ статьи проф. Краснова въ книжкахъ „Недѣли“.—82. Судъ и преступленія. Фанатизмъ: послушникъ Никольскаго монастыря Буяновъ найденъ умершимъ въ пещерѣ и зарытымъ по грудь въ землю; около него просфоры, иконы, лампады, духовныя книги. Онъ просилъ, чтобы его зарыли для спасенія его души (изъ „Уральца“).—90. Судъ и преступленія. Случай изувѣрства („Оренб. Л.“).—91. Нравы современной деревни („Нов. Вр.“).—95. Разныя извѣстія. Духоборы въ пересыльной тюрьмѣ („Сар. Дн.“).

Пермскія Губ. Вѣд. 1897.—34. 36. *Александръ Наумовъ*. Изъ исторіи заселенія и просвѣщенія Зауралья.—Поклонники дьявола. (Изложеніе доклада, читаннаго въ засѣданіи И. Р. Г. О.). —Лотосъ, какъ архитектурное украшеніе.—39. Изъ Самары. Своеобразная профессія: убиральщики иконъ, выходцы изъ с. Мстеры, Шуйск. у., Владимір. г.—40. Срери газетъ и журналовъ. Отношеніе населенія къ переписи. (Изъ „Астрах. Листка“).—42. Африканскіе дикари. (Изложеніе доклада д-ра Пацуковича о поѣздкѣ въ Абиссинію, читанномъ въ Антрополог. Общ.)—44. Разныя извѣстія. Рамазанъ. Замѣтка объ магометан. праздникѣ рамазанѣ.—45. Изъ с. Усть-Кемское. У остяковъ. Фактъ, свидѣтельствующій о непониманіи остяками христіанской религіи.—Жизнь въ тайгѣ.—Разныя извѣстія. Вліяніе погоды на количество преступленій.—46. Вѣра китайцевъ въ загробную жизнь.—47. Изъ с. Троицкаго, Перм. у. Житейскіе курьезы.. Жалоба въ судъ на поминовеніе „за упокой“ при жизни.—49. Разныя извѣстія. О способахъ укрощенія на востокѣ дикихъ леопардовъ.—50. Кустарныя издѣлія остяковъ.—51. О происхожденіи первыхъ обитателей о-ва Крита.—52. Десятники бабы. Отправленіе общественной службы женщинами въ Арханг. губ. (Изъ „Рус. Судоходства“).—Разныя извѣстія. Полезный обычай. Обычай амереканцевъ устраивать дѣтскій праздникъ съ посадкой деревьевъ.—55. Среди газетъ и журналовъ. Замѣтка о жизни и дѣятельности знаменитости Ѳедосѣевскаго раскольничьяго толка въ Москвѣ—матери Евникеи (Изъ „Свѣта“).—56. Лѣченіе „внутренней грысти“ укусами крысъ. (Изъ „Врача“).—59. Судебная хроника. Кишиневскій окружной судъ. Дѣло о продажѣ снадобій и веществъ, имѣющихъ будто бы сверхъестественную силу.—60. Изъ Бійска „Войнишки“. (Кулачные бои на масляницѣ.).—60. Русскія менонитки. (Изъ „Крыма“)—61. Изъ Мѣхонскаго села Шадринск. у. Санкція нищенства. Нищіе погорѣльцы съ нашитыми на шапкахъ и на груди удостовѣреніями сельскихъ властей („покормежками“) (Изъ „Урала“).—61. Брачное условіе. Засвидѣтельствованныя полиціей письменныя условія гражданск. брака. (Изъ „Луча„)—62. Самара. Адвокатъ загробнаго міра. Старикъ, промышляющій посредничествомъ между крестьянами и обитателями того свѣта.—64. Среди газетъ и журналовъ. Отношеніе крестьянъ къ различнымъ русскимъ авторамъ. Изъ статьи г-жи Волковой въ „Образованіи“—70. Сормово, Балахн. у. Гусиные бои.—75. С. Покровъ, Сергачевск. у. Неугомонный удавленникъ. Взглядъ крестьянъ на погребеніе самоубійцы на кладбищѣ, какъ на богопротивное дѣло.—79. Среди газетъ и журналовъ. Изъ сибирскихъ воспоминаній д-ра Бѣлоголоваго; фактъ, характериз. крещеныхъ бурятъ.—80. Тобольскъ. Новый кустарный промыселъ: питомники пушныхъ звѣрей у инородцевъ.—81. Среди газетъ и журналовъ. Фактъ, свидѣт. о непониманіи русскимъ народомъ догматовъ христіанства.—Судебная хроника. Поруганіе надъ трупомъ съ суевѣрною цѣлью.—82. Среди газетъ и журналовъ. Замѣтка о положеніи женщины у русскихъ менонитовъ (изъ „Крыма“).—Деревенскій журналъ. О издающемся въ с. Павловѣ, Нижегородск. г. журналѣ, посвященномъ интересамъ крестьянск. самоуправленія.—84. Разныя извѣстія. Телеграфъ и китайцы. Объ отношеніи китайцевъ къ телеграфу (Изъ „North China Daily News“). — Погибшій материкъ. Изложеніе публичной лекціи объ Атлантидѣ, чит. д-ромъ геологіи Карно-

жицкимъ въ Петерб.—83. Разныя извѣстія. Примѣты вотяковъ.—92. *В. Кричевскій.* Добровольныя ссыльныя. Беллетристич. очеркъ, въ которомъ изображаются крестьянскія женщины, добровольно слѣдующія въ ссылку за мужьями.—94. Ловля жемчуга. Изложеніе доклада И. П. Бартенева „О жемчужномъ промыслѣ, по р. Повѣнчанкѣ Олонецк. г.," читаннаго на Московской выставкѣ рыбоводства и рыболовства.—95. Свайныя постройки. О свайныхъ постройкахъ, открытыхъ во Флоридѣ (Америка) экспедиціей подъ начальствомъ проф. Франка.—96. Отхожіе заработки поволжскихъ крестьянъ. Краткая замѣтка, указывающая на отсутствіе организаціи правильнаго распредѣленія рабочихъ рукъ во время лѣтней рабочей поры. Помѣшательство на религіозной почвѣ (изъ с. Пирога, Кременчугск. у.)—97. *Кри-кри.* Злобы дня. О предразсудкѣ относительно майскихъ браковъ (боязнь вѣнчаться въ маѣ, чтобы не маяться всю жизнь). Указывается на распространенность этого предразсудка.—98. Историческій очеркъ углежженія на уральскихъ горныхъ заводахъ. Изложеніе доклада г. Бокова, читаннаго въ пермской комиссіи Уральск. Общ. любит. естествозн.—99. Обрядъ присяги у китайцевъ.—100. Земская школа и расколъ. Замѣтка объ отношеніи старообрядцевъ въ школѣ. (По Ежегоднику, издав. Московск. губерн. земск. управ.). — Среди газетъ и журналовъ. Факты обмѣна супругами въ Звенигородск. у. (Изъ „Кіевлян.")—101. Среди газетъ и журн. „Забѣжки" — лица, помогающія лошадинымъ барышникамъ въ Казани обманывать неопытныхъ крестьянъ. (Изъ „Камско-Волжск. Кр.")—Самый старинный романъ. Объ „Исторіи двухъ братьевъ", сочиненной 3200 лѣтъ тому назадъ ѳиванск. писателемъ Энпапа (Изъ „Моск. Вѣд.").—102. Результаты первой всероссійской переписи.—Власть тьмы. Заживо погребенные фанатики въ Тирасполѣ.—103. Послѣднія извѣстія. Женщина, изъ желанія опозорить мужа, ползла на четвереньках, а дочь заставила вести ее на веревкѣ. (Изъ „Новостей Дня").—По поводу 150-лѣтія Алтайскихъ горныхъ заводовъ и рудниковъ. (Изъ "Сибир. Листка".)—105. *Н. А. Синицынъ.* Періодич. печать. Здѣсь, между прочимъ, изложены статьи: Н. Х., „Среди новоселовъ" (Русская М.); М. Кроля, „По кочевьямъ забайкальскихъ бурятъ" (Нов. Сл.); Катанова. Отчетъ о поѣздкѣ въ Минусинскій окр., Епис. г. (Учен. Зап. Каз. ун.); Н. Попова, лекціи по общей психопатологіи (тамъ же). 106. Еще о заживо погребшихся фанатикахъ. (Изъ „Одесск. Л.")—Статистика Петербурга.—О китайскихъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ.—111. Новыя подробности о заживо погребенныхъ („Бессарабецъ").—114. С. Сестренка. Камышловск. у. Интересный субъектъ. Человѣкъ, выдающій себя за сына полковника, странствующаго по совѣту І. Кроншт. (Изъ „Сар. Дн.")—Хвалынск. у. Мракъ невѣжества. Эксплоатація крестьянъ человѣкомъ, выдающимъ себя за Христа („Сар. Дн.")—115. Среди газетъ и жур. Постановленіе схода крестьянъ дер. Медвѣдевки, Аткарск. у., отмѣняющее обычай пить могарычи при наймѣ пастуховъ и т. п. сдѣлкахъ („Сар. Дн.").—116. 122. 126. *П. Б.* Письма съ дороги. (Изъ Перми въ Петербургъ).— Лжепророчица Виталія. Свѣдѣнія о сектанткѣ Виталіи, игравшей выдающуюся роль въ исторіи съ замурованными раскольниками („Одесск. Нов").—Посланіе лжепр. Виталіи („Рус. Вѣд.").—118. Мараловодство въ Сибири.—Настоящіе индійскіе факиры. (Изъ ст. М. Стэда въ „Borderland")—119. Движеніе въ Сибирь и обратно („Сиб.").—Сопротивленіе властямъ („Од. Нов.")—Мошенничество на религіозной подкладкѣ (Ниж. Лист.") — Кочевники переселенцы („Нов.").— 120. Свенъ Гединъ шведскій путешественникъ.—122. Эксплоатація религіознаго чувства русскаго человѣка аѳонскими келіотами („Иверія").—125. Въ скиту у заживо погребенныхъ („Р. Вѣд.").—127. Китайскіе паспорты.

Пермскія Епархіальныя Вѣдомости. 1897. 4, 5, 7, 8, 12. *Свящ. П. Пономаревъ.* Расколъ въ предѣлахъ Савинскаго прихода.—5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19. Протестантскій піетизмъ, какъ родоначальникъ южнорусскаго штундизма.—12. *К-овъ.* Впечатлѣнія счетчика при переписи одного зараженнаго расколомъ прихода Пермскаго у.—7, 8, 9. Отчетъ о дѣятельности Пермскаго

епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго общества. (Миссіонерскія школы; составъ учащихся по вѣроисповѣданію и народности; указаніе на отношеніе инородцевъ къ миссіонерск. школамъ).—**13, 14, 15, 16, 17.** Отчетъ Пермскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Пермской епархіи за 1895—96 г. (Статистика православнаго населенія Пермской епархіи; церковно-прих. школы, школы грамоты и начальн. училища другихъ вѣдомствъ; статистика раскола и иновѣрцевъ).—**15, 16.** Народная мудрость. Тенденціозный подборъ пословицъ съ цѣлью охарактеризовать народное міровоззрѣніе („Пенз. Еп. Вѣд.").—**18, 19, 21.** Отчетъ Пермскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковноприходск. школъ и школъ грамоты Пермск. еп. за 1895—96 г.—**18.** Откуда произошелъ и что означаетъ обычай украшать гробы умершихъ цвѣтами и устилать путь къ кладбищу древесными вѣтвями („Самарск. Еп. Вѣд.").

Подольскія Губ. Вѣд. 1897. 32. Георгій Побѣдоносецъ по народн. воззрѣніямъ.—**33—34** Южно-русскій народн. праздникъ „Рахманьскый Велыкдень".—**34—35.** Переселенческое дѣло въ Сибири.—**52.** Сіамъ или страна „Бѣлаго Слона".—**64.** Древне-русскій приходъ.

Прибалтійскій Листокъ. 1897. 59. *П.—С.* Ливонскія саги. О происхожденіи Чудскаго озера или Пейпуса. (Переп. въ Кал. Губ. Вѣд. 33).—**68.** Корреспонденціи. Астрахань (о бытѣ и нравахъ калмыцкихъ жрецовъ, изъ „Астр. Листка").—**76.** *Е-нина* Латышскія сказки: О происхожденіи водопада близъ Гольдингена; О чемъ бесѣдуютъ вѣдьмы въ ночь на Ивановъ день.—**75.** *Кеченджи.* Въ когтяхъ демона, кавказская легенда *Юрія Кази-Бекъ.*—**84.** Къ нравамъ и быту калмыцкихъ жрецовъ (изъ „Астраханскаго Листка").

Сельскій Хозяинъ. 1897. 24. *М. К-въ.* О рабочихъ въ Малороссіи и вліяніи ихъ на ходъ мѣстнаго хозяйства. Попытка объяснить положеніе хозяйства въ Малороссіи этнографическ. особенностями малороссійскихъ губ.—**25.** *Сотникъ А. Шестаковъ.* Полтавскій участокъ Южно-Уссурійскаго края. Краткое указаніе на способъ обработки земли у китайцевъ.—**28, 29, 30, 31, 32, 41, 42, 43, 44, 45, 47.** *К. Ѳ. Агринскій.* Русское лѣто съ точки зрѣнія народныхъ примѣтъ.—**38.** *Д. Ѳ.* Корреспонденція изъ Новороссіи. Свѣдѣнія о сельско-хозяйств. рабочихъ на югѣ Россіи.

Уфимскія Губ. Вѣд. 1897. 50, 51. *Ѳедоръ Чуфринъ.* Село Минскій заводъ, Уфимской губер.—**63, 64, 65.** *И. А-скій.* Очерки Приуралья.—**70.** Мелочи. Екатеринославскій Соломонъ. Воръ выдалъ себя, испугавшись того, что у него соломинка сдѣлается длиннѣе (изъ „Мір. Отг.").—**76.** *В. Шоховъ.* Село Топорнино, Уфимск. у. Описаніе мѣстной ярмарки.—**79.** О сближеніи между русскими и кочевниками магометами (изъ „Киргизск. Степн. Газ.").—**86.** Въ засѣданіи Имп. Общ. любит. древ. письм. Замѣтка о докладѣ г. Волкова: „Дѣйствительно-ли была безыменна большая часть трудовъ древнерусск. списателей?" (изъ „Правит. Вѣстн.").—**87, 89, 90, 91.** *М. Колесниковъ.* Черемисы язычники въ Белебеевск. у.—**90.** Дѣятельность Читинскаго отдѣленія Приамурск. отд. И. Р. Г. О. въ 1895 г. (изъ „Правит. Вѣстн.")—**91.** Газетныя извѣстія и свѣдѣнія. Объ исторіи гор. Монако (изъ „Правит. Вѣстн.").—**93, 95, 97, 99.** *Герасимовъ.* Изъ впечатлѣній санитара по записной его книжкѣ. О санитарномъ состояніи Уфы.—**93.** Замѣтка о исторіи и современномъ положеніи Ѳессаліи (изъ „Правит. Вѣстн.").—**94.** Замѣтка о состояніи Енисейскаго музея (изъ „Правит. Вѣстн.").—**100.** *С. Мастеевскій.* Медрессе.—**105.** Пунктуальные отвѣты. Случай непониманія рубрикъ переписного листа.—**107, 109, 110. 111.** *Н. Оленичъ.* Водное богатство и рыбное хозяйство въ Уфимск. у.—**114.** *С. Мастеевскій.* Паломничество магометанъ въ Мекку.—**116.** Имп. Русск. Геогр. Общ. Замѣтка о докладахъ г. Вильсона о переписи въ Петербургѣ и г. Семенова о переписи во всей Имперіи („Правит. Вѣстн.").—Царство пигмеевъ въ Азіи („Міров. Отг."). **167, 168.** Краткій очеркъ крестьянскаго хозяйства въ сѣверной полосѣ Белебеевск. у.—**170.** Замѣтка о коллекціи чудскихъ вещей, доставленной изъ Кунгура, Пермск. г., въ Уральское Общ. любит. естествозн.—**179, 187.** *З. Е. Никоновъ.*

Описаніе селеній Балтаевской волости, Мензелинскаго у.—**183**, **185**. Изъ статей „Деревенскія монографіи", помѣщенныхъ въ №№ 7, 8 и 9 Вѣстника Птицеводства за 1896 г. Изъ деревни Уракъ-Тау, Стерлитамакск. у.—**183**. О дѣятельности Подольскаго епархіальнаго статистич. комитета („Правит. Вѣстн."). **186**. *Али Искандеровъ*. Еще о мусульманскомъ медрессе. По поводу ст. „Русскій классъ при медрессе въ Уфѣ„ („№ 81 Уф. В.") и „Медрессе" (№ 100).—**191**. О происхожденіи символа свободы въ видѣ шапки фригійскаго покроя („Правит. Вѣстн.").—**198**. *Н. Оленичъ*. Системы власти административной въ Оренбургск. краѣ до 1865 г.—**200**. Слѣды язычества въ домашнемъ обиходѣ чувашъ.—*М. Фетисовъ*. Описаніе Новотроицкой волости 4 земскаго участка, Бирск. у.—**231**. *А. Сенявинъ*. Бирская безплатная библіотека читальня.—**232**, **235**. Замѣтки наблюдателя. Очерки Пріуралья, 1896 г. Письма изъ Троицк. у., Оренб. г.—**234**. *Н. Оленичъ*. Нѣсколько мыслей объ Уфимскомъ музеѣ.

Уфимскія Епархіальныя Вѣдомости. **1897**. **4**, **5**, **6**, **7**, **8**, **9**, **10**, **11**. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Уфимской епархіи за $1895/_6$ г. (Статистика школъ, раскола и иновѣрцевъ).—**10**. *Свящ. Николай Разумовъ*. Открытіе прихода при ц. села Тюлюза Златоустовск. у. и освященіе 15 дек. 1896 г. новоустроеннаго въ этомъ селѣ храма.—**21**. Отчетъ Уфимскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1896 г. (Здѣсь свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи крещеныхъ инородцевъ Уфимской епархіи).

Хозяинъ. **1897**. **12**. *Л. Львовъ*. Письма изъ Степного края. II (начало въ № 43 за 1896 г.). О казачьемъ хозяйствѣ.—**15**, **16**. *Ин. Молодыхъ*. Вольныя земли.—**15**. *И. Странскій*. Изъ Лужскаго у. О ловлѣ рыбы въ р. Лугѣ.—**19**. *Н. Оберъ*. Экономическій упадокъ и отхожій промыселъ крестьянъ Осташковск. у.—**22**, **23**, **24**, **25**, **26**. *К. Решко*. Путевыя впечатлѣнія русскаго хозяина.—**22**, **24**. *А. Мертваго* Письма съ сѣверо-запада. Характеристика сельскаго хозяйства въ сѣверо-зап. краѣ и Царствѣ Польскомъ.—**25**. *Я. Палферовъ*. Нужды киргизскаго хозяйства.—**29**. *В. Анзимировъ*. Изъ подстоличной деревни.—*Д. Негевичъ*. Сельскохозяйственная жизнь въ Россіи. Изъ Константиноградскаго у., Полтавск. г. (Отношеніе малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ къ сельскохозяйств. машинамъ. Мѣстные „хозяйственные" крестьяне и ихъ хозяйство).—**31**. Передовая статья. О связи между грамотностью населенія и его экономич. благосостояніемъ.

Цнобисъ Пурцели. (Листокъ извѣстій на грузин. яз.). **1897**. **216**. О безполезныхъ обычаяхъ народныхъ.—**223**, **226**. О составленіи новаго груз. словаря.—**235**. Библ. Матеріалы по исторіи Грузіи. *Ѳ. Жорданіа*.—**243**. Шелкозаводство въ Имеретіи.—**379**. Библ. Отрывокъ изъ „Диларіани", изд. З. Чичинадзе.—**384**. Библ. Жизнь героя Саакадзе въ XVII в. напис. Іосифъ Тбилели. (Изд. Имедашвили и Чиладзе. Тиф. 1897).—**403**. Замѣтка по поводу изданія „Диларіани".

Черниговская Губ. Вѣд. **1897**. **1134**. Новое племя карликовъ на Памирѣ (изъ „Нов. вр.").—**1160**, **1184**. Кустарная промышленность въ Черниговск. губ.—**1187**. Сіамъ.—**1209**. О нравахъ и обычаяхъ племенъ, населяющихъ Индокитай (нѣсколько свѣдѣній о племенахъ „мои" и „бунонгъ", взятыхъ изъ путешествія Россета).—**1211**. Золотопромышленность въ Бухарскомъ ханствѣ (артели для разработки пріисковъ).—**1213**. Дольмены въ Японіи (изъ „Прав. В".). **1235**. Цвѣтъ кожи негровъ (наблюденія д-ра Колиньона надъ постепеннымъ измѣненіемъ цвѣта кожи новорожденныхъ негровъ. Изъ „Прав. Вѣст.")—**1239**. *Тихановъ*. Старинныя „публики" (публикаціи),—обозначеніе примѣтъ въ документахъ; примѣты языка, прически и проч.—**1247**. Доисторическое становище въ Швейцербильдѣ въ Шафгаузенскомъ кантонѣ (изъ „Прав. Вѣст.")—**1254**. Китайская энциклопедія, пріобрѣтенная Берлин. этнограф. музеемъ.

Черноморскій Вѣстникъ. **1897**. **36**. Поклонники діавола. Изложеніе доклада В. А. Романова „Изслѣдованіе объ іезидахъ", читаннаго въ Геогр. Общ. (изъ

„Народа“).—Разныя разности. Косметика у японскихъ женщинъ.—37. Медицина на Востокѣ (изъ „Петерб. Листка“).—43.—Разныя разности. О празднованіи масляницы у грузинъ и армянъ.—46. Очерки Самурзакани.—48. Ткнибульскія каменно-угольныя копи. (Наброски очевидца).—51. Хроника. Случай кровной мести.—56. Колонизація восточнаго Черноморья (книга Шаврова „О мѣрахъ для развитія русскаго торговаго мореходства“).—62. Разныя разности. Заклинаніе духовъ у племени Оранъ-сламъ на Молукискомъ островѣ Галмахера (изъ „Forschungsreise in den Molukken und in Borneo“, проф. Кюкенталя).—66. *С. Ковалевскій.* Женщины и дѣти въ Австраліи (переводъ).—69. *А.* Изъ жизни пятой части свѣта. Экономическій строй Новой Зеландіи.—70. Обзоръ періодической печати. Санитарное состояніе уральскихъ поселеній (изъ „Окраины“).—72. Давно прошедшее. Изъ воспоминаній о Кавказѣ. „Киримъ Сарай“. Очеркъ г. Сандра (изъ „Варшавск. Днevн.“).

Ярославскія Епарх. Вѣд. 1897. 3. Святочныя празднества на Руси въ древности и въ XVIII вѣкѣ (изъ „Нов. Врем.“)—11. Вербныя празднества въ Россіи и другихъ странахъ (приведено много повѣрій и поговорокъ, относящихся къ Вербному воскресенію и вербѣ, преимущественно изъ сѣвер. губ.).—Къ вопросу объ евреяхъ въ древнемъ Египтѣ.—25. Праздникъ Ивана Купала и Аграфены Купальницы.—26. Петровъ день на Руси (Рус. Сл.).—36. Распятіе въ Китаѣ.

Новости этнографической литературы.

Адріановъ, С. А. Рецензія на кн.: *Дмитріевъ, А. А.* Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, преимущественно о Пермскомъ краѣ (Оттискъ изъ отчета о присужденіи наградъ гр. Уварова). Спб. 1896. 4°.

Акты XVI—XVIII вв., извлеченные *А. Н. Зерцаловымъ.* Изд. Моск. Архива Минист. Юстиціи. Москва. 1897.

Ананьевъ, П. А. Къ предстоящему столѣтію города Василькова Кіевской губ. Кіевъ. 1897, брош.

Апостолиди, Е. К. Королевство Сіамъ. Историко-этнографическій очеркъ (По поводу прибытія сіамскаго короля Чулалонгкорна I въ Россію). Спб. 1897.

Апостоловъ, Л. Я. Географическій очеркъ Кубанской области. Приложенія: двѣ карты области (20-верстная и климатическая), планъ Екатеринодара и другіе рисунки (Изъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», вып. 23). Тифлисъ. 1897.

Аристовъ, Н. А. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія о ихъ численности (Изъ «Жив. Стар.»). Спб. 1896.

Архангельскій, А. С. Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго луцидаріусовъ. Казань. 1897.

Аѳанасьевъ, А. Н. Народныя русскія сказки. Изд. 3-е, дополненное біографическимъ очеркомъ и указателями, подъ ред. *А. Е. Грузинскаго.* (Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ). Москва. 1897. Ц. 3 р.

Багалѣй, Д. И. Къ исторіи заселенія и хозяйственнаго быта Воронежскаго и Курскаго края (По поводу изслѣдованія И. Н. Миклашевскаго: «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства». Изъ отчета о присужденіи наградъ графа Уварова). Спб. 1897.

Баралевскій, В. Восточныя окраины Русскаго царства: Камчатка, Амуръ, Уссури. Съ картою. Изд. Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству народн. чтеній. Спб. 1896.

Бокъ, В. Г. О коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатыя ткани. Москва. 1897. 4°, fasc.

Бориневичъ, А. Новороссія въ царствованіе Имп. Екатерины II (Изъ Запис. И. Общ. сельск. хоз. южной Россіи. 1897). Одесса. 1897.

Бранденбургъ, Н. Е. Старая Ладога. Юбилейное изданіе Имп. Русс. Археологическаго Общества. Рисунки и техническое описаніе акад. В. В. Суслова. Спб. 1896. 4°, 323 стр., карты, планы, рисунки, фототипіи.

Ч. I. Городъ Ладога: топографія, періодъ легендарный и доисторическій, періодъ историческій. Ч. II. Староладожское городище («Рюрикова крѣпость»). Ч. III Атласъ рисунковъ и чертежей. Въ одномъ томѣ.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. Съ рис., портретами, видами, типами и пр. Москва. 1897. Стр. 752+128. Ц. 5 р.

Будиловичъ, А. С. О значеніи русскаго похода въ 1849 г. для австро-угорскихъ народовъ (Оттискъ изъ «Русской Бесѣды»). Спб 1896. 8°, бр.

Быль и легенды о могилѣ Аскольда. Съ прилож. древнихъ плановъ Кіева (1638 г.) и Печерской его части (1695 г.). *И. Т—а.* Кіевъ. 1897.

Бѣлиловскій, К. А. Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ преступника. Спб. 1895.

Виды села Княжей Пустыни (Костром. г. Кологривск. у.). Рисунки художника Г. А. Ладыженскаго. Одесса 1895. 4° (4 вида).

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Съ 10 картин. Изд. 2-е. Спб. 1897.

Волгинъ, Ф. Амуръ (природа и люди Амурск. края). Полезная библіотека Сойкина: Спб. 1896. Ц. 50 к.

Выборка изъ свѣдѣній, доставленныхъ Имп. Московскому Археологическому Обществу православнымъ духовенствомъ, по распоряженію рижскаго архіепископа Арсенія. Москва. 1896. 4°.

Вышогродъ, Я. Д. Матеріалы для антропологіи кабардинскаго народа (Адыге). Докт. диссерт. Спб. 1895.

Геккеръ, Н. Л. Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ. Записки по этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. Иркутскъ. 1896. Ц. 1 р.

Германъ, К. А. Полный эстско-русскій словарь. Юрьевъ. 1896.

Гёрнесъ, М. Исторія первобытнаго человѣчества. Пер. съ нѣм. съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рус. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Геронтій (іером. Задонскаго Богородицкаго монастыря). Историко-статистическое описаніе Кирилло-Бѣлозерскаго (Успенскаго) муж. первокласснаго монастыря Новгородской епархіи. Москва. 1897.

Гонеггеръ, I. Исторія человѣческой культуры. Пер. съ нѣм. М. Чепинской. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Грамматика манчжурскаго языка. Курсъ 3-й. Словосочиненіе.

Дерингъ, П. В. Путешествіе по Верхней Бирмазіи. Крайняя Индія. Изд. 6-е. Пенза. 1897.

Диваевъ, А. Древне-киргизскіе похоронные обычаи (Оттискъ изъ Извѣстій Общ. Археол., Исторіи и Этногр. при Казан. универс. 1897 г.). Казань. 1897.

Дикари Африканскіе (Семья ашантіевъ въ Крестовскомъ саду и театрѣ). Изд. Касаткина. Спб. 1897. 24 стр. съ картинками.

Думы Кобзарськи. Выдано пидъ доглядомъ Б. Гринченка. У Чернигови. 1897.

Жбанковъ, Д. Н. Вліяніе отхожихъ заработковъ на движеніе населенія (Изъ «Врача», № 25). Спб. 1895, бр.

Заборовскій. Доисторическій человѣкъ, перев. съ франц. Общеполезная библіотека для самообразованія. Ц. 40 к. М. 1897.

Збирнычокъ украинськихъ писень. Одесса. 1896.

Зерцаловъ, А. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII вѣкѣ. Москва, 1897.

Ивановскій, В., свящ. Къ исторіи древнихъ обитателей Тульской губерніи и ихъ удѣльныхъ князей. Тула, типогр. Губерн. правл. 38 стр.

Ивановъ, Ив. Ив. Путеводитель по Волгѣ на 1897 г. Казань. 1897. 8°, брош.

Изъ недавняго прошлаго Слободской Украйны (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.») Кіевъ. 1896.

Ильинскій, М. Народы земного шара. Homo sapiens L. и его раздѣленіе на племена съ означеніемъ ихъ черепныхъ указателей. Таблица просмотрѣна проф. А. И. Таренецкимъ. Спб. 1897 г. Стр. 12.

Ингрэмъ, Д. Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ.

Кавказъ. Изд Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству нар. чтеній. Съ картою Кавказа. Спб. 1897.

Канчаловскій, П. Отъ Москвы до Архангельска по Моск.-Яросл.-Архангельской ж. дор. Описаніе всѣхъ мѣстъ на пути и въ окрестностяхъ и имѣющихъ историческое или промышленное значеніе. Съ рис. въ текстѣ. Вып. I и II. Москва. 1897.

Карскій, Е. Ѳ. Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. Вып. 1. С б. 1897. 8°, брош.

Каталогъ Абиссинско-санитарно-этнографической выставки. Москва. 1897.

Кирпичниковъ, А. И., проф. Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной (Отвѣтъ на 40 вопросъ программы VIII Археол. съѣзда). Москва. 1895. 4°.

Кирпичниковъ, А. И. Къ литературной исторіи русскихъ лѣтописныхъ сказаній. Спб. 1897. 8°, бр.

Клоустон, В. А. Народні казки та вигадки, їх вандрівки та переміни. З англійськоі мови .переложив *А. Кримський.* Львів. 1896. 8°, 183 стр. Ц. 50 кр. («Літературно-наукова бібліотека», вид. Івана Франка, 2 серія, кн. 6).

Клячко, Л. Р. Руководство къ изученію религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ. По кодексу «Шулханъ-Арухъ, Орахъ-Хаимъ», для юношества. Ч. I. Обряды и обычаи для будней. Варшава. 1897.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры. Съ очеркомъ формъ госуд. правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Пер. съ 3-го изд. подъ ред. А. А. Рейнгольдта. Вып. I и II. Кіевъ—Харьковъ. 1896.

Констанскій, М. А. Участіе Казанской губ. на XVI Всероссійской выставкѣ (1896) и труды мѣстнаго вспомогательн. комитета по экспонаціи. Казань. 1897.

Копаневичъ, И. К. Рождественскія святки и сопровождающія ихъ народныя игры и развлеченія въ Псковской губ. Псковъ. 1896 (Оттискъ

изъ «Псков. Город. Листка» или «Пск. Губ. Вѣд.»?). Псковъ. 1896, брош.

Коршъ, Ѳ. Е. Мысли о происхожденіи новогреческаго языка. Одесса. 1896, бр.

Курчевичъ-Севрукъ, В. М. Выводъ о происхожденіи прозвищъ Севрукъ и Курчевичъ-Севрукъ, дополненный и исправленный. Минскъ. 1897.

Кушнеревъ, свящ. Судакская долина и генуэзская древняя капелла. Ѳеодосія. 1896.

Латышевъ, В. В. Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи. Съ 13 таблицами. Спб. 1896.

Литвиновъ, М. А. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Съ 3 портретами (Общеполезная библіотека, изд. М. В. Клюкина, № 5—6). Москва. 1896. 8°, брош.

Литвинъ, С. К. Среди евреевъ. Спб. 1897.

Лозинскій, А. Еще о борьбѣ со знахарствомъ (Изъ «Врача», №26). Спб. 1895, бр.

Лоранъ, Эмиль. Уголовная антропологія и новыя теоріи преступности. Пер. В. В. Баршевскаго, подъ ред. проф. И. А. Сикорскаго. Кіевъ. 1897.

Маракуевъ, В. Н. Полѣсье и Полѣшуки (Изъ путевыхъ записокъ). Чтеніе для школъ. Изд. 4-е. Одесса. 1897.

Марквардтъ, К. Самоитяне и самоитянки. Краткое описаніе страны и обитателей Самойскихъ острововъ въ южной части Великаго Океана. Вильна. 1896, брош.

Матеріалы по археологіи Кавказа (см. ниже: гр. Уварова).

Меликъ-Саркисянъ, С. А. Муганская степь. Естественно-историческій и сельско-хозяйственный очеркъ (Изд. Мин. Земледѣлія и Госуд. Имущ. Отдѣлъ земельныхъ улучшеній). Спб. 1897.

Мечъ, С. Центральная Азія. 4-е испр. изд. Москва. 1897.

Меѳодій, іеромон. Буддійское міровоззрѣніе или ламаизмъ и обличеніе его. Ставрополь. 1897.

Миклошичъ, Фр. Изобразительныя средства славянскаго эпоса. Переводъ А. Е. Грузинскаго (Изъ I вып. Трудовъ Славянской комиссіи при Имп. Моск. Археол. Общ.). Москва. 1895. 4°.

Миронъ. Южнорусская пасхальная драма (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.»). Кіевъ. 1896.

Михайловъ, П. П. Роль и значеніе первобытной женщины. Сообщ. въ Археологическомъ Институтѣ 23 марта 1895. Спб. 1897. Стр. 40.

Мошковъ, В. А. Скиѳы и ихъ соплеменники ѳракійцы. Слѣды этихъ народовъ въ наше время. Этнографическій этюдъ. Варшава. 1896 г. Ц. 50 к.

Навроцкій, А. А. (Вроцкій, Н. А.). Изъ волжскихъ преданій. Коромыслова башня. Княжья могила. Нижній-Новгородъ. 1897.

Ожеговъ, М. И. Молодецкая кручина. Пѣсенникъ Москва. 1896.
— Новый пѣсенникъ. Кіевъ. 1896.

Олексенко, С. Народное обычное право въ общинномъ землевладѣніи

Бердянскаго уѣз. Таврич. губ. (Изъ Записокъ И. Общ. сельск. хоз. южной Россіи 1897). Одесса. 1897.

Орглертъ, А. И. Медико-топографическое и статистическое описаніе слободы Головчины, села Антонова и дер. Тополей Грайворонскаго уѣзда Курской губ., съ картами, планомъ, діаграммами и таблицами. Курскъ. 1896.

Оршанскій, И. Г., проф. Законы наслѣдственности, извлеченные изъ сочиненія того же автора: «Etude sur l'hérédité» въ Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, 1894. Съ предисловіемъ проф. Цезаря Ламброзо. Харьковъ. 1896. 8°.

Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895 г. Спб. 1897. 158 стр. Разборъ сочиненія проф. Варш. унив. *Г. К. Ульянова*: «Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I ч. Основы, обозначающія различія по залогамъ. Варшава. 1891. II ч. Основы, обозначающія различія по видамъ. Варш. 1895 (Разборъ составленъ проф. Моск. унив. **Ф. Ѳ. Фортунатовымъ**).

Отчетъ о присужденіи премій проф. А. Котляревскаго въ 1895 г. Спб. 1896. (**И. В. Ягича**, разборъ сочиненія проф. *П. А. Кулаковскаго*: «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія». Варш. 1894 г.—**В. Н. Щепкина**, разборъ труда *П. А. Лаврова*: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка.»—**А. И. Соболевскаго**, разборъ посмертнаго труда проф *А. Л. Дювернуа*: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка». М. 1894).

Пайсель, В. Э. Матеріалы для антропологіи таранчей (Докт. дисс.). Спб. 1897.

Памятки україньсько-руськоï мови і літератури, видае комісия археографічна Наукового товариства імени Шевченка. Т. I. Апокрифи староавітні зібрані з рукописів україньсько-руських (Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarum Ruthenicarum a collegio archaeographico Societatis scientiarum Ševčenkianae editae). У Львові. 1896. 8°.

Площанскій, В. Нѣсколько словъ объ иностранной эксплоатаціи древней Руси (Изъ «Литовскихъ Епарх. Вѣдом.»). Вильно. 1897.

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго языкознанія (Руководство къ самообразованію). Спб. 1897.

Покотилло, В. Морской путь на русскій дальній востокъ. Спб. 1897, брош.

Полтавцевъ, Алексѣй. Впечатлѣнія и очерки Кавказа. Харьковъ. 1897. 12°, брош.

Полѣновъ, А. Д. Оживающій сѣверъ (XX отдѣлъ Всероссійской выставки 1896 г. въ Нижн.-Новгородѣ. Крайній сѣверъ. Частный павильонъ Общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги). Съ 15 фототип. Москва. 1896 г.

Поротовъ, М. Т. Къ антропологіи бурятъ. Буряты-аларцы (Докт. диссерт.). Спб. 1895.

Поспѣловъ, С. Медвѣжья шкура. Разсказъ изъ жизни на сѣверѣ. (Съ рисунками). Изд. Ступина. Москва. 1896.

Потапенко, проф. По поводу статьи ч. пр. Э. Ф. Беллина: «Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ». Харьковъ. 1896.

Пташицкій, С. А. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянской литературахъ. I. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній. Спб. 1897.

Пустынь, Андрусова—Николаевская, Олонецкой губ. Историческо-статистическій очеркъ. Изд. 3-е, испр. Спб. 1897.

Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россіи въ половинѣ XVII в., описанное его сыномъ, архидіакономъ **Павломъ Алеппскимъ**. Переводъ съ арабскаго *Г. Муркоса* (по рукописи Моск. Главн. Архива Минист. Иностранныхъ Дѣлъ). Вып. 2-й. Отъ Днѣстра до Москвы. Москва. 1897. 8°. 202 стр.+VI (Изъ «Чтеній въ И. Общ. исторіи и древн. россійскихъ», 1897, октябрь).

Савеловъ, Л. М. Коротоякскій уѣздъ въ историко-географическомъ отношеніи. Москва. 1897.

Совковъ, Г. А. Военный пѣсенникъ, заключающій въ себѣ триста военныхъ пѣсенъ. Пятисотъ-лѣтній юбилей русской артиллеріи (1389—1889, 8 ноября). Москва. 1897.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Управленія Кавказск. Учебнаго Округа. Вып. XXII и XXIII. Тифлисъ. 1897. По 2 р.

Свѣдѣнія о Сибири. Описаніе Енисейской губерніи. Хозяйство у корейцевъ въ Уссурійскомъ краѣ (III-е прибавленіе къ «Календарю Сельскаго Вѣстника» 1895 г.). Спб. 1895.

Свѣдѣнія о Сибири. Сборникъ статей «Сельскаго Вѣстника» о Сибири и переселеніи. Съ картою Россійской имперіи. Изд. ред. «Сельск. Вѣстн». Спб. 1897.

Сениговъ, Іос. Народное воззрѣніе на ученіе и воспитаніе. Спб. 1896. 8°, брош.

Сибирь на Всероссійской выставкѣ 1896 г. Описаніе экспонатовъ Сибири, Степного края и Дальняго Востока, въ связи съ общимъ состояніемъ промышленности и торговли Сибири. Томскъ. 1897.

Сильницкій, А. Архивные матеріалы къ исторіи событій на дальнемъ востокѣ Россіи съ 1847—55 гг., извлеченные изъ дѣлъ Владивостокскаго портоваго архива. Хабаровскъ. 1897. 4°.

Симони, П. К. Мнѣніе митроп. Евгенія (Болховитинова) о русскихъ нарѣчіяхъ, изложенное въ частномъ письмѣ къ акад. П. И. Кеппену, 1820 г. (Изъ «Извѣстій Отдѣл. русс. яз. и словесности И. Ак. Наукъ»). Спб. 1896.

Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-Дорботскаго База-Бакши. Калмыцкій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными А. Позднѣевымъ. Изд. факультета восточн. языковъ Имп. Спб-скаго университета ко дню открытія XI международнаго съѣзда оріенталистовъ въ Парижѣ. Спб. 1897.

Сліозбергъ, Г. Б. Записка по вопросу о правахъ евреевъ на пріѣздъ и постоянное пребываніе въ Сибири. Спб. 1896. 8°.

Словарь Киргизско-русскій. Оренбургъ. 1897.

Солоникіо, А. Дневникъ сновидѣній (Матеріалъ къ психологіи сновидѣній). Николаевъ. 1897. 8°, брош.

Сѣверъ крайній и его просвѣтители (Изд. Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству народн. чтеній). Спб. 1897.

Тардъ, Г. Происхожденіе семьи и собственности. Перев. съ франц. съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Твори Степана Руданського. Виданнє Василя Лукича. Т. I (1895) впорядкувавъ *М. Комар.*, ц. 40 кр.; т. II (1896), ц. 50 кр. и т. III (1897), ц. 50 кр., впорядкувавъ *А. Кримський.* У Львови коштомъ редакциї «Зорї» и Наукового Т-ва імени Шевченка (Ожидается т. IV и послѣдній. Во всѣхъ стихотворныхъ произведеніяхъ Руданскаго обработано множество народно-поэтическихъ темъ, въ томъ числѣ и апокрифическихъ).

Тиграновъ, Н. И. Закавказскія нар. пѣсни и танцы. См. въ Нов. Вр. 1897, № 7616, ст. Д. Борецкаго о сборникахъ закавказск. мелодій Н. И. Тигранова («Transkaukasische Volkslieder u. Tänze» и «Orientalweisen»).

Токмаковъ, И. Ѳ. Историко-статистическое и археологическое описаніе города Устюжны съ уѣздомъ, Новгородской губерніи. Изд. П. Д. Иконникова. Москва. 1897.

Тороповъ, П., свящ. Трехсотлѣтіе города Верхотурья. Изд. 2-е, дополн. Пермь. 1897.

Уварова, гр. П. С. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. IV. Христіанскіе памятники.

Уманець, М., і А. Спілка. Словарь російсько-україньскій. Т. 3-й. П—С. Львів. 1897. Ц. 3 руб.

Филипповъ, Н. Н. Очеркъ тысячелѣтней борьбы Балтійско-Полабскаго славянства съ нѣмцами до возрожденія Сербо-лужицкаго племени (IX в.—1848 г.). Изд. книгопрод. Н. Г. Мартынова. Спб. 1897.

Фирсовъ, А. И. По Окѣ. Тула, тип. Губ. правл. 36 стр.

Хребтовъ, А. К. Положеніе жемчужной промышленности въ Россіи. (Изслѣдованія, сдѣланныя въ Олонецкой губ. въ 1895 г. и въ Архангельской губ., въ уѣздахъ Онежскомъ и Кемскомъ въ 1896 г.). Спб. 1897.

Шендриковскій, И. И. Матеріалы къ антропологіи бурятъ-селенгинцевъ (Докт. диссерт.). Спб. 1894.

Шмоллеръ, Густ. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Пер. Котляревской. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва 1897.

Штальбергъ, В. Гуманность въ исторіи человѣчества. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Леонтьевой. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1897.

Штернъ, Э., фонъ. О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи (Читано на X Арх. съѣздѣ въ Ригѣ). Спб. 1897.

Штраусъ, Ф. А. Путешествіе на востокъ. Египетъ и Св. писаніе. Переводъ Н. Виноградова. Сергіевъ Посадъ. 1897, брош.

Эйхгольцъ, Е. Р. Матеріалы къ антропологіи бѣлоруссовъ. Рославльскій уѣздъ Смол. губ. (Докт. диссерт.). Спб. 1896.

Энгельгардтъ, А. П. Русскій сѣверъ. Путевыя записки. Изд. Суворина. Спб. 1897.

Этнографическій фондъ имени **Н. О. Эмина** при Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ.—**Вып. II.** Изслѣдованія и статьи Н. О. Эмина по армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы (за 1858—1884 гг.), съ прилож. переводовъ изъ армянскихъ историковъ. Москва. 1896. Стр. VII+431. Ц. 2 р.—**Вып. III.** Переводы и статьи Н. Эмина по духовной армянской литературѣ (за 1859—1882 гг.). Апокрифы, житія, слова и пр. Москва. 1897. Стр. XXII+367. Ц. 2 р. Выписывающіе всѣ три выпуска (вып. I—Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго) платятъ 5 р.

Етнографічний Збірник. Видає Наукове Товариство імени Шевченка, за редакциєю *М. Грушевського*. Т. I—II. У Львові. 1895—96. 8°.

Юрасовскій, А. К. Легенда сельца «Гремучаго Ключа» Мценскаго уѣзда. Изъ Орловскихъ преданій. Орелъ. 1897, брош.

Юшкевичъ, А. Литовскій словарь съ толкованіемъ словъ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Вып. I. Изд. Отдѣленія русс. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ. Спб. 1897.

Baedeker, K. La Russie. Manuel du voyageur. Avec 14 cartes et 22 plans, 2-e édition. Leipzig. 1897.

Bruns, Ivo, Die griechischen Tragödien als religionsgeschichtliche Quelle. Кіевъ. 1894.

Bücher, Karl. Arbeit und Rhythmus (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Vissenschaften. Bd. XVII. № V). Leipzig. 1896, 8°, 130 стр. (Главы: Vorbemerkung.—I. Die Arbeitsweise der Naturvölker.—II. Rhythmische Gestaltung der Arbeit.—III. Arbeitsgesänge. 1. Einzelarbeit und Gesellschaftsarbeit. 2. Arbeiten im Wechseltakt. 3. Arbeiten im Gleichtakt.—IV. Ursprung der Poësie und Musik.—V. Der Rhythmus als ökonomisches Entwicklungsprincip.—Anhang. Schiffsgesänge.—Nachträge).

Delitzsch, Friedr. Das babylonische Weltschöpfungsepos (Abhandlungen der philolog.-hist. Glasse d. K. Sächs. Gesell. d. Wissensch. Bd. XVII. № II). Leipzig. 1896. 8°, 160 стр. (По клинообразнымъ таблицамъ).

Hurt, J., Pastor. Bericht über seine Sammlung estnischer Volksüberlieferungen. (Докладъ Арх. съѣзду въ Ригѣ. Оттискъ изъ «St.-Petersburger Zeitung»). St.-Petersburg. 1896.

Lindwurm, Arn. Ueber die Geschlechtsliebe in social-ethischer Beziehung. Ein Beitrag zur Bevölkerungslehre. Leipzig. 1897. 8°

Pedersen, Holger. Albanesische Texte mit Glossar (Abhandl. der philol.-hist. Classe der K. Sächs. Gesellsch. der Wissensch. Bd. XV. № III). Leipzig. 1895. 8°, 208 стр. (35 сказокъ и болѣе 230 пѣсенъ, собр. въ 6-мѣсячную поѣздку въ Эпиръ въ 1893 г. Съ этимологич.-синтакс. введеніемъ)

Ribot, Th. L'évolution des idées générales (Bibliothèque de philosophie contemporaine). Paris. 1897.

Roscher, W. H. Das von der «Kynanthropie» handelnde Fragment des Marcellus von Side. Mit 3 Textfiguren (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. XVIII. № III). Leipzig. 1896. 8°, 92 pp. (главы: I. Das Märchen von den Töchtern des Pandareos und deren «Hundekrankheit» (κύων).—II. Die Beziehungen des Hundes zu den Dämonen des Todtenreiches.—III. Die Beziehungen des Wolfes zu den Dämonen des Todtenreiches.—IV. Schlussfolgerungen.—V. Anhang I. Die Beziehungen des Geiers zu den Dämonen des Todtenreiches.—Anh. II. Das Fragment des Marcellus Sidetes περὶ Λυκανθρώπου.—Nachträge. Alfabetische Uebersicht).

Seelig, Wilh. Die innere Colonisation in Schleswig-Holstein vor hundert Jahren. Kiel. 1895.

Ueber den vorbereitenden archäologischen Congres in Moskau (Оттискъ изъ «Sitzungsberichte d. Gelehrten Estnisch. Gesellschaft, 1897). Jurjew. 1897. 8°, брош.

Извѣстія и замѣтки.

Засѣданія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества 11 и 13 ноября 1897 г.

(Чествованіе Н. Л. Гондатти).

Въ виду живого общественнаго и научнаго интереса, возбужденнаго трехлѣтнимъ пребываніемъ нашего сочлена Николая Львовича Гондатти на крайнемъ сѣверо-востокѣ въ должности начальника Анадырскаго края, заимствуемъ изъ „Приамурскихъ Вѣдомостей" (№ 203, 1897 г.) свѣдѣнія о сдѣланныхъ имъ сообщеніяхъ о результатахъ своей дѣятельности на Анадырѣ въ торжественномъ собраніи Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. въ Хабаровскѣ, по возвращеніи его съ Анадыра прошлою осенью.

11 ноября въ залѣ Хабаровскаго Военнаго Собранія состоялось въ присутствіи главнаго начальника края, С. М. Духовского, первое въ этомъ сезонѣ общее собраніе членовъ Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Собраніе отличалось особою многолюдностью, такъ какъ было предназначено сообщеніе Н. Л. Гондатти, члена-основателя Приамурскаго Отдѣла.

„Имя Гондатти,—замѣчаетъ газета,—пользуется въ нашемъ краѣ широкой популярностью, ибо слава о его плодотворной дѣятельности въ отдаленнѣйшемъ уголкѣ нашего отечества, въ дебряхъ приполярной Анадырской тундры, проникла не только на страницы мѣстной печати, но и печати всероссійской, какъ столичной, такъ и провинціальной." Населеніе, среди котораго пришлось дѣйствовать г. Гондатти,—это чукчи, главные насельники Анадырскаго края. Они почти до послѣдняго времени не желали признавать чьей-либо власти надъ собою, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свободу, завѣщанную предками, неоднократно одерживали побѣду надъ русскими казаками и въ теченіе почти столѣтія вели кровавую борьбу съ ними. 122 года тому назадъ на рѣкѣ Анадырѣ была заложена крѣпость „Анадырскій острогъ," вооруженная пушками и имѣвшая свыше 700 человѣкъ гарнизона. Но ни громъ пушекъ, ни испытанная удаль русскихъ казаковъ не могли привести чукчей къ покорности русскому правительству. Огромныя затраты на содержаніе войска, чрезмѣрные труды и лишенія русскихъ служивыхъ людей и видимая безрезультатность борьбы съ чукчами побудили русское правительство вывести изъ Анадырскаго края свою военную силу, и этотъ край, обильно орошенный кровью русскихъ казаковъ, былъ предоставленъ самому себѣ. Но въ то время какъ мы не обращали на Чукотскую землю никакого вниманія, на нее обратили

все свое вниманіе наши предпріимчивые сосѣди—американцы. Было время, и не такъ давно, когда воды, омывающія Анадырскій край, славились чрезмѣрнымъ множествомъ морскихъ животныхъ: китовъ, моржей, лахтаковъ, нерпъ. Эти богатства Берингова моря и Ледовитаго океана способствовали развитію у береговъ Чукотской земли китобойнаго и рыбнаго промысла, который американцы захватили въ свои руки и, производя его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, получали милліонные барыши, эксплуатируя мѣстныхъ жителей. Вся торговля съ чукчами также была въ рукахъ американцевъ. Такимъ образомъ на руской землѣ увѣренно развивался американскій флагъ.

Съ началомъ русской колонизаціи на Амурѣ и Уссури, большее вниманіе русскаго правительства было обращено именно на югъ Приамурья, а сѣверъ его, Охотскъ, Гижига, Камчатка и Анадырскій край—остались въ сторонѣ, въ забвеніи. Анадырскій край, дикій и суровый. но богатый морскимъ звѣремъ, пушниной и оленемъ, водящимся тамъ громадными стадами, сталъ предметомъ ближайшаго вниманія русскаго правительства лишь съ 1889 года, когда признано было необходимымъ, по крайней мѣрѣ, изслѣдовать этотъ край, его населеніе, физическія свойства, его богатства и опредѣлить его роль въ экономической жизни нашего отечества.

Докторъ *Гриневецкій* первый взялъ на себя эту тяжелую задачу, но за болѣзнью, а потомъ и смертью, оставилъ вопросъ о Чукотской землѣ открытымъ. Дѣло, начатое Гриневецкимъ, продолжалъ *Н. Л. Гондатти*, назначенный на должность Анадырскаго окружнаго начальника приамурскимъ генералъ-губернаторомъ, С. М. Духовскимъ, въ 1893 г. За 3 года своей службы въ Анадырскомъ краѣ г. Гондатти изъѣздилъ его изъ конца въ конецъ. Три года работы въ Анадырскомъ краѣ, населенномъ свободолюбивыми и воинственными чукчами, имѣющей цѣлью, съ одной стороны, изученіе края, а съ другой—распространеніе русской власти на крайнихъ предѣлахъ Россіи и покореніе чукчей не силой оружія, а силой нравственнаго вліянія культурнаго человѣка на необузданнаго дикаря, есть дѣло, доступное человѣку, обладающему высокими нравственными свойствами.

Результаты трехлѣтняго пребыванія Н. Л. Гондатти въ Чукотской землѣ выразились: 1) обширными матеріалами, имѣющими составить всестороннее описаніе Анадырскаго края; 2) огромной естественно-исторической коллекціей, дающей полное представленіе о природѣ и населеніи, русскихъ и инородцахъ, крайняго сѣверо-востока Азіи, ихъ одеждѣ, жилищѣ, промыслахъ и т. д.; 3) въ сборѣ и доставленіи, куда слѣдуетъ, ясака, собраннаго съ чукчей, какъ съ сидячихъ, такъ и оленныхъ, и, наконецъ, 4) въ просьбѣ чукчей, предъявленной чрезъ Гондатти къ администраціи Приамурскаго края, принять ихъ подъ покровительство и защиту русскаго Царя, съ обязательствомъ вносить въ государеву казну то количество ясака, какое будетъ указано.

Этимъ достаточно выясняется служба г. Гондатти въ Чукотской землѣ.

Передъ началомъ сообщенія г. Гондатти, предсѣдатель Приам. Отд. И. Р. Г. О., Н. И. Гродековъ, обратившись къ собранію, сказалъ:

„Въ прошломъ году, членъ Отдѣла, А. П. Сильницкій, дѣлалъ общему собранію сообщеніе объ Анадырскомъ краѣ и тогда же демнострировалъ привезенныя имъ съ Анадыра коллекціи, пожертвованныя Хабаровскому

музею Н. Л. Гондатти, и доложилъ собранію о той просвѣтительной дѣятельности, которую проявилъ среди чукчей членъ-учредитель нашего Отдѣла Н. Л. Гондатти. Сегодня мы услышимъ самого Н. Л., и сегодня онъ будетъ демонстрировать новые подарки, привезенные имъ въ даръ нашему музею. Эти коллекціи, съ привезенными въ прошломъ году, не поддаются никакой оцѣнкѣ. Достаточно указать на остатки мамонта, которые очень рѣдко попадаются въ европейскихъ музеяхъ. Н. Л. есть членъ-учредитель Отдѣла, а его труды украшаютъ „Записки Отдѣла". Согласно постановленія совѣта, приглашаю общее собраніе привѣтствовать Н. Л. съ прибытіемъ въ наши страны и благодарить его за ту дѣятельность, которую онъ проявилъ и проявляетъ на пользу нашего Отдѣла".

Собраніе шумными рукоплесканіями привѣтствовало г. Гондатти. Покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, при неумолкающихъ рукоплесканіяхъ публики, подойдя къ Гондатти, подалъ ему руку и, отъ имени Приамурья, благодарилъ его за его полезную, самоотверженную дѣятельность въ Анадырскомъ краѣ.

Въ краткихъ, но прочувствованныхъ словахъ, поклонившись привѣтствовавшей его публикѣ, г. Гондатти благодарилъ за оказываемое ему вниманіе. Затѣмъ, съ пріемами истаго оратора, онъ разсказалъ публикѣ объ Анадырскомъ краѣ: топографіи, климатѣ, орошеніи, флорѣ и фаунѣ, о его жителяхъ и ихъ нравахъ. Богатая содержаніемъ, мастерски изложеная лекція прослушалась публикой съ глубокимъ вниманіемъ. Послѣ часового чтенія и маленькаго перерыва, г. Гондатти демонстрировалъ свои коллекціи, выставленныя на эстрадѣ, при чемъ обнаружилъ въ себѣ глубокаго знатока Анадырскаго края; объясненія давались такъ просто и ясно, такъ занимательно, что публика слушала эти объясненія съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и лекцію, въ теченіе около $1^1/_2$ часовъ.

13 ноября состоялось второе сообщеніе Н. Л. Гондатти при громадномъ стеченіи публики. Лекція г. Гондатти была прослушана съ тѣмъ же захватывающимъ интересомъ, и лекторъ былъ награжденъ буквально громомъ апплодисментовъ или, точнѣе, оваціей. Чтеніе точно также закончилось демонстраціей коллекцій, съ мастерскими объясненіями. Нѣтъ словъ описать всю силу единодушнаго привѣта публики, который выразился взрывомъ апплодисментовъ послѣ демонстраціи коллекцій по адресу талантливаго лектора.

Предсѣдатель Отдѣла, Н. И. Гродековъ, обратился къ многолюдному собранію съ слѣдующими словами: „Поблагодаримъ, гг., Николая Львовича за его прекрасное сообщеніе, обогатившее наши познанія о крайнемъ сѣверѣ; пожелаемъ Н. Л. окончательно поправить свое здоровье, дабы онъ, въ полномъ объемѣ силъ, могъ принести отечеству и наукѣ ту пользу, которую мы всѣ отъ него ожидаемъ. Наибольшій успѣхъ всякаго дѣла даетъ гармоническое сочетаніе трехъ элементовъ: капитала, знанія и труда. У Николая Львовича знаній и труда много, но капиталъ, т. е. здоровье, сильно расшатано; по окончаніи перваго сообщенія, онъ говорилъ мнѣ, какъ ему тяжело далось нахожденіе на ногахъ въ теченіе 4—5 часовъ. Вспомнимъ, что Н. Л. провелъ три года въ тундрѣ и сдѣлалъ 8000 верстъ по

ледянымъ пустынямъ. Пусть же Н. Л., собирающійся временно оставить нашъ край, въ болѣе мягкихъ широтахъ и въ кругу своихъ родныхъ, наберется силъ и возвратится къ намъ обновленный и окрѣпшій."

Несмолкаемые, дружные, громкіе аплодисменты публики покрыли слова Н. И. Гродекова.

Покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, ставши близъ лектора, обратился къ собранію съ слѣдующими знаменательными словами:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ я вижу вниманіе Приамурскаго Отдѣла Географическаго Общества къ дѣятельности на нашемъ крайнемъ сѣверѣ Н. Л. Гондатти. Н. Л. поднялъ выше знамя именно того направленія, которое нынѣ наиболѣе желанно и наиболѣе полезно для Приамурскаго края. Нашъ край—молодой; каждый день все болѣе убѣждаетъ насъ, что мы его знаемъ еще мало, и, чтобы его узнать, требуется подчасъ необычайная борьба съ мѣстною природою и трудностями. Между тѣмъ, безъ основательнаго изученія мѣстныхъ условій, никакая административная, ни иная дѣятельность не могутъ быть правильными. Здѣшнему краю особенно нужны не тѣ люди, кои думаютъ кое-какъ исполнить свой долгъ и торопятся спрятаться въ безличную толпу; честь и слава піонерамъ работы отъ всего сердца и силъ, хотя скромной, но благородной, съ примѣненіемъ запаса знаній, путеводимой сильною волею и крѣпкимъ характеромъ. Я очень счастливъ видѣть, что такая работа въ нашемъ краѣ не только поддерживается, но развивается, и что такія учрежденія, какъ Приамурскій Отдѣлъ И. Р. Географическаго Общества, одобряютъ и укрѣпляютъ ее. Благодаря Николая Львовича, не могу не поблагодарить и членовъ Отдѣла общества. Въ заключеніе же, вмѣстѣ со всѣми присутствующими, выразимъ желаніе, да множатся въ нашемъ краѣ дѣятели именно тѣ, кои теперь наиболѣе нужны, и да укрѣпляется и развивается ихъ трудами сила, мощь и слава Россіи на дальнемъ Востокѣ".

Слова главнаго начальника края вызвали единодушное, громкое „ура" присутствовавшихъ; подъ громъ аплодисментовъ, подъ неумолкаемые, мощные клики „ура", покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, подойдя къ г. Гондатти, обнялъ его.

„Много труда и лишеній—говоритъ далѣе газета—встрѣтилъ г. Гондатти во время своей трехлѣтней службы въ Чукотской землѣ *), но пріемъ, ему оказанный въ Хабаровскѣ, смѣемъ высказать, нѣсколько окупаетъ ихъ. Въ нашей необъятной Россіи есть много тружениковъ, есть много примѣровъ высокаго самоотверженія, но не всѣ они дѣлаются извѣстными. Въ нашемъ же молодомъ, необъятномъ краѣ труды и служба Гондатти на пользу отечества не остались безвѣстными. За его дѣятельностью внимательно слѣдила цѣлая корпорація приамурской интеллигенціи, именуемая Приамурскимъ От-

*) Объ этихъ лишеніяхъ писалъ, между прочимъ, г. Гондатти въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ „Землевѣдѣніи" 1897 г., кн. I—II, стр. 137—143 а также д-ръ А. П. Сильницкій въ своемъ очеркѣ: „Поѣздка въ Камчатку и на р. Анадыръ"—въ „Запискахъ Приамур. Отдѣла И. Р. Г. О.", т. II, в. 3 (1897). *Ред.*

дѣломъ И. Р. Геогр. Общества. Надежды, которыя возлагалъ на г. Гондатти Приамурскій Отдѣлъ и его покровитель, онъ оправдалъ въ полной мѣрѣ, и чествованіе Гондатти, публичное воздаяніе ему должнаго за его самоотверженные и полезные труды, понесенные имъ въ Чукотской землѣ, укрѣпляетъ сознаніе, что каждый работникъ Приамурья, при всѣхъ невзгодахъ и лишеніяхъ, неизбѣжныхъ въ нашемъ суровомъ краѣ, найдетъ себѣ должную оцѣнку въ Приамурскомъ Отдѣлѣ И.-Р. Г. Общества, въ составъ котораго входитъ вся интеллигенція Приамурскаго края." *)

Подробнаго содержанія сообщеній Н. Л. Гондатти газета не приводитъ, , конечно, будутъ обработаны авторомъ и напечатаны въ видѣ отдѣльнаго изслѣдованія или оффиціальнаго отчета. Нѣсколько его работъ объ Анадырскомъ краѣ, присланныхъ еще съ мѣста службы, напечатаны въ „Запискахъ Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О", т. III, вып. 1 (1897). Именно: 1) „Свѣдѣнія о поселеніяхъ по Анадыру", 2) „Осѣдлое населеніе р. Анадыра", 3) „Составъ населенія Анадырской округи". Замѣтка по языку, присланная имъ оттуда же въ Этногр. Отдѣлъ И. О. Л. Е., А. и Э., имѣется въ виду для напечатанія.

Въ настоящее время Н. Л. Гондатти, пользуясь отпускомъ, возвращается сухимъ путемъ черезъ Сибирь въ Европейскую Россію и прежде всего въ Москву, чтобы повидаться съ родными, отдохнуть, заняться приведеніемъ въ порядокъ добытыхъ матеріаловъ и свѣдѣній, а также познакомить столичный ученый міръ съ результатами своихъ изслѣдованій.

Красноярскій музей.

Красноярскій городской музей основанъ въ 1889 году мѣстнымъ купцомъ Матвѣевымъ. Спустя годъ послѣ основанія Матвѣевъ пожертвовалъ его городу. Нынѣ музей помѣщается на Береговой улицѣ, въ городскомъ зданіи, вмѣстѣ съ приходской школой. Не смотря на то, что музей существуетъ уже восемь лѣтъ, отчетовъ по нему было составлено только два: первый черезъ годъ послѣ основанія, а второй въ 1892 г. Сравнивая оба отчета, мы видимъ, что музей за годъ своего существованія пополнился многими предметами. Въ послѣднія же пять лѣтъ музей почти ничего не пріобрѣлъ, а если и пріобрѣлъ, то очень немного. Объясняется это тѣмъ, что нѣтъ почти никого, кто-бы принялъ на себя трудъ посодѣйствовать развитію музея. Въ этомъ

*) Въ томъ же засѣданіи Приамурскаго Отдѣла было объявлено, что, съ разрѣшенія г. генералъ-губернатора С. М. Духовского, открыта подписка въ предѣлахъ Приамурскаго края на памятникъ въ г. Хабаровскѣ Семену Дежневу, открывшему въ 1648 г. проливъ, названный впослѣдствіи Беринговымъ. О казакѣ Дежневѣ см. соч. *Н. Оглобина*: „Семенъ Дежневъ (1638—1671). Новыя данныя и пересмотръ старыхъ". СПБ. 1890. (Изъ Ж. Мин. Н. Пр. 1890 г., окт.). Краткія свѣдѣнія см. также въ брош.: „Замѣчательные русскіе люди Ерофей Хабаровъ и Семенъ Дежневъ", изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло", СПБ. 1891. *Ред.*

отношеніи сосѣдній Минусинскій музей находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, имѣя у себя такого сотрудника, какъ Н. М. Мартьяновъ.

Красноярскій музей состоитъ изъ шести отдѣловъ: естественно-историческаго, археологическаго, нумизматическаго, сельско-хозяйственнаго, этнографическаго и промышленнаго. Предметовъ во всѣхъ этихъ отдѣлахъ насчитывается до десяти тысячъ.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ костюмовъ только восемь. Изъ нихъ особенно интересны три, а именно: 1) „Парка"—верхняя одежда шамана Качинцевъ; состоитъ она изъ короткой кожаной куртки съ большимъ отложнымъ воротникомъ; воротникъ сдѣланъ тоже изъ кожи и украшенъ бѣлыми раковинами. Подъ воротникомъ пришиты длинныя ленты, доходящія, вѣроятно, до колѣнъ. Ленты преимущественно красныя и зеленыя, на концѣ каждой изъ нихъ пришито по одной раковинѣ. Эти ленты, идя отъ воротника, прикрываютъ, слѣдовательно, спину и бедра, тогда какъ передъ куртки имѣетъ только короткія висюльки, сдѣланныя изъ кожи, въ видѣ тонкихъ трубочекъ. Полы куртки и рукава расшиты красной лентой шириною вершка въ два. Застегивается куртка маленькими мѣдными пуговицами. Рукава небольшіе, къ нимъ снизу привѣшено по одному колокольцу и, кромѣ того, много мѣдныхъ, жестяныхъ и свинцовыхъ побрякушекъ. Къ воротнику пришито семь довольно большихъ колокольцевъ, а при каждомъ изъ нихъ — по одному круглому колокольцу. При этомъ костюмѣ находится головной уборъ. Это - конусообразная мягкая шапка, украшенная бѣлыми раковинами. Сверху прикрѣплены два желтыхъ пера, которыя спадаютъ сзади на воротникъ. Къ одному краю шапки пришиты ленты длиною въ аршинъ. Судя по украшеніямъ на шапкѣ и перьямъ, ленты эти пришиты спереди и должны прикрывать лицо. Кромѣ этого костюма, есть цѣлая коллекція принадлежностей того-же шамана, употребляемыхъ имъ при камланіи. Состоитъ она изъ двадцати двухъ предметовъ. Здѣсь есть средства отъ головной боли, отъ ломоты лопатокъ, при трудныхъ родахъ, отъ падучей болѣзни, кашля, глазныхъ болѣзней и т. д. Всѣ они почти одинаковы, состоятъ или изъ прутиковъ, перевязанныхъ разными лентами, или просто куски древесной коры, есть также и металлическія пластинки.

2) Второй костюмъ шамана Соіотъ. Это—простой бараній полушубокъ, доходящій только до колѣнъ. Задъ полушубка увѣшанъ длинными лентами, передъ—короткими. Къ каждому изъ рукавовъ сзади пришито по кольцу съ пучками лентъ. Цвѣта преобладаютъ свѣтлые. Сзади, немного пониже плечъ, вшито также по кольцу съ пучками лентъ. На самой спинѣ прикрѣплены кольца съ конусообразными побрякушками изъ мѣди и жести. Головной уборъ состоитъ изъ околыша, сдѣланнаго изъ мягкой матеріи. Верхъ его закрытъ перьями, которыя торчатъ вверхъ. Спереди на околышѣ сдѣлано подобіе лица. Глаза изъ синихъ бусъ, носъ изъ куска жести. Немного выше глазъ по бокамъ прикрѣплены два тонкіе металлическіе прута длиною въ четверть, торчащіе впередъ. При этомъ костюмѣ находится семь штукъ маленькихъ идоловъ, употребляемыхъ шаманомъ при камланіи. Идолы эти имѣютъ видъ туловища человѣка безъ ногъ. Туловище сдѣлано изъ тряпокъ. Само оно желтаго цвѣта, а голова красная съ бѣлымъ пояскомъ на лбу. Отъ шеи къ правому бедру идетъ красная лента. Величиной такой идолъ вершка три.

3) Третій костюмъ шамана якутовъ и самоѣдовъ; состоитъ онъ изъ кожаной куртки, такихъ же брюкъ и сапогъ. Полы куртки украшены длинными тонкими ремнями. Спереди куртки, начиная отъ ворота, ниспадаетъ кожаная пелерина, украшенная металлическими бляхами въ видѣ стрѣлъ. Края и низъ пелерины расшиты мелкими разноцвѣтными бусами. Оба рукава украшены четырехугольными бляхами, а спина различными металлическими побрякушками продолговатой и круглой формы. Сапоги спереди расшиты металлическими пластинками шириною въ вершокъ. Головного убора при этомъ костюмѣ не имѣется, но есть принадлежности при камланіи, состоящія изъ блякъ, колокольцовъ, шкурокъ звѣрей и птицъ, металлическихъ прутьевъ. Кромѣ этихъ предметовъ, есть еще туловище человѣка, сдѣланное изъ тряпки, и картина, изображающая пляшущихъ шамановъ.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на женскій костюмъ инородокъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ. Костюмъ этотъ, правда, очень не сложенъ, и состоитъ изъ ситцеваго балахона съ широкими рукавами. Концы рукавовъ и вставка подъ ними сдѣланы изъ красваго ситца, весь же костюмъ бѣлый съ различными рисунками. Остальные четыре костюма особеннаго интереса не представляютъ. Это—обыкновенные зимніе остяцкіе костюмы, сдѣланные изъ оленьихъ шкуръ, шерстью наверхъ.

Изъ отдѣльныхъ предметовъ въ этнографическомъ отдѣлѣ имѣются слѣдующіе: плисовыя рукавицы инородцевъ Минусинскаго округа, мѣховая шапка (форма зимней татарской шапки), кисетъ для табака, обувь курдовъ—кожаныя туфли съ поднятыми вверхъ носками, безъ украшеній, японскія туфли, монгольская икона, имѣющая видъ квадрата величиною четверти въ двѣ (разобрать рисунка невозможно, потому что краски яркія и налѣплены очень густо, только посрединѣ иконы можно различить сидящую человѣческую фигуру). Есть также около двадцати предметовъ инородческой домашней утвари, состоящей изъ простыхъ деревянныхъ чашекъ, ложекъ, корытъ. кусокъ тиски (береста), употребляемой сѣверными инородцами для покрытія юртъ; остяцкія нарты; остяцкій лукъ съ стрѣлами, на стрѣлахъ сдѣланы различные металлическіе наконечники; наконецъ, шесть инородческихъ череповъ.—Вотъ всѣ предметы этнографическаго отдѣла.

Естественно-историческій отдѣлъ состоитъ изъ коллекціи мѣстныхъ птицъ (25 экз.), коллекціи мѣстныхъ мухъ (67 экз.), мѣстныхъ бабочекъ (52 экз.), и коллекціи жуковъ (69 экз.). Гербарій изъ 84 видовъ растеній флоры Туруханской тундры.—Въ небольшомъ отдѣлѣ палеонтологіи находится черепъ ископаемаго зубра, два отдѣльныхъ отпечатка рыбъ, черепа мамонта и носорога.—Въ отдѣлѣ минералогіи — коллекція горныхъ породъ, изъ которыхъ образовалась почва Минусинскаго округа; 2 коллекціи полезныхъ ископаемыхъ, какъ-то: руды, соли, краски, и строительный матеріалъ.—Въ нумизматическомъ отдѣлѣ насчитывается 928 монетъ.—Въ археологическомъ отдѣлѣ—желѣзная кольчуга и такой же шишакъ, мѣдная вилка, каменный топоръ и, наконецъ, большая коллекція, состоящая изъ каменныхъ, костяныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и другихъ предметовъ, числомъ 2190.—Промышленный отдѣлъ состоитъ изъ коллекціи производства Алексѣевскаго крупчаточнаго завода, цѣлой группы принадлежностей охоты и рыболовства. — Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ

находятся коллекціи сѣмянъ полевыхъ растеній, огородныхъ и бахчевыхъ, и, наконецъ, образцы производствъ Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода и образцы Коноваловскаго фарфороваго и стекляннаго завода. Кромѣ того, три маслобойни, жатвенная машина системы Джонстона, ручная молотилка, сѣнокосилка и одноколесный плугъ.

Вотъ краткое описаніе состава всего Красноярскаго музея.

Въ концѣ считаю не лишнимъ упомянуть слѣдующее: авторъ одного изъ отчетовъ по музею пишетъ между прочимъ: „Нашъ музей пополняется всевозможными предметами изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ, и всего менѣе предметами мѣстными. Причинъ тому весьма много, самая-же главная, по нашему мнѣнію, отсутствіе сотрудниковъ".

То же самое говорилъ мнѣ теперешній хранитель музея Е. М. Кибортъ.

Л. Масюкевичъ.

Автобіографіи этнографовъ.

Вновь поступили, кромѣ упомянутыхъ въ кн. XXXIII „Этногр Обозрѣнія", автобіографическіе матеріалы для исторіи современной русской этнографіи отъ А. А. Диваева изъ Ташкента и С. и П. А. Дилакторскихъ изъ Вологды, съ приложеніемъ фотографическихъ карточекъ.

А. А. Диваевъ посвящаетъ свои научныя занятія главнымъ образомъ изученію русскаго Туркестана. Его матеріалы и работы помѣщены: 1) въ мѣстномъ „Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области", тт. I—VI (1891—97), 2) въ казанскихъ „Извѣстіяхъ Общ. Арх., Исторіи и Этнографіи", тт. XIII, XIV, 3) въ „Ученыхъ запискахъ И. Казанскаго университета" (1897), 4) въ „Запискахъ Вост. Отдѣленія И. Р. Археологич. Общ.", т. X. Кромѣ того, въ періодич. мѣстныхъ изданіяхъ (напр. „Туркест. Вѣдомости", „Окраина" также появляются время отъ времени его статьи.

Братья *Серг. Ал-ндр.* и *Прок. Ал-ндр. Дилакторскіе,* проживая въ Вологодской губ., собираютъ для мѣстныхъ изданій и для Этнографич. Отдѣла этнографическіе матеріалы. Имена ихъ можно встрѣтить въ „Вологодскомъ иллюстр. Календарѣ" (1894), въ литературномъ сборникѣ „Вологжанинъ" (1894—95), въ „Волог. Губ. Вѣдомостяхъ" (1890—91—93—95), въ „Этногр. Обозрѣніи" (XXI, XXIV). Нѣкоторые матеріалы по языку П. А. Дилакторскій доставилъ И. А. Наукъ; кое-что изъ его матеріаловъ и статей остается еще не напечатаннымъ у насъ. Подпись его иногда обозначена сокращенно: П. Д., или П. Кторскій, а также П. Александровъ („Этн. Обозр." XIX, 145).

Повторяемъ снова нашу просьбу о присылкѣ автобіографическихъ свѣдѣній въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія", съ приложеніемъ фотографій.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ въ 10—12 печатн. листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ. Цѣна годовому изданію *шесть* рублей съ пересылкой. Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу: *Москва,* въ *Географическое Отдѣленіе И. Общества Любителей Естествознанія, Политехническій Музей.*

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: рекомендовать издаваемый Геогр. Отдѣл. И. О. Л. Е. журналъ „Землевѣдѣніе“ особенному вниманію педагогическихъ совѣтовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и городскихъ училищъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и учительскія библіотеки“.

За 1897 г. вышли книжки I—II и III—IV. Цѣна имъ, безъ приложеній, каждой по 1 р. 50 к. Приложеніями къ нимъ служатъ II—III и IV (послѣдній) выпуски (въ двухъ книжкахъ) сочиненія **Ф. Нансена.**—*„Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи“*. Годовымъ подписчикамъ „Землевѣдѣнія“ за 1897 г. выпуски эти высылаются безплатно Первый выпускъ Нансена вышелъ при послѣдней книжкѣ „Землевѣдѣнія“ за 1896 годъ.

За 1896 г. вышли четыре книжки „Землевѣдѣнія“. Цѣна I-й книжки въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к., II-ой—2 р., III—IV-ой—1 р. 75 к., съ отдѣльнымъ приложеніемъ (Нансенъ, вып. I)—2 р. 50 к., а весь годъ 5 руб.

За 1895 г. вышли четыре книжки. Цѣна I-ой книжки въ отдѣльной продажѣ—2 р., II—III книжки 2 р. 50 к., IV-ой—1 р. 50 к., а весь годъ 5 руб.

За 1894 г. вышли четыре книжки. I-ая книжка 1894 года осталась лишь въ немногихъ экземплярахъ и можетъ быть получена только при условіи выписки полной серіи за четыре первыхъ года (1894—1897).

Выписывающіе четыре года, 1894, 1895, 1896 и 1897, могутъ получать ихъ за 20 р., а съ 1898 годомъ за 25 р. съ пересылкой.

Другія изданія Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э.

А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. М. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

„Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю“. Сборникъ статей *А. В. Потаниной.* Съ біографіей путешественницы, ея портретомъ, пятью таблицами рисунковъ и политипажами въ текстѣ. М. 1895. Ц. 3 р.

Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Переводъ *А. А. Крубера,* подъ ред. *Д. Н. Анучина.* Съ картами, таблицами (автотипіями), рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ статей: 1) Ф. Нансенъ, біографическій очеркъ, и 2) Неизвѣстныя полярныя области. М. 1897—98. Ц. 4 р. Подписчики на „Землевѣдѣніе“ за 1897 г. получаютъ это сочиненіе безплатно.
